

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№ 30 (36)
1991 г. 1 руб.

иллюстрированный еженедельник

RANK XEROX

RANK XEROX

RANK XEROX

Если Вы хотите заниматься копированием, а не ремонтом, если Вам нужна надежная и быстродействующая копировальная техника, лучший выбор для Вас — копировальные машины фирмы RANK XEROX!

Техника XEROX не имеет равных по качеству копий, производительности, выносливости и ремонтпригодности. Великолепные качества машин XEROX оценены во всем мире: В 1989 году Президент Буш вручил фирме XEROX национальный приз за качество, в это же время получен и британский сертификат качества.

В 1990 году вся гамма машин XEROX была признана лучшей в мире.

Самая почетная награда — признание потребителей. Каждая вторая копия в мире производится на машинах марки XEROX.

В СССР крупнейшими покупателями машин XEROX являются канцелярии Президента и Верховного Совета СССР.

Поставка машин XEROX в СССР за рубли и гарантийное обслуживание осуществляются официальными дилерами фирмы.

XEROX

дилера фирмы «RANK XEROX» в Москве:
☎ 280-98-77, 280-77-33.

Гарантии не распространяются на машины XEROX, купленные не через представительство фирмы или ее официальных дилеров.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО

ТОПЧУЩИЕ

ЛУГ

Вам, наверно, тоже памятен апокриф, переложенный в стихи Твардовским: однажды Ленин в Горках гулял — «по лугу по заливному без дороги — напрямик», а местный крестьянин-печник увидел в этом нарушение своих прав, даже урон в производстве кормов:

« — Эй ты, кто там ходит лугом!

Кто велел топтать покос?!» —

и пошел материть незнакомца. Бранил так азартно, что Ленин отметил: «Хорошо ругаться можешь».

Сюжет весел безнаказанностью. Печнику за мат вождю ни-че-го не было! Наоборот, в холода он был доставлен в барский дом, чинил печь, опять отличился — и снова был отмечен Ильичем: «Хорошо работать можешь»...

Земля вокруг Горок была для Ленина — чья? Своя. С февраля 1919 года — социализированная, то есть государственная. Не луг, не поле, но территория, переданная в полное распоряжение ведомств (тогда — наркоматов). Как глава РКП(б), Совета Труда и Оборона и Совнаркома, Ленин ощущал себя старше всех наркоматов (скажем — чувствовал себя ответственным за них), и распоряжение, владение и пользование абсолютно всей советской на ту пору землей для него никакой проблемы уже не составляло. Конечно,

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО родился в 1929 году. Окончил филологический факультет Кишиневского университета. Приобрел известность как публицист, открыто заговоривший о больших проблемах российской деревни, сельской экономики. Автор книг «Русская пшеница», «Умение вести дом», «Дальняя поездка», многочисленных статей в периодической печати. Ведущий телепрограммы «Сельский час».

В 1974 году уволен из штата редакции газеты «Правда» за острые публикации в журнале «Новый мир». В перестроечное время стал одним из организаторов Крестьянской партии России, сейчас — ее председатель. Народный депутат СССР. Секретарь правления Союза писателей СССР.

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник Моссовета

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:
Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о рекламе звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Факс: 41.21—311.45.11
Тел.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)

Номер подписан в печать 26.07.1991

Тираж 150000. Цена 1 р.

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате Государственного комитета СССР по печати

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1120.

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

1 Топчущие луг
Ю.Черниченко

ДЕЛОВЫЕ ЛЮДИ

14 Не играйте в политику. Играйте на бирже
Ю.Милюков

ПОЧТАМТ

16 Стучите сильнее!
В.Басков

СТО ЛИЦ

18 Раввин с Запада
А.Ефимова

РАССКАЗ

26 Догвуд
В.Матлин

СИМВОЛЫ

35 Большевикский Христос (окончание)
М.Вайсколф

БЫВШИЕ

40 Истории от Балашова

ПЕРЕПИСКА

45 Правый полузащитник
А.Минкин

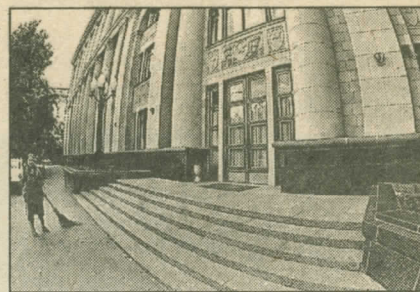
АРТ-СЕЗОН

52 Довлеет дневи...
А.Соколянский

Внимание!
Специально для подписчиков редакция журнала «Столица» проводит лотерею стр. 11

Заведующий отделом оформления:
Виктор Резников

Над номером работали:
В.Цыбульский
А.Пружинина
Э.Петрова

8 Институт общественных наук при ЦК КПСС, или «Международная ленинская школа» при ЦК КПСС, продолжает существовать и даже расширяет свою деятельность.

22 В.Лебедев:
«Желающие уехать в США делятся на две части: меньшая уезжает навсегда, большая — в гости. Поговорим о большей».

58 Веничка

в описываемое росистое утро и мысль об этом в голову не приходила — сказывалось просто ощущение хозяина. Каковое ощущение поэтом Лебедевым-Кумачом несколько позже отражено было в строках:

«Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей».

Родины как таковой. Целиком. Не объятной ни для кого.

Печник же, состоя членом общины в Горках, полагал луг частично своей собственностью: в общем покосе ему надлежало получить или долю площади, или — если сенокос бывал совместным — часть готового сена. В печнике-матерщиннике была еще жива инерция 1917 года и эсеровского лозунга «Земля — крестьянам!», в силу которого упомянутый луг от землевладельца отошел здешней общине (сам дом с колоннами, флигелями и т.д. взял Совнарком, Ленин). Мужик не ощущал себя хозяином всей земли (за речкой мог быть покос соседней деревни, и там, наверно, он не разбранил бы незнакомца). Но данный луг был его собственностью, откуда и ярость брани.

Наше теплое восприятие иконы... Печник — строго по ленинизму — двойственен. В нем еще сидит собственник, но он пока еще и прекрасно работать умеет. Виноват, но заслуживает снисхождения. Доступен перековке. Да и был в итоге прощен, пройдя известный этап принудработ (не сам же он навязался печь чинить — чекисты взяли!). В итоге мы получили нового печника: бранить вождей перестанет, работы хорошей не жди.

Ленин по рассеянности нарушил аборигенные обычаи Горок. И симбирское отрочество, и жительство среди фермерских ландшафтов Швейцарии могли привить известное уважение к чужим травам, и под Цюрихом или Парижем он такой забывчивости наверняка б не допустил. Но с продрозверсткой, с коминтерновской психологией «единой, неделимой» земли и даже Земли (в гербе) навыки испарились.

Потом убедимся: топтание покоса, намеренное или оплошное, ущерб селу али недобор урожая вообще генетически сцеплены с неделимостью земли между хозяевами и принадлежностью всей территории проживающему в некупленном дворце главе Совнаркома.

Ильич размножится — покос по-

ляжет сильней. Говоря обобщенно, исчезновение двухсот миллионов га российского луга как естественно орошаемой, самосеивной плантации трав есть итог безнаказанного и постоянного топтания партией Ильича — с неотвратимым наказанием печников за брань, непослушание или упрямство в давних приывках.

Пройдут обещанные Лениным Герберту Уэллсу («Приезжайте через десять лет») десять лет — и главный писатель Страны Советов, «беспартийный член Политбюро» (так называли А.М.Горького) станет через газету «Правда» обучать того печника и вообще новых людей-колхозников правилам сенокосения, браня теперь уже мнимых хозяев луга за рутину, предрассудки и хозяйственную темноту.

«...Добычу сена можно развить вдвое больше, если отказаться от прадедовского предрассудка не начинать косить травы до петрова дня, как принято делать по завету стариков, — учил основатель социалистического реализма. — Из-за позднего сенокоса мы теряем в сене 30—40 процентов на качестве его да столько же на количестве, так как теряем отаву, второй укос. Сенокос надо начинать в те дни, когда колосится трава, а оканчивать его, когда трава цветет. От этого сено будет питательнее, а питательность его немедленно отразится на здоровье и продуктивности скота...»

«Не допускать, чтобы сено в рядах пересохло и превратилось в солону. Трава должна высухать в валках, а не в рядах», — требовал автор «Песни о Соколе».

«Уложите сено в скирды до начала хлебоуборочной кампании. Подготовьте луга ко второму укосу.

Все сено в степных районах должно быть подвезено к базам стоянок скота до начала зимы», — бил в одну точку создатель «Клима Самгина». И это вам не измышленный путиловец Семен Давыдов, учивший хутор Гремячий Лог старательно пахать. Это реальный творец соцреализма, нижегородский мещанин и обитатель Капри... Сообщив читателю, что «силами ударников, под руководством коммунистической партии, были выполнены и перевыполнены правительственные планы по селу (план — 62 миллиона га, выполнено 64 миллиона га...), основатель пролетарской литературы, миновав странный учет сухой травы в гекта-

рах, приковывает внимание своих читателей к гарбеджной кампании. «На гарбедже (на отходах питания) мы можем прокормить столько свиней, чтобы получать ежегодно по 100 тысяч тонн мяса».

Под конец статьи знакомец Чехова и Льва Толстого уверил читателей «Правды»:

«Буденновцы дерутся не только за сено, силос, гарбедж, но и за коня, верблюда, мула».

Может — мистификация? Розыгрыш? Или в XXVI том академического издания сочинений М.Горького (Худлит, Москва, 1953) случайно попали страницы из наркомземского бреда? Да нет, все точно. Писано именно Горьким, это его патетика поры, когда «Девушка и смерть» стала сильнее, чем «Фауст» Гете, риторика не дает усомниться...

«... нет таких препятствий, которые не могла бы преодолеть коллективная сила рабочей массы... Труден путь к этой цели, но уверенно и умело ведут нас к ней партия рабочих большевиков и вождь этой партии товарищ Сталин... Каждый день и каждый час труда обогащает страну, и в этом богатстве нет ни одной крохи, которая миновала бы рабочего и крестьянина, потому что в стране нашей нет других хозяев, кроме трудового народа, и все, что он делает, делает он для себя, для того, чтобы явиться на земле самым сильным, здоровым, умным народом, учителем и вождем трудящихся всей земли*».

Насчет мула и гарбеджа у меня нет четкого мнения. Но я все-таки косить-то косил...

Не станешь учителем и вождем, если выйдешь с косой, когда колосится трава, — тем более самым здоровым и умным народом не станешь. Печник, материвший Ленина, начинал сенокос с Петрова дня не из предрассудков и тупости, а чтоб дать части семян поспеть в валках, осеменить луг и тем сохранить ботанический состав трав в желательном для хозяйства виде. Так поступали и славянские предки печника тысячу лет: пользовались — и осеменяли луга. Стоило два-три лета подряд действительно провести косовицу по-горьковски — и заливные луга стали бы утоптанной пустыней. Любой хозяин Горок мог бы

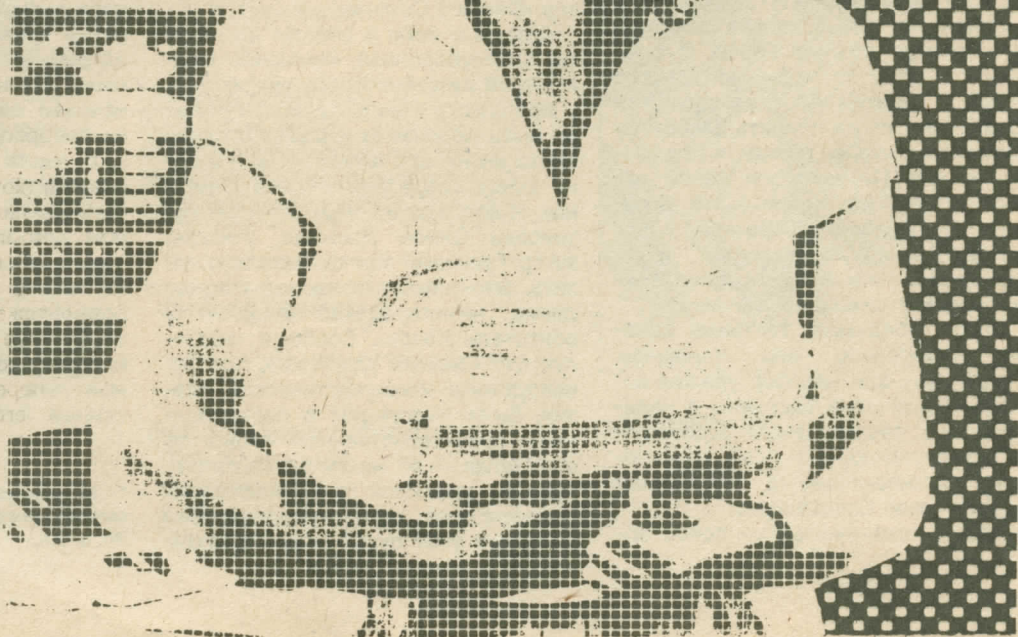
* М.Горький. Предрассудки съедают миллионы пудов сена. — Собр. соч., т. 26, с. 300—303

RANK XEROX

Ксерокс 5026 — НОВИНКА НА СОВЕТСКОМ РЫНКЕ! ПРОИЗВОДИТЕЛЬНАЯ МАЛОГАБАРИТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ МАШИНА

КСЕРОКС 5026

- * Стандартным является копирование в черном/красном цвете. Дополнительные опционные цвета — голубой, зеленый, коричневый.
 - * Машина 5026 изготавливает за одну минуту 28 копий формата А4 или 16 копий формата А3.
 - * Копии изготавливаются с уменьшением или увеличением в диапазоне масштабов 50%—200% от размера оригинала.
 - * В качестве материала для копии применяется обычная бумага или бумага с адресными наклейками.
 - * В случае необходимости возможна непрерывная подача бумаги.
- ☎ официального дилера
фирмы RANK XEROX в
СССР: 280-77-33, 280-98-77
- RANK XEROX — САМЫЕ
НАДЕЖНЫЕ МАШИНЫ!
САМЫЕ ДЕШЕВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ!**

маршировать здесь без какого-либо вреда.

В голове, голове дело — но не в голове печника! В мае 1931-го автор пьесы «На дне» так очертил новый сталинский метод крестьянского мышления: «...25 миллионов голов сольются в одну мудрую хозяйскую голову. Эта голова сообразит, в какой области, на какой почве выгоднее будет сеять только пшеницу, где — рожь, где — ячмень; сплошной пахотой она уничтожит сорные травы — паразитов, зря высасывающих соки земли также, как бесполезные люди высасывали силу крестьянства... Кругозор единой двадцатимиллионной головы расширится за узкие пределы волости, уезда, на всю страну, и новый работник на земле увидит все урожда вчерашнего своего дня, всю бессмысленность, бесполезность привычной для него траты сил своих»**.

Голова выросла, звалась то Сталиным (аграрным его мозжечком состоял Лысенко), потом Хрущевым — кукурузником. Затем на продовольственной программе взмошел Горбачев. Общность меж ними в двух — как минимум — вещах.

От самых болезненных, жизненно опасных команд питающему ее телу единая на все 25 миллионов голова не болела никогда! Кто этому не верит — того ничему не научат ни история, ни новый призрак голода.

Второе: от топчущего траву Ленина до нынешнего генсека лидеры компартии едины во взгляде на принадлежность земли. Фраза «Декрета о земле», сочиненная теоретиком эсеров В.М.Черновым — «Право частной собственности на землю отменяется навсегда», — оказалась рекордным обманом XX столетия. «Земля не может быть ни передаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема» — да, после Октября впрямь не может, потому что и отчуждать более нечего: вся земля СССР сразу же отошла РКП-ВКП(б)-КПСС. Частная партийная собственность на землю не только внедрена повсеместно на 557 миллионах га сельскохозяйственной и на 227 миллионах га пашни, но и утверждена с единообразием, о каком мечтать не могла никакая из древних восточных деспотий. Пестрота предреволюцион-

ного пользования теперь даже слепит: от государственного владения до церковного и монастырского, от общественного — до кабинетских земель (личная собственность императора), от казачьего земельного права до ушедшего помещичьего строя (см. «Вишневый сад» и «Антоновские яблоки»)..

Ныне — райком. И в Фергане райком, и в Новгороде — он же. И в Таврии райком, и на Памире, где молотят пока неолитским камнем. «Выделить землю — оприходовать по акту». Акты на вечное пользование землей — фокус и мифология: тысячи колхозов так же навечно переведены в государственные хозяйства безо всякого стресса техпользователей. Опробовано не в России, не в Средней Азии только — и во Вьетнаме, на Кубе, в Северной Корее, даже в Анголе и Мозамбике. «Литва ли, Русь ли — что гудок, что гусли»: одинаковые и сложности, и метастазы. Но и аналогичные, представьте, выигрыши!

Будучи крымчанином, я хорошо знал дальний, к Севастополю, край Южного берега: заказник древовидного можжевельника, реликтового, подчас в два обхвата ствол. Глубокие чистые бухты служили родильным домом дельфинам еще с одиссеевых, наверно, времен: считается, что хитроумный Улисс заплывал в Балаклавскую бухту. Особенно живописны берега между мысом Сарыч и именем Тессели (до Октября частной дачей Плаутиной, а потом полуссылкой поднадзорного Горького). Свежесть, чистота, настый смол и йода. Когда-то я наврал в одной книжке, что в этом райском уголке таврийскими полуднями пляшут античные нимфы, а на свирели им играет лесной хозяин Пан.

На самом деле и тут хозяин — КПСС. Не затрудняясь покупкой уникальной территории и переселением нимф, Управление делами ЦК КПСС возвело здесь комплекс зданий для Генерального секретаря ЦК Михаила Сергеевича Горбачева. Теперь Михаил Сергеевич проводит отпуска не на прежней госдаче в Ореанде (каковая ранее под именем Орианда состояла царским именем), т.к. экологическая обстановка здесь резко ухудшилась. Соседняя Ялта из числа курортов Всемирной организацией здравоохранения исключена: загрязненность морской воды иногда в сотни раз выше предельно допустимых норм.

Генсек стоял перед выбором: израсходовать определенную сумму на очистку фекальных вод, вообще сбросов у Ялты — или перебраться на еще чистое море, деньги вложить в новостройку, взлетную полосу и ретрансляционную телебашню... Возобладал второй, освоенческий вариант — среди других мотивов и потому, что за новую землю не надо было платить ни копейки. В режимах, где нет коммунистической монополии на землю, приобретение столь редкостной территории наверняка изменило бы арифметику выбора: нет сомнений, что участок плюс природоохранные сложности превысили бы и стоимость оранжевой изразцовой черепицы, и ваз, и упомянутой телевизшки. Но у нас, благодаря Декрету эсеров, такого бандализма нет. Новым помещикам мы народ грабить не позволяем, а частную собственность клеймили методично и страстно. Возник дворец, родились службы, дорожный знак «остановка запрещена» заменил ворчливые угрозы туристам — ночевки запрещены, погранзона!

По крымскому преданию, Горбачев ответил одному севастопольскому рабочему: «Я миллионам людей даю дачи — и не могу построить себе? Я шестьсот тысяч долларов внес в партийную кассу». Скорей всего и здесь апокриф, нам важна мотивация поступка в простых головах: земли как ценности больше нет, ущербом покосу в этом случае не пахнет — и новый печник уже не материт за луг! Точней, он намеком как бы материт за дом, дачу — в Севастополе не хватает детских садов, жилья, того-сего. Но про отношение к земле уже ни гу-гу. Зажилло и отпало.

Тут самое время сказать, что — конечно же — много работающий должен хорошо восстанавливать силы. Что я вовсе не против новых госдач, хотя где-то сменяемые верховные лица не брезгают жить в одном Кэмп-Дэвиде. Обязан добывать, что голодные обмороки Цюрупы лично мне не нравятся. В них я вижу тоже работу на миф. Ведь в ленинское же время юсуповское Архангельское, воспетое Пушкиным, было передано Троцкому и управлялось его тещей. И я все нужные оговорки делаю, торопясь, однако, привлечь внимание к власти над землей — и особому мышлению топчущих луг.

**М.Горький. 12.838 тысяч хозяйств в колхозах. — Собр.соч., т.26, с. 43

Аграрную реформу заклинило, а почему — никак не можем понять! Ищется топор под лавкой. То очевидное орудие, что лежит на глазах, не принимается за реальность: слишком просто! Ну, компартия (в виде председателевского корпуса и районного чиновничества) земли не отдает. Откровенно и не таясь плюет на законы Ельцина. Отчего? Только потому, что жареный петух не клюнул? Не может быть, это слишком просто. Ленинцы же они, в конце концов? Значит — тактики, должны понимать, что ради спасения выгодно отступить, пересмотреть линию, произнести «всерьез и надолго» — а там и нэп пойдет. Словом, как Ленин в пору Кронштадта...

Вот ведь народ какой! Вроде и в ЦК служили, и докторские дипломы в свой час принимали, а любой районный сиделец, кувшинное рыло, чинящее подлости фермеру, больше и точнее их понимает сам аграрный дух ленинизма.

Никакой рабоче-крестьянскости! Рабочий как образ партийной диктатуры — это хорошо, а крестьянин — это капитализм, это свободный обмен, это опасней Колчака и Деникина вместе. Надо использовать крестьянина так, как были использованы военспецы: поставить крестьянство в те условия, в ту меру, когда оно — ради выживания! — будет работать на пролетарскую диктатуру, то есть на партию. Крестьянин — своего рода военспец, «мелкий земледелец не хочет того, что хочет рабочий» (В.И. Ленин. ПСС, т.43, с.58), надо отступить, потому что давят, не выстоять, а насколько отступить — «вопрос — в мере» (там же, с. 62).

Вы можете понять, что и у кронштадтского ленинизма никаких крестьянских интересов попросту нет, ими не пахнет! Мужик вообще служебен, и дело с ним приходится вести только и исключительно потому, что он — линкорами Кронштадта — подвесил на волоске всю мировую революцию. Сколько пушек на Балтфлоте, столько и тревоги о крестьянстве. Ни на один снаряд больше. Не верите? Читайте.

«Крестьянство не верит. Но разве мы обманываем?.. Пролетариат руководит крестьянством, но этот класс нельзя так изгнать, как изгнали и уничтожили помещиков и капиталистов. Надо долго и с большим трудом и большими лишениями его переделывать. От нас, от руководящей партии, зависит, сколько

бедствий падет на пролетариат и сколько на крестьянство.

...Нужно руководствоваться интересами пролетариата, т.е. обеспечением от реставрации капитализма и обеспечением пути к коммунизму... Мы открыто, честно, без всякого обмана, крестьянам заявляем: для того, чтобы удержать путь к социализму, мы вам, товарищи крестьяне, сделаем целый ряд уступок, но только в таких-то пределах и в такой-то мере, и, конечно, сами будем судить — какая это мера и какие пределы» (там же, с. 319—320).

Открыто ж и прямо: никакого вам освобождения крестьянства, а будет мера, и мера эта определится нами, верней — отрезано будет строго пропорционально вашей нынешней военной угрозе и опасности. Как давите, столько и получите.

Десятый съезд РКП(б) проходит между двумя штурмами Кронштадта. Седьмого и восьмого марта по Кронштадту и его фортам выпущено 5.159 снарядов. Его пытаются взять нестойкие полки: пленные денкинцы да разоруженные в Крыму махновцы. Петроград живет в канонаде, на перекрестках — броневики, Зиновьев перебрался в Петропавловскую крепость. Город на осадном положении. Спас большевиков лежало «Ермак»: им восставшие хотели обколоть лед вокруг морской крепости и тем исключить штурм пехоты по льду, но Зиновьев успел снять экипаж и погасить котлы.

В момент восстания в Кронштадте 26.687 человек, в их числе 1650 коммунистов, да среди гражданских — 600 членов партии. Выходившие из партии партбилеты приносили пачками, мотив — «по религиозным убеждениям». Триста партийцев были арестованы, 165 через Цитадельные врата бежали из крепости. На берегу в Ораниенбауме восставших моряков поддержал 1-й морской воздушный дивизион, его командир Колесов и четыре летчика были расстреляны. Всего у большевиков действовало против Кронштадта более 20 аэропланов. Зиновьев обещал перестрелять мятежников, «как куропаток», но эта болтовня даже партийцев раздражала. Опасность для съезда да Ленина была большой, «чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые».

Использовали военспецов! Командиром Седьмой армии пятого марта был назначен М.Н.Тухачевский — в 24 года поручик-дворянин, в 26 —

командарм, в 44 — член ВЦИК и ЦИК, кандидат в члены ЦК — и труп. Ему были подчинены войска Петроградского военного округа и весь Балтфлот, в Седьмую армию входило пять дивизий, отдельные бригады, высшие командные курсы Западного фронта (3 тыс. человек) и другие соединения. Весь балтийский берег был забит войсками, была переброшена тяжелая артиллерия, бойцы были заново экипированы и необычайно хорошо накормлены.

«Характернее всего в кронштадтских событиях именно колебания мелкобуржуазной стихии. Вполне оформленного, ясного, определенного очень мало. Туманные лозунги «свободы», «свободы торговли», «раскрепощения», «Советов без большевиков», или перевыбора Советов, или избавления от «партийной диктатуры» и так далее и тому подобное» (там же, с. 237). Что такого уж туманного в лозунге Советов без большевиков, что неопределенного в избавлении от партийной диктатуры — судить Ленину, да тут и скидка нужна на ментальность делегатов съезда, только-только вернувшихся из-под Варшавы и с Перекопа. Этот уговор своих, эта словесная обработка единокровных лейтмотивом «ничего страшного» так узнаваема в тактике Горбачева! «Не бойтесь, страшного тут еще нет, тут даже пользу можно извлечь» — почти буквально повторяются приемы обработки!

«Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. Мэру установит практика, опыт. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет...» (там же, с.244). «...Частнохозяйственный капитализм в роли пособника социализму? Но это несколько не парадокс, а экономически совершенно неоспоримый факт... Поменьше спора о словах» (там же, с. 233). «Научились в Красной армии... использовать в общем и целом тысячи и десятки тысяч военспецов. Учимся делать то же (в своеобразной форме) с инженерами, учителями... Научимся делать то же (опять-таки в своеобразной форме) с комиссионерами-торговцами, с скупщиками, работающими на государство, с кооператорами-капиталистами...» (там же, с. 243).

Вот так: чужими руками. Способностями и умением противников. Талантами принужденных идейных врагов. Сим победиши! Но для этой откровенности, для такой прямоты речи, когда объект обсуждения, предмет обмана и использования представляется то ли глухонемым, то ли скотом бессловесным, открытого текста не понимающим, нужен страх, нужно острое чувство смертельной опасности, нужна та мера — в виде линкоров «Севастополь» и «Петропавловск», 140 орудий береговой обороны, поддержки рабочей Москвы, восставшего Тамбова, — которая и велит отдать «обмену», «мелкому производителю» пугающе большой кусок. Страх налицо — иначе откуда сам разговор, что страшного нет? Одновременно с подготовкой ленинской речи о продналоге раздаются маскировочные халаты, в том числе и для лошадей, триста делегатов съезда, в их числе Ворошилов, Бубнов, Конев, Фадеев, брошены в цепи для гарантии благонадежности, Тухачевскому приданы известные герои гражданской войны Дыбенко, Фабрициус, Федько — и 45 тысяч вооруженных с предельной ленинской щедростью бойцов в ночь на 17 марта двинулись искать смерти или солдатского везения на рыхлый и мокрый лед Финского залива. Потери были чудовищны — с обеих сторон. Это была гражданская война в кровавой односуточной миниатюре. Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» стабильно и беззастенчиво лжет: у мятежников «убитыми свыше 1 тысячи человек, ранеными св. 2 тыс. и захваченными в плен с оружием в руках 2,5 тыс. Сов. войска потеряли 527 чел. убитыми и 3285 чел. ранеными». В действительности из трех тысяч курсантов уцелели единицы, огнем и водою залива поглотило целые полки, а из защищавших форты Кронштадта уцелевшими нужно считать только тех, кто по льду ушел в Финляндию.

Руководитель восстания писарь Степан Петриченко в середине нэпа добровольно вернулся из Чехословакии: русский синдром...

Свобода землепашца — отмеренная, обмеренная, ограниченная сроком, «...пока не наступила революция в других странах» (там же, с. 59), — была добыта на море, на соленом льду. И тем же Балтийским флотом, какой за три с половиной года до

этого обеспечил успех большевистского переворота. «Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не решая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики. Мое дело доказать вам, что теоретически это мыслимо» (там же, с. 64). Замечательно здесь ленинское нежелание ввязываться в практические реалии — главное в допустимости уступки и догмы, «оборота» и теории марксизма, нэпа и мировой диктатуры. Что, собственно, мыслимо в новом замесе власти и собственности? Обезвластить капитал. Обезвластить собственность. Сделать собственность условной, а золотой рубль (вроде бы «безграничный») — очерченным. Отчего, собственно, «не страшно»? Да оттого, что — как дали, так и назад возьмем. Червонец за кордон не выйдет, а железные дороги, наркоминдел и ВЧК всегда и всецело в руках партии. Для всего этого, конечно, нужно потопить Кронштадт. Если одолеет Кронштадт, никакого нэпа, никаких теорий, мер и «использований» быть, естественно, не может.

Но и без Кронштадта тоже ничего не будет, вот в чем штука! Ни мер, ни весов, ни оборота, ни уравнения мужика с военспецом тоже не увидит мир. Потому как большевизм имеет дело только с необходимостью, а ленинизм признает только силу. Потом теоретически будет доказано, что все оно и раньше нами так замышлялось, что никакой вынужденности нет, мы и сами так хотели, но было еще не время. Тотчас после X съезда, в апреле 1921 года, в брошюре «О продовольственном налоге» Ленин обильным самоцитированием доказывает, что он и в семнадцатом году так думал, хотел государственный капитализм ввести, да обстоятельства продиктовали продразверстку. А раз так говорил бесспорный марксист-ленинец Ленин в безупречное по революционности время, значит, и нэп, уступка, «оборот» есть отнюдь не результат необходимости, Кронштадта, страха, а произвольное — и вполне марксистское! — политическое творчество. И для комбрига-перекопца тут не должно быть «страшного» (нового, не-ленинского, теоретически не-мыслимого), ни для Чернова, прежнего задушевного Мартова, теперешних «самовлюбленных дурачков» не найдется вынужденности, отхода от догм.

Наряду с тактикой циничного использования всех и вся, универсальной методикой — загребать жар чужими руками, вот это непризнание вынужденности, мнимая добровольность зигзагов — настолько неотторжимые, генетически припаянные черты аграрного ленинизма, что и сегодня мы их узнаем на каждом шагу. И дивиться тут нечего. Дивиться и плакать придется тогда, когда перестанем понимать особую, и детски наивную, и чудовищно корыстную логику партповедения: сколько Кронштадта, столько и нэпа, сколько нажима, столько и уступок, сколько гнева против продразверстки, столько и продналога.

Это по нынешним условиям означает: какой отпор получит единая с X съездом по психологии, этике, мышлению всекорыстнейшая партструктура, настолько и продвинемся в аграрной реформе, настолько и отдалимся от голода.

Стоп, как понимать? Призыв к мятежу, что ли? Опять пушки заряджай? Опять находи писаря Степана Петриченко для одной стороны и будущего писателя Александра Фадеева — для другой?

Нет. Страшно. И попили, и полили. Чудо в том, что может обойтись и без кровушки. Когда вошли в историю дни 28 марта и 12 июня 1991 года — сотни тысяч и миллионы зинovieвых нашего времени впрямь были подстрелены, как куропатки. Когда районная власть одного из районов Курганской области наступала на собственный народный суд (помогает фермерам!) и получила в вышней инстанции от ворот поворот — это демонстрация реальной силы. Если за половину 1991 года число фермерских хозяйств России возросло шестеро, и на каждый колхоз-совхоз теперь уже есть по независимому хозяйству — это звонок кронштадтского тембра. Если теперь просто понимается, разгадано повсеместно и несомненно, что арендой, всякими подрядами и т.д. сегодняшний аграрный ленинизм использует чужую энергию для ремонта, подъема со дна, реанимации агроулага — это громадный интеллектуальный шаг общества. Разгаданный капкан — кусок металлолома...

Надо хотя бы сейчас учить ленинизм, если не хватило лет предыдущих. Учиться на своих и чужих ошибках — и злодеяниях.

Июль 1991 г.

Евгений НОВИКОВ

Как мы делали террористов

Воспоминания соучастника

Уважаемая редакция!

Среди обширной демократической прессы, появившейся в Советском Союзе в последние годы, ваш журнал является наиболее интересным, серьезным и последовательным антибольшевистским изданием. И если бы не появился ваш журнал, я бы никогда не подумал о публикации в СССР своих заметок о деятельности наиболее засекреченного советского учреждения — Международного отдела ЦК КПСС и его подразделений типа ИОН (Институт общественных наук при ЦК КПСС), журнала «Проблемы мира и социализма» (ныне, правда, упраздненного, но имеющего перспективы на возрождение). Степень засекреченности этого партийного МИДа такова, что его бывший куратор А.Яковлев в отчете XXVII съезду о своей деятельности ни словом не обмолвился о работе этого ведомства.

Я проработал в системе этого отдела 20 лет: с 1968 по 1988 год. Первые два года — в КМО СССР под началом нынешнего вице-президента Г.Янаева, с 1970 по 1985 г. — в Институте общественных наук и его филиалах в Новом Нагорном и Южном Йемене и с 1985 по 1988 г. — в журнале «Проблемы мира и социализма». Срок вполне достаточный для того, чтобы познать суть деяний Международного отдела, надежно-

го прибежища наиболее консервативных и коррумпированных сталинистов партаппарата.

В 1988 году, окончательно убедившись, что никакая перестройка в Междотделе невозможна, я нелегально перешел границу и оказался в США. В первое время пришлось трудновато: работал дворцом в гостинице (что стало предметом насмешек журналистов «Известий»), подрабатывал переводами. Потом дела наладились, и я сейчас преподаю в Военно-морской академии США.

Посылаю вам свои заметки о деятельности секретной «Международной ленинской школы» при ЦК КПСС, или, как ее официально именуют, Института общественных наук при ЦК КПСС. Заметки относятся к периоду до 1987 года, поэтому в каких-то деталях они могли и устареть. Но не в сути, ибо ИОН (и его филиалы), по словам моих бывших коллег, продолжает существовать и даже расширяет свою деятельность, создает свои совместные предприятия, ищет контакты с западными фирмами — в общем, идет в ногу с «новым мышлением» и коммерческими инновациями партаппарата.

С уважением,
Евгений НОВИКОВ
Ньюпорт, 5 июля 1991 г.

Институт общественных наук при ЦК КПСС был образован в 1964 году на базе Московской областной партийной школы. Создание ИОНа приходится на тот период в деятельности международного коммунистического движения, когда прямое директивное воздействие Москвы на руководство зарубежных компартий стало заметно ослабевать. Это проявилось на совещаниях коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 годах, где не только китайская и албанская компартии отказались подчиняться кремлевскому диктату, но и такие влиятельные в своих странах компартии, как итальянская и французская, недвусмысленно высказались за большую независимость от «советских товарищей».

Руководству ЦК КПСС и его Международного отдела, который взял на себя функции распущенного в 1943 году Коминтерна, стало ясно, что пора прямого сталинского диктата прошла. Появилась настоятельная необходимость поиска более гибких способов воздействия на соратников по борьбе. А поскольку новый идеологический ритуал, возникший после развенчивания сталинских «ошибок», требовал

обосновывать каждый новый шаг советского партийного руководства как возврат к «истокам непогрешимого» ленинского наследия, то это и привело к реализации «Международной ленинской школы», которая была создана по инициативе Ленина в первые годы существования Коминтерна для воспитания иностранных коммунистов в большевистском духе.

Первым деятельным ректором института был назначен Федор Данилович Рыженко — бывший аппаратчик ЦК КПСС, личный друг Ю.В.Андропова.

Помимо чисто учебных и пропагандистских функций ИОН с самого начала своего существования должен был стать уникальным научно-исследовательским центром Международного отдела, специализирующимся на изучении проблем международного коммунистического движения (МКД) и методологии организации активных мероприятий при помощи и в среде клиентов отдела.

Для выполнения этой функции Рыженко получил от ЦК КПСС полную свободу действий в приеме на работу наиболее способных и

неординарно мыслящих кадров, не обращая особого внимания на их благонадежность (с точки зрения Второго главка КГБ). Так, например, при нем преподавали такие «левые» ученые, как Мераб Мамардашвили, Нелли Мотрошилова, Игорь Кон, Эрик Соловьев, Борис Грушин, Эдуард Баталов, и другие.

Одновременно Рыженко создал внутри института аспирантуру по подготовке собственных кадров преподавателей, которые были бы способны преподавать марксизм на иностранных языках, не прибегая к услугам переводчиков. И очень скоро профессора-догматики, перешедшие автоматически в штат ИОНа из областной партшколы, начали чувствовать себя очень уютно в соседстве с новыми кадрами, владеющими новыми, более изощренными методами воздействия на аудиторию.

Так, например, в конце 60-х годов большинство слушателей ИОНа приезжало из западных стран, где в это время шли студенческие выступления против истеблишмента, были в моде Герберт Маркузе, идеи сексуальной революции, длинные волосы, косматые бороды, рваные джинсы и групповой секс. Мо-

лодежь из западных компартий принимала во всем этом самое непосредственное участие, а также активно критиковала казарменный маоцзедуновский коммунизм, живым воплощением которого стал образ китайского бюрократа с короткой стрижкой и в темно-синем кителе, застегнутом на все пуговицы.

Каково же было удивление молодых западноевропейских революционеров, которые приезжали в ИОН постигать «самую передовую» науку ниспровержения истеблишмента, когда в институте они наткались на каждом шагу на преподавателей, поголовно коротко стриженных и одетых в черные костюмы и белые сорочки! Об этом представители руководства итальянской и французской компартий прямо сказали ректору ИОНа в конфиденциальной беседе. Положение нужно было срочно спасать. И Рыженко предпринял неожиданный для партийного бюрократа ход. Посоветовавшись в ЦК КПСС, он издал приказ, запрещавший преподавателям и переводчикам института носить короткие стрижки и черные костюмы. Одновременно рекомендовалось отпускать бороды и длинные волосы, носить джинсы и сандалии на босу ногу. В институте был открыт специальный магазин — филиал кремлевской сотой секции ГУМа, где можно было всем работникам покупать самую модную одежду западных моделей. Кстати, не так ли и сегодня горбачевская гласность стремится изменить образ СССР в глазах всего Запада и в арсенал советских пропагандистских мероприятий по приказу(!) ЦК КПСС включены и выступления советских диссидентов, и концерты запрещенной ранее рок-музыки, и телешоу с участием советских политиков и комментаторов?

Поступив в аспирантуру ИОНа в сентябре 1970 года, я хорошо понимал, что помимо всего прочего это открывает мне путь наверх, в святая святых, в ряды советской элиты, определяющей внешнюю политику единственной правящей партии Советского Союза. Будущее продвижение по службе зависело от моих способностей находить общий язык с клиентами ЦК КПСС, располагать их к передаче мне информации о деятельности их партий и оценивать выуженные сведения.

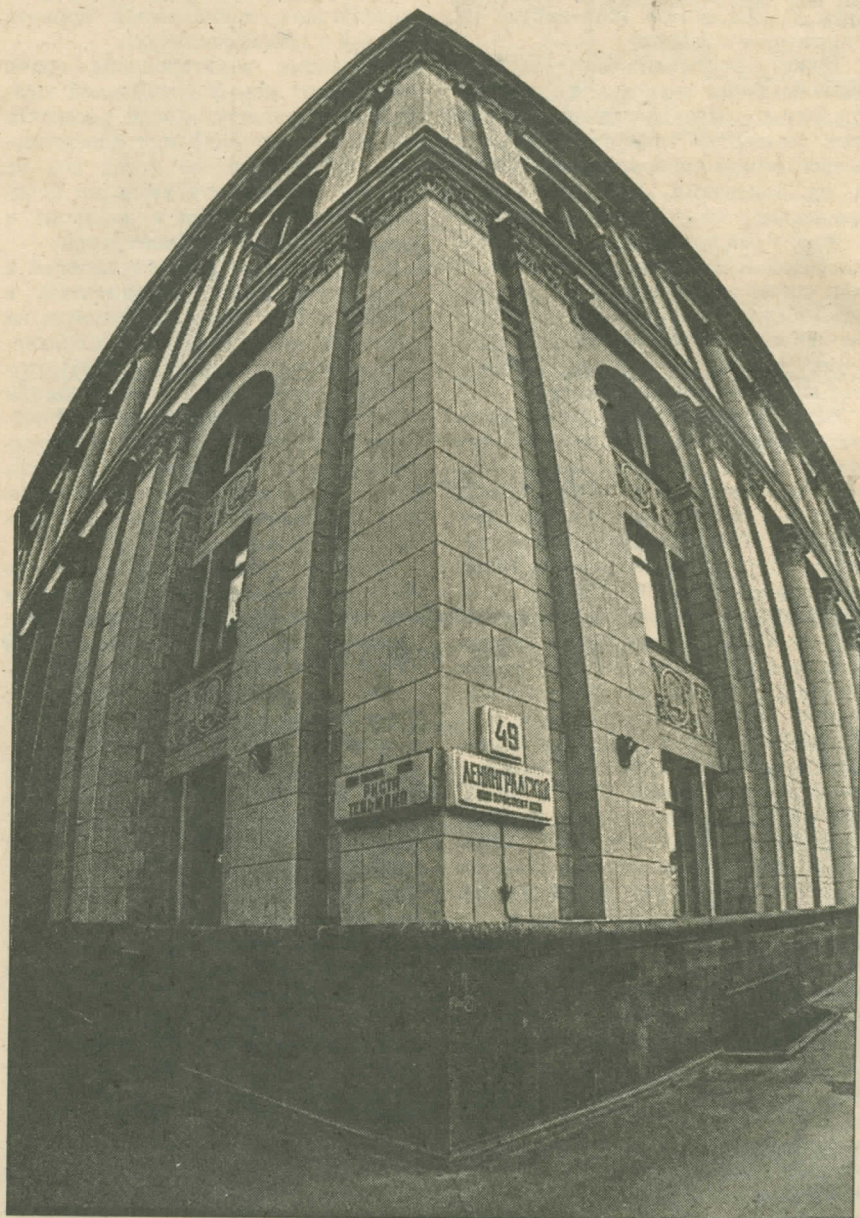
Преимущества своего нового положения я ощутил сразу же после получения цековского удостоверения в красном сафьяновом переплете. Хотя я был всего-навсего начинающий аспирант, мне дали сразу зарплату старшего преподавателя государственного университета. Для

того чтобы я мог встречаться с иностранцами в приятной обстановке, институт предоставил мне роскошную однокомнатную квартиру совершенно бесплатно. Одеваться и покупать продукты я мог в специальных магазинах, предназначенных для партийной элиты.

Но самым главным достоинством моего нового положения была свобода действий, немислимая для аспиранта государственного вуза или министерского служащего. Кадровики Международного отдела ЦК

КПСС считали, что сотрудники международных партийных учреждений должны быть способны к принятию самостоятельных решений. Поэтому программа подготовки в аспирантуре ИОНа включала... обучение свободе. Аспиранту института предписывалось максимальная раскованность во внешности, одежде, высказываниях. Общающиеся с ним студенты-иностранцы должны были получать представление об аппаратчике отдела как о человеке, которому не чуждо ничего

Фото Э. Кудрявцового

новое и прогрессивное. Правда, как я узнал позже, эти же кадровики организовывали негласную слежку за тем, как аспирант пользовался предоставленной ему свободой.

Меня радовало то, что целый день я мог заниматься чем хотел. Когда я чувствовал желание работать, то мог целыми неделями не выходить из библиотеки или с утра до поздней ночи просиживать дома за письменным столом.

В деньгах нужды не испытывал, ибо всегда мог с утра зайти к помощнику ректора института, получить от него деньги «на представительские расходы», купить на эти деньги закуску и спиртное и пригласить к себе домой кого-нибудь из студентов-мусульман.

Такие неформальные встречи должны были внедрять в сознание студентов - функционеров зарубежных компартий стереотип будущих встреч между аппаратчиками КПСС и их клиентами. Для укрепления дружеских отношений кадровики отдела рекомендовали вовлекать студентов-мусульман в различные wild parties и разрешать им пользоваться своей квартирой для встреч со знакомыми женщинами. «Для этого тебе жилье и дано», — пояснил как-то помощник ректора.

Если же клиент был особо интересен отделу, то для его развлечения можно было получить освобождение от занятий на одну-две недели, поехать с ним на один из советских курортов. Все расходы на такую поездку, естественно, оплачивал Международный отдел ЦК КПСС.

Теперь о взаимоотношениях администрации ИОНа и офицеров КГБ, допущенных к разрешения ЦК КПСС на работу в институт. Эти взаимоотношения позволяют мне судить о подчиненном положении КГБ. Офицеры Второго главного управления КГБ в ИОН, как правило, приглашались для выполнения вспомогательных функций сбора и обобщения информации о слушателях и для обеспечения безопасности иностранцев.

Офицеры КГБ из отдела кадров института во главе с майором КГБ Владимиром Колпаковым — первые представители ИОНа, которые встречают вновь прибывающих слушателей в московском международном аэропорту Шереметьево. Поскольку эти слушатели представляют клиентов Международного отдела, им оказывают там почести, сравнимые с теми, что оказывает МИД

СССР послам иностранных государств. Встречающие офицеры КГБ проводят их мимо паспортного и таможенного контроля без всяких формальностей и досмотра багажа, усаживают в машины с цековскими номерами и везут на секретную дачу «Литвиновка», расположенную в окрестностях подмосковных Химок.

Здесь они подвергают доскональному допросу каждого товарища по классовой борьбе и составляют на каждого подробное досье, которое передают в Международный отдел ЦК КПСС, а копию — в архив КГБ. В конце «дружеской беседы» каждый слушатель получает псевдоним, и на это имя ему выдается «Вид на жительство», специальный пропуск на вход в здание института.

Во время анкетирования врачи подвергают новых слушателей тщательному осмотру, и если у клиента находят вирус AIDS или венерическое заболевание, то тогда его на той же машине, с такими же почестями отвозят назад в аэропорт и покупают обратный билет домой.

Следующая встреча слушателей с офицерами КГБ, работающими в стенах ИОНа, может произойти на занятиях по основам конспиративной работы, которые организуются спецкафедрой института. Учебники этой кафедры, написанные офицерами КГБ, специалистами по терроризму, учат зарубежных марксистов, например, общим принципам конспиративной работы марксистской организации.

Встречи с профессионалами из КГБ продолжают и за стенами учебных аудиторий. Возьмем для примера такой существенный для слушателей ИОНа вопрос, как общение с советскими девушками. Официально им строго-настрого запрещено приглашать к себе в общежитие каких-либо знакомых из числа советских граждан. Но далеко не все соглашались вести монашеский образ жизни. Правда, незнание русского языка, а в ИОНе иностранные студенты не обязаны учить его, так как занятия ведутся на их родном языке, несколько ограничивает возможности для неконтролируемых контактов.

Конечно, студент может воспользоваться услугами проституток в ресторанах и барах дорогих гостиниц, предназначенных для иностранных туристов. Но такса советских представителей этой древней профессии не по карману большинству зарубежных революционеров.

Поэтому им волей-неволей приходится прибегать к системе сексуального обслуживания иностранных коммунистов, созданной и контролируемой помощником ректора ИОНа по воспитательной работе полковником от КГБ Алексеем Ивановичем Суслопаровым.

В этой системе задействованы одинокие женщины с нелегкой судьбой, потерявшие надежду создать собственную семью, нуждающиеся в дополнительном заработке зачастую для поддержания оставшихся у них на руках детей, но не имеющие ни желания, ни внешних данных для работы интердевочками. КГБ использует их в качестве «временных жен» для иностранных товарищей сроком от трех месяцев до трех лет.

После окончания учебы такой «брак» прекращается. Адрес же возлюбленной передается по цепочке новому пополнению слушателей из той же партии. Окончательные отношения между «супругами» утверждаются благословением помощника ректора, который дает «жене» конкретные указания об информации, которую ей необходимо собирать во время любовных утех с «мужем»-революционером. Договор с ИОНОм служит «жене» гарантией от возможных неприятностей со стороны соседей, милиции или городских властей.

Кстати, о милиции. Слушатели ИОНа, особенно из стран третьего мира, зачастую бывают не в силах сдержать свой восточный темперамент, особенно после принятия солидной доли спиртного в ресторане, и часто вступают в конфликт с окружающими, но удостоверение института обеспечивает им большую независимость от милиции, чем дипломатический иммунитет какого-либо иностранного дипломата.

И они знают: в милиции ни о чем не говорить, а только потребовать от главного милицейского чина позвонить по имеющемуся в удостоверении номеру телефона. Через полчаса дежурный офицер КГБ из охраны ИОНа приедет сам или пришлет машину за набедокурившим. Протоколы задержания будут изъяты и попадут к помощнику ректора. По существующей договоренности с руководством партии администрация ИОНа должна извещать парторга группы о всех проступках его соотечественников. Дальнейшее зависит от степени доверительности отношений адми-

Ф. СП-1

Открыта подписка на журнал «СТОЛИЦА» на 1992 год!

Подписка принимается во всех отделениях связи страны. Если вам отказали в подписке, сообщайте в редакцию. Стоимость подписки: на три месяца — 13 рублей, на шесть месяцев — 26 рублей, на год — 52 рубля.

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

газету **73746**
на журнал (индекс издания)
журнал «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

Количество комплектов: _____

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

газету **73746**
на журнал (индекс издания)
журнал «СТОЛИЦА»
(наименование издания)

пв _____ место _____ ли-тер _____

Стои-мость	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество комплек-тов:
	пере-адресовки	_____ руб.	_____ коп.	

на 19__ год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
---	---	---	---	---	---	---	---	---	----	----	----

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Специально для подписчиков «Столицы» редакция подготовила большое количество призов.

КУПОН ЛОТЕРЕИ

Фамилия, имя, отчество (полностью) _____

Адрес (с указанием почтового индекса) _____

В каком отделении связи оформлена подписка на «Столицу» _____

Дата оформления подписки _____

Условия лотереи — на обороте купона. В первом номере «Столицы» за 1992 г. будет опубликован список победителей.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Союзпечати.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Союзпечати.

Пинская тип.

Вырежьте купон, правильно заполните его и вышлите в конверте на адрес редакции: Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22, редакция журнала «Столица». В розыгрыше призов примут участие только те читатели журнала, которые оформили подписку в период подписной кампании, то есть с 1 августа по 31 октября включительно. Выдача призов — только по предъявлении квитанции о подписке.

ПРИЗЫ ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВ «СТОЛИЦЫ»

Импортные
видеомагнитофоны,
импортные и
советские
телевизоры, часы и
будильники,
фотоаппараты,
электрические
самовары,
электросветильники,
изделия из хохломы,
альбомы для
фотографий, книги,
наборы
мельхиоровых
ложек,
денежные призы —
все это вы
можете выиграть,
отправив по адресу
редакции
заполненный
КУПОН ЛОТЕРЕИ.

нистрации института и провинившегося слушателя.

Здесь мы вплотную подходим к вопросу об установлении таких доверительных отношений, которые могут перерасти в вербовку слушателя офицером КГБ. Официально такая вербовка не разрешается. Международный отдел предпочитает самостоятельно иметь дело со своими подопечными и единолично распоряжаться получаемой от них информацией. К тому же возможное разоблачение может повредить стратегическим целям геополитического влияния ЦК КПСС.

Однако возможны исключения из этого правила. Поэтому если среди слушателей ИОНа оказываются люди, в которых профессионально заинтересованы чекисты, ЦК КПСС дает разрешение на вербовку такого клиента для последующего сотрудничества с КГБ. Так, в 1982—1985 годах в ИОНе учился в аспирантуре заместитель министра госбезопасности Южного Йемена Тахер. С разрешения Международного отдела полковник Суслопаров вплотную занимался им, и к концу своей учебы Тахер стал не только кандидатом наук, но и официальным агентом КГБ.

Система же вербовки слушателей ИОНа в качестве агентов Международного отдела носит тотальный характер. В ней в той или иной степени участвуют все преподаватели и переводчики института под видом кураторства или опеки слушателей. В каждую группу назначается «куратор», или «руководитель», группы из числа преподавателей, преподающих какой-либо предмет в этой группе. У руководителя имеется заместитель из числа переводчиков, закрепленных за группой. В задачу такого руководителя и его заместителя входит сбор информации от других преподавателей и сотрудников о поведении слушателя на занятиях, во время выездов на ознакомление с советской действительностью и во внеучебное время.

В конце срока обучения руководитель вместе со своим заместителем составляют подробнейшую характеристику на каждого слушателя, заканчивающуюся выводами о возможном использовании его в дальнейшем для осуществления задач, выдвигаемых Международным отделом. Знание всех личных качеств, достоинств и недостатков, слабостей и привязанностей, политических взглядов и организацион-

ных особенностей — всех этих «установочных» данных — помогает в будущем работникам отдела и офицерам КГБ держать под постоянным контролем бывшего слушателя ИОНа даже в том случае, если им не удастся сделать из него настоящего платного агента.

В институте было много слушателей из марксистских нелегальных партий и организаций типа Африканского национального конгресса, которые требовали обучения не только теории, но и практике вооруженной революционной борьбы. А в московском здании института было технически трудно создать для них подходящие условия для обучения стрельбе из автоматов и пистолетов. Все это и вызвало необходимость организации филиалов ИОНа на окраинах Москвы — в Серебряном Бору и в Литвиновке, а также в Новом Нагорном.

В начале 70-х годов возникла новая проблема. В связи с тем, что Международный отдел стал проводить политику создания марionеточных «авангардных» партий в странах «социалистической ориентации», институт получил задание подготавливать партийные кадры для таких партий. В ИОН хлынул поток слушателей из Южного Йемена, Сомали, Эфиопии, Конго, Мозамбика, Афганистана, Гвинеи-Бисау, Анголы. Их нельзя было помещать вместе с коммунистами в здании на Ленинградском проспекте хотя бы потому, что они рассматривались как «революционные демократы», то есть как политики, не вполне усвоившие марксизм.

Надо сказать, что «революционные демократы» сами старались подчеркнуть свою определенную независимость от марксистских догм. Так, например, первая же группа слушателей из Сомали сразу же по приезде попросила администрацию ИОНа выделить для нее специальное помещение для... осуществления богослужений по утрам и вечерам. Поставленные в затруднение администраторы долго обсуждали создавшееся положение и в конце концов согласились превратить во временную мечеть... «ленинскую комнату».

Другая группа «революционных демократов» из иракской партии БААС не могла учиться рядом с заклятыми врагами — коммунистами Ирака. К тому же на первой же встрече с представителем Международного отдела баасисты потребо-

вали отменить для них занятия по субботам, дабы отвезти их с самого утра в Москву на встречу с проститутками в гостиницу «Россия».

Шокированные аппаратчики пытались возразить, ссылаясь на то, что бюджет ИОНа не предусматривает оплату подобных услуг. На это «иракские студенты» ответили, что оплату гостиницы и девушек возьмет на себя иракское посольство, а от советских товарищей требуется только транспорт и охрана арендованных номеров. И вот в течение шести месяцев каждый выходной КГБ заступало на охрану оргий в номерах respectable гостиницы «Россия», что расположена в пяти минутах ходьбы от здания ЦК КПСС.

Успехи в подготовке политических кадров для стран третьего мира побуждают нового ректора профессора Юрия Красина, друга небезызвестного Вадима Медведева и специалиста по диалектике революции, преобразовать ИОН в центр активного идеологического воздействия на представителей оппозиционных партий и организаций Запада. В полном соответствии с принципами «нового мышления» Горбачева Юрий Красин старается сделать из ИОНа нечто вроде исследовательского центра по изучению оппозиционного сознания. Предполагается пригласить туда для самых широких и неформальных дискуссий членов западногерманской партии «зеленых» и шведских социал-демократов, американских пацифистов и японских защитников окружающей среды.

По мысли Красина и его коллег из ЦК КПСС, необходимо использовать ситуацию небывалой гласности внутри Советского Союза для завоевания доверия немарксистской оппозиции, которая имеет влияние на политическую жизнь в своих странах и может оказаться в будущем полезной для поддержки советской геополитики. Поэтому не исключено, что, переместив подготовку специалистов по вооруженной борьбе в подмосковные леса, ИОН под руководством Красина и аппаратчиков из ЦК КПСС сосредоточит свои усилия на воспитании просоветского лобби для парламентских институтов западных демократий.

Юрий МИЛЮКОВ,
председатель биржевого комитета
Московской товарной биржи:

НЕ ИГРАЙТЕ В ПОЛИТИКУ.

ИГРАЙТЕ НА БИРЖЕ

— Понятие «биржа» для большинства советских людей пока мало что значит. К тому же по-прежнему ассоциируется со словом «безработица». У деловых людей заметно отношение совершенно иное. А в чем тут разница?

— Я бы назвал биржу экономическим чудом. Очень тонким и точным инструментом, способным лучше всякой программы и плана отрегулировать деловые отношения между людьми. Попробуйте заняться каким-нибудь конкретным делом. И вы тотчас остро почувствуете потребность в деловых партнерах. Где взять необходимое сырье, кому выгодно сбыть готовую продукцию? Причем торговать с партнерами вам захочется честно, чтобы не быть обманутым в сомнительных сделках. Так вот, биржи как раз и создаются для того, чтобы организовать людей, занятых одним делом: стремящихся выгодно и честно покупать-продавать.

Для любой биржи обязательны три единства: единство места, времени и действия. Именно на этих трех китах и стояла первая американская биржа, когда двадцать четыре торговца Нью-Йорка стали собираться под тремя платанами в назначенные дни недели и торговать между собой по строго определенным ими же самими правилам.

Тот, кому приходилось пользоваться услугами «черного рынка», знает, что с радостью покупки соседствует ощущение обманутости. Интересно, что это неприятное чувство при «дикой», неорганизованной торговле испытывает не только покупатель, но и продавец. Один волнуется: дорого купил, другой — дешево продал. Биржа как раз устраняет подобную психологическую неуверенность у обеих сторон. Ведь на ней в день совершаются финансовые операции на миллионы рублей. И вся информация о проведенных сделках в принци-

пе доступна как покупателю, так и продавцу. У человека, желающего что-то купить или продать, появляются надежные ориентиры. А значит, и уверенность в честной сделке. А это главное в торговле.

Кстати, к бирже в нашем обществе все же сохранилось какое-то ностальгически чистое отношение, как к чему-то хорошо забытому и цивилизованному, организованному по правилам, в отличие от «диких» спекулянтов-посредников.

Без биржи невозможен цивилизованный, хорошо организованный, честный рынок. Эту аксиому быстро усваивают все люди, как только они начинают заниматься свободным делом.

— Какие же правила действуют на бирже, если они позволяют оградить честных предпринимателей и торговцев от влияния разных дельцов и спекулянтов?

— Вы воспользовались не совсем удачным термином. Дело в том, что биржа как раз и является местом сбора спекулянтов в нашем, советском понимании. Спекулянт — это высший титул брокерского отличия. Но когда такие люди собираются вместе и начинают торговать друг с другом, возникает совершенно новый эффект. Прибыль уже получает не тот, кто умеет лучше других хитрить и изворачиваться, а тот, кто лучше умеет прогнозировать ситуацию.

Сейчас на западных биржах, как правило, не торгуют самим товаром. Здесь продаются и покупаются контракты на товары. Мне, например, лес не нужен. Но я могу купить его на бирже в надежде на то, что через месяц или через год он резко поднимется в цене. Я так прогнозирую. И в соответствии со своими прогнозами заключаю контракты. А другой брокер, наоборот, предполагает, что цена на лес скоро упадет. И его выгодно продать сейчас. В итоге между брокерами идет своеобразная биржевая игра. Причем контракты могут перепродаваться на бирже по несколько десятков раз. И в результате такой перепродажи цена на товар выясняется настолько точно, что никакая спекуляция в нашем обывательском понимании уже невозможна.

Таким образом на бирже, собственно, и определяется будущая ценовая политика. Еще один важный момент. На биржах торгуют не всеми, а отдельными биржевыми товарами, которые легко стандартизируются, взаимозаменяются. Такими товарами, как правило, являются сырье: нефть, уголь, газ. Причем нетрудно понять, что биржевой товар по сути своей является ценообразующим. Ведь цены всех будущих товаров, связанных с пластмассой, в конечном счете зависят от цены на нефть. А цены на продовольствие — в конечном счете определяют цены на зерно. Вот почему котировки на мировых биржах так важны для производителей.

Биржевая игра подобна футболу. Она имеет свои технические правила, которые в основном интересны тем, кто играет на бирже. Ну, например. По существующим правилам торговать здесь может только член биржи, а остальные не имеют даже права войти в биржевой зал. Это повышает доверие к партнерам и гарантии сделок.

Члены биржи выступают одновременно как бы в трех лицах. Они торгуют, являются собственниками биржи и участвуют в ее управлении. Это как если бы рабочие купили станки за свои деньги, сами получили прибыль от выпущенной продукции и сами управляли заводом. Брокер на бирже является собственни-

ком-совладельцем, управляющим и работником. Он приходит сюда на работу, торговать. И всю прибыль от торговли тоже получает здесь.

— Но если судить по публикациям в некоторых газетах и журналах, на современных биржах почему-то торгуют, как в магазинах: сигаретами, машинами, колготками...

— Это все от путаницы в терминах. Биржа — понятие модное и притягательное для деловых людей. Биржами порой называют обычные торговые дома, а порой даже семейные брокерские фирмы.

Собственно, классических бирж в нашей стране пока не существует. Да они и не могут появиться раньше развитых рыночных отношений. Ибо биржа — это венец рынка.

— Но для чего же вы тогда торопились создать биржу, если знали, что биржевое время еще не пришло?

— Одна из основных задач, ради которых мы создавали биржу, — это возрождение института посредничества — кровеносной системы любой экономики. Ведь биржа — объединение посредников, стремящихся получить друг о друге наиболее полную информацию. К сожалению, института посредничества в нашей стране не существует. И до сего дня посредник является наиболее социально презираемым человеком. Но без него, увы, товар на прилавке не появится.

К счастью, плановая экономика не могла под корень истребить посредничество. И раньше так или иначе практически все товары попадали в перепродажу. Так что нам сейчас нужно не просто возродить посредничество, а скорее его легализовать, вывести из подполья «теневой экономики».

Эту задачу нам облегчило правительство России, когда разрешило предпринятиям продавать часть продукции через биржи по свободным ценам.

Мы стремимся возродить былую славу московской биржи. До революции по ее котировкам сверяли свою работу почти все уважающие себя промышленники мира. На московской бирже формировались мировые цены на зерно, нефть, золото. Биржа просуществовала до 1930 года. С ее закрытием рухнули все надежды на возрождение России.

Биржа возобновила свою работу через семьдесят лет после своего закрытия — 19 мая прошлого года. И почти полгода работала в гордом одиночестве. Мы сумели за это время разбудить предпринимательство, спровоцировали в стране биржевой бум.

— Как стать членом вашей биржи? Ходят слухи, что места на биржах продаются по баснословным ценам на аукционах...

— Сейчас у нас примерно пятьсот членов. Сначала цена места на нашей бирже составляла сто тысяч рублей, а после повышения цен достигла двухсот пятидесяти тысяч. Что же касается продажи мест на аукционах, то, возможно, какая-то биржа и делает на этом деньги, но по биржевым понятиям — это недопустимо. Члены биржи обладают одинаковыми правами, а значит, и покупать свои места они должны по одинаковой цене. Другое дело, если член биржи продает собственное место. Тут он волен установить цену по своему усмотрению. Я знаю брокеров, которые такой перепродажей уже заработали по нескольку миллионов рублей. Но в данном случае, мне кажется, их подвело экономическое чутье. Они поторопились и продешевили. Цены на брокерские места растут не по дням, а по часам. Быстрее, чем на свободно конвертируемую валюту.

— Недавно многие средства массовой информации писали о грандиозном скандале, поразившем Московскую товарную биржу. Что же у вас все-таки произошло на самом деле?

— Большие деньги могут, к сожалению, изменять людей до неузнаваемости, вызывать у них своего рода кессонную болезнь. Нечто подобное произошло и с нашим бывшим исполнительным сопредседателем Биржевого комитета. Свою деятельность мы начинали практически с нуля. И за год вышли на крупный капитал, который измеряется сотней миллионов рублей. Этот успех исполняющий сопредседатель почему-то стал связывать исключительно со своим именем. И возомнил себя на бирже главным действующим лицом. Брокеры, давшие деньги на создание биржи, ходили чуть ли не на поклон к обслуживающему персоналу по самым элементарным поводам. Например, размножить необходимые документы.

В цивилизованном обществе такая биржевая ситуация в принципе невозможна. Не может власть нанятого работника, каким является менеджер, быть выше власти собственника. В данном случае власти члена биржи. Ибо менеджер рискует только своим гонораром, а собственник рискует гораздо большим — своим имуществом и добрым именем.

Но у нас, увы, права собственника никак не защищены. Биржевой комитет отстраняет своего исполнительного сопредседателя, а банк, ориентируясь на какие-то свои распоряжения, продолжает признавать только его подпись. В подобном конфликте умный менеджер заинтересован уйти тихо, не поднимая шума. Наш же исполнительный сопред-

Вячеслав БАСКОВ

СТУЧИТЕ СИЛЬНЕЕ!

седатель обратился за помощью к прессе и организовал скандал вокруг своего имени. Конечно, этот скандал отразился на престиже биржи. Но мы считали крайне важным не создавать прецедента нарушения прав собственников.

— Наверное, за 73 года советской власти собственники впервые смогли защитить свои законные права в открытом конфликте с теми, кому они дали работу?

— Возможно. Для нас это важная социальная победа. Мы знаем, что аналогичные ситуации складываются и на других биржах, в банках, акционерных обществах. Тут компромиссы невозможны. Право собственности в любом деле должно быть священным. Иначе обесценивается смысл предпринимательства. И нас ожидают новые революционные экспроприации, в которых у имущих вновь будет отнято нажитое честным трудом добро, а затем как-то разделено, пропито и промотано. Результат такого раздела по «справедливости» — наша убогая сегодняшняя жизнь.

— Вы говорили о честном труде. Но многим нашим соотечественникам будет непонятно: каким образом на бирже, где ничего не производится, образуются в течение месяца миллионные прибыли?

— Не вдаваясь в теоретический спор с Марксом, хочу только сказать, что долгое время мы жили в мире примитивной экономики. И думали, что прибыль зависит только от производства товара. При рыночном производстве в любом развитом обществе самым прибыльным делом всегда было посредничество.

— На праздновании годовщины Московской товарной биржи присутствовали многие руководители столицы, в том числе Попов и Лужков. Похоже, они уже наигрались в политику и серьезно занялись экономикой. А что дает биржа городу?

— С помощью биржи удалось найти производителей, которые в скором будущем при дальнейшем развитии рыночных отношений готовы насытить московский рынок многими дефицитными сегодня товарами. Ежедневно на нашей бирже совершаются многомиллионные сделки. Они, естественно, облагаются налогами, что позволяет столице пополнять городской бюджет.

Мэр Москвы Гавриил Попов мечтает вернуть нашему городу облик деловой столицы великой страны, с развитой инфраструктурой банков, бирж, торговых домов. И мы стараемся содействовать деловому возрождению родного города.

Беседу вел Юрий БЫЧКОВ

Министерство связи СССР решительно поступило своими принципами: из организации, несущей свет знаний в дождь и пургу в далекий аул и недоступное горное пастбище, оно желает стать чисто коммерческим заведением. Взамен доставки газет и журналов на дом подписчикам оно намерено стричь купоны, не доставляя на дом произведения печати и даже письмо. Быстро сменяющиеся министры, их неизменные заместители, которые, наверное, уже путаются в именах-отчествах своих начальников, и вся коллегия Министерства связи СССР убеждены, что человек без почты и телеграфа жить все равно не сможет, поэтому к чему почталюну стаптывать обувь на нехоженых тропах или об асфальт? Приток миллионов рублей обеспечен независимо от почталюна. Достаточно повысить цену на марку, конверт, телеграфное слово, посылку — и сидеть на почте. Придут, купят, дадут доход — куда народ денется?..

Почтенная коллегия связистов абсолютно права: жить без почты и телеграфа невозможно. Тут В.И. Ленин был, как всегда, прав. Даже в джунглях древней Африки среди племен, не знающих одежды, существует связь. Чуткое ухо туземца, прижатое к земле, улавливает ритмы тамтама, отбиваемые за сто верст, — они несут тревогу или надежду на светлое будущее. Подобно туземцам, советская общественность придумала так называемую альтернативную почту.

Не располагая самолетами и поездами, грузовиками и письмосортировочными машинами, общественность все же верит, что доставлять газеты и журналы на дом — возможно. И это не пустые слова. Чуть не каждый день я вижу представителей этой прогрессивной общественности на четвертом этаже редакции «Столицы». Мужчины и женщины, мальчики и девушки бодрим шагом, с горящими глазами и с рюкзаком за спиной и с сумкой на колесиках в руке устремляются в комнату, где им выдадут квитанцию на получение стольких-то экземпляров очередного номера «Столицы». Получать журналы нужно на первом этаже, в вестибюле. Весь вестибюль и

лестничный пролет до первого этажа уставлен пачками с журналами. А потом я встречаю энтузиастов на улицах столицы — разложив рюкзак на асфальте, они кричат: «Столица!» Помолчат — и снова: «Свежий номер «Столицы»!»

Из Чеховской типографии, где печатается «Столица», часть тиража привозят прямо в вестибюль редакции. Другую часть забирает Союзпечать. В киосках Союзпечати «Столица» идет медленно. С каждого номера, сколько бы экземпляров Союзпечать ни забрала, возврат составляет десять процентов. Брала Союзпечать 150 тысяч экземпляров — возврат был 15 тысяч. Стали давать Союзпечати 100 тысяч — возврат 10 тысяч. Снизили дозу до 80 тысяч — возврат 8 тысяч. Прямо-таки запланированный возврат! У распространителей же «Столицы» идет без возврата.

Но много ли журналов можно унести в рюкзак? Предположим, однако, что вынести на спине можно все 200 тысяч — весь еженедельный тираж. Далеко ли унесешь груз? Реально ли разнести его по квартирам? «Столица» обречена на уличное распространение... Кроме того, «Столица» — всесоюзный печатный орган, она была включена во Всесоюзный каталог, на «Столицу» подписались на Дальнем Востоке и на Украине, на Севере Крайнем и в степях Приаральских... С января 91-го года в редакцию потоком идут письма недоуменных подписчиков: где журнал? В конце мая редакция получила 3354 таких письма, под некоторыми из них стоят подписи сотен подписчиков. Так, С.Леонова из Самары мобилизовала на подписку на «Столицу» 1259 сослуживцев. Однако первый номер в Самару не пришел, а второй вдруг привезли 10 февраля. До марта «Столицы» в Самаре больше не было. С.Леонова, человек совестливый, попросила редакцию вернуть деньги за подписку ей и всем, кого она завлекла в эту почтовую сеть.

Естественно, редакция направила это письмо министру связи СССР Г.Кудрявцеву, который сменил на этом посту Э.Первышина, который однажды без вести пропал (см. «Столицы» N 3, 1990 — «Почему молчит министр свя-

зи?» и N 7, 1991 — «Так вот почему молчит министр связи!»). А пропавши, так и не ответил редакции на предыдущее послание с десятком писем и списком телефонных адресатов, не получающих журнала, — в том списке было городов тридцать, откуда звонили в редакцию с одним вопросом: где журнал?

В письме новому министру мы заговорили о материальном и моральном ущербе от нэпа в области связи. Но вступивший в высокую должность не ответил редакции. Ответ пришел с Московского почтамта. Заместитель начальника А.Плесцов в безукоризненно любезной форме изложил причины, из-за которых журнал к подписчикам не попадает: виноват Чеховский полиграфкомбинат, он, мол, очень неповоротлив. Потом об этом же написал редакции (на другую группу писем полуподписчиков) заместитель начальника Главного управления Минсвязи СССР В.Аристархов: виноват Чеховский полиграфкомбинат.

Странный комбинат! При всей его неповоротливости подписчики в одном городе какой-то номер получали, а в другом именно тот же номер не видели. В конце концов выяснилось, что Чеховский комбинат тут ни при чем: это всего лишь типография. А вот развозом журнала по стране занято подразделение связи — ПО магистральных перевозок почты, советский мистер-твистер, владелец самолетов, поездов, грузовиков...

Не хочется писать отчет об очень интересной работе ПО магистральных перевозок почты. Но министерская коллегия, видимо, именно его-то и решила упразднить, чтобы не мучаться и чтобы подписчики не получали произведений печати. Во всяком случае в феврале редакция получила просьбы выслать недостающие номера еженедельника от К.Дорофеевой из города Ливны Орловской области, В.Бубликова из Кисловодска, Н.Агамалян из Раздана Армянской ССР, Н.Пономаревой из Солнечногорска и многих других читателей «Столицы». В марте с вопросом о том,

верны ли слухи, будто журнал прикрыли, обратились А.Годенюк из Хабаровска, З.Вольская из Одессы, Н.Быстров из Свердловска, Н.Чудный из Ялты — и не одни они. В апреле тревога подписчиков А.Воронова из Кимр Московской области, А.Бочарова из Самары, Г.Сиволаповой из Балаково и других возросла. В мае Л.Борисенко из Херсона, Р.Терехина из Нижнего Тагила, киевлянин В.Воронин призывали редакцию держаться...

А с Московского почтамта шли безукоризненно любезные официальные ответы: номер такой-то после обращения редакции подписчику такому-то доставлен тогда-то, номер такой-то — тогда-то. И в редакции вдруг поняли простую вещь: если по поводу каждого подписчика писать связистам отдельное письмо по выходе очередного номера, то тогда, возможно, каждый человек получит по журналу месяца полтора спустя.

Очень любезные люди трудятся на ниве связи. Особенно, знаете, в Министерстве РСФСР по связи, информатике и космосу (это новое название бывшего Минсвязи РСФСР). Связь, информатика и космос никакого отношения к доставке «Столицы» подписчикам не имеют. Тем не менее товарищ Лопаткин В.П., который трудится в этом столь заоблачном министерстве в должности заместителя начальника какого-то отдела со столь же многословным и космическим названием, терпеливо, вежливо и без усталости информирует нас время от времени, кому, когда и какой номер журнала удалось доставить прямо домой. Вот повезло подписчику Ю.Иванову из Ленинграда. В мае ему обещали доставить первый номер «Столицы». «Досыл журнала «Столица» N 1 взят на контроль Государственным предприятием связи «Ленинградская почта», — уверяет В.П.Лопаткин. Нужно потерять совесть, чтобы ему не поверить.

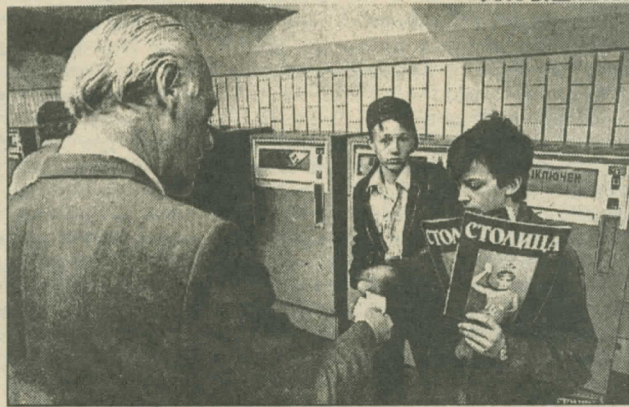
Вот раньше была почта в Ленинграде, и была она государственной. И работала ужасно плохо. А теперь, когда Мини-

стерство связи СССР поступило своими принципами, а Министерство связи РСФСР стало Министерством РСФСР по связи, информатике и космосу, в Ленинграде образовалось Государственное предприятие «Ленинградская почта». И это Государственное предприятие работает ужасно хорошо: оно январский номер доставляет подписчику в мае. И этот героический «досыл» космическое министерство берет «на контроль».

Коллектив редакции «Столицы» сердечно поздравляет Ю.П.Иванова, опекаемого Государственным предприятием «Ленинградская почта». И выражает глубокое соболезнование М.Лазарю из Донецка, где пока по старой привычке трудится не Государственное предприятие «Донецкая почта», а всего лишь государственная почта. «С большим трудом удалось выписать «Столицу» на II квартал 1991 года. Заканчивается второй месяц II квартала, а журнала я и в глаза не видел. Обратился на почту (государственную. — Ред.), оттуда отправили в Союзпечать (государственную. — Ред.). Обратился в Союзпечать, а там говорят, что журнал очень плохо поступает. Хотелось бы узнать, так ли на самом деле или это козни партбюрократов Минсвязи?»

Это хочется узнать не одному подписчику из Донецка. По правде говоря, сотрудники «Столицы» тоже никак не разберутся в сложностях перестройки. Мы только думаем, что из всех разновидностей «альтернативной почты» самый лучший способ — тамтам. Чем таскать на спине рюкзаки, берите, друзья, в руку палку и стучите ею по земле: три точки, тире, три тире, точка тире две точки, две точки, тире точка тире точка, точка тире... Выстучите для пробы хотя бы одну эту заметку — первые сто лет, может, и будет трудно, а потом привыкнем! Только стучите, пожалуйста, сильнее, чтобы в Донецке, Ленинграде, Ярославле слышно было, а оттуда наступат до Владивостока и солнечного Астара (Азербайджанская ССР). Только стучите сильнее!

Фото В. Шишова

Говорят, в Москве живет очень интересный еврей. Приехал из Швейцарии. Занимает важный религиозный пост. Едва ли не второй человек после главного московского раввина А.Шаевича. Прислан к нам Западом. Ужасно молодой, энциклопедически образованный. Знает кучу языков, ездит на шикарной «BMW», и вся эта солидность, в его лета, ему явно по вкусу. Наш корреспондент А.Ефимова встретила с этим человеком.

Синагога на улице Архипова. Сбоку от главного входа — три ступеньки вверх, десять вниз. Полуподвальное помещение. Облезлые стены. Стол секретаря в коридоре, который одновременно — приемная. Резиденция второго раввина Московской хоральной синагоги, председателя раввинского суда Всесоюзного Совета еврейских религиозных общин (ВСЕРО) Пинхаса ГОЛЬДШМИДА.

РАВВИН С ЗАПАДА

Фото Э. Кудрявицкого

— Рэб Пинхас, чем была вызвана необходимость вашего приезда в Москву 2 года назад? Что это за миссия — «второй раввин»?

— Раввин Шаевич очень многое успел сделать для возрождения еврейской религиозной жизни. Но здесь еще непочатый край работы. Он — старший раввин, я молодой, все вопросы мы решаем вместе. Он больше занимается международными делами, я — внутрисоюзными, общинными. Мы сейчас открыли раввинский суд, который разрешает проблемы, связанные с Галахой, еврейским религиозным законом.

— И кого вы судите?

— Чаше всего мы судим, вернее, обсуждаем, вопрос национальности. К нам приходит человек и говорит: хочу ехать в Израиль. Или — хочу получить еврейское образование. Первое, что надо сделать: удостовериться, еврей он или не еврей. И это не просто. Потому что у большинства наших посетителей нет никаких подтверждений, что они евреи, кроме советских документов. А это не стопро-

центное доказательство. По еврейским религиозным законам еврей тот, чья мать еврейка. По советскому государственному закону достаточно, чтобы кто-то из родителей был евреем. Мы помогаем евреям определиться в национальной жизни. Раввинский суд — это еще и принятие еврейской веры, религиозные браки, разводы. Но самой главной своей задачей здесь я считаю еврейское образование.

— Что это: язык? Талмуд? Библия?

— Это все. Язык. Религия. Культура. Мы хотим обращения всех евреев в Союзе к еврейским традициям, что возможно только через школы. Мы создаем школы для всех возрастов, для детей и для родителей. У нас уже есть несколько воскресных школ, теперь мы открыли ежедневную школу здесь, при синагоге, на 150 детей. Тут же, наверху, работает сегодня всесоюзная школа для раввинов, вскоре откроется еврейская гимназия. Надеемся, на следующий год мы сумеем дать настоящее еврейское образование еврею, живущему в Москве.

— Еврейская религиозная жизнь в Союзе — это нечто реальное, вам есть что возрождать?

— Кроме Москвы, я посещал синагоги в Киеве, в Минске, и я видел: там молились старики, а молодых совсем немного. У молодых здесь нет ориентации на религию. В Советском Союзе и раньше неофициально, нелегально почти действовали организации, группы людей, которые вели национальную религиозную жизнь. Сейчас эти две дороги — неофициальная и официальная, — думаю, сходятся в один путь.

— Вас в нашу страну прислал Запад...

— Запад? Меня прислал Бог...

— Но как это произошло, в какой момент вашей жизни?

— Был Всемирный еврейский конгресс, был на нем господин Райхман, один из самых богатых людей в мире, верующий, который субсидирует многие начинания в еврейской религиозной жизни. Была представлена Академия мировых цивилизаций, был академик

Евгений Велихов... И вот все решили, что надо кому-то ехать...

— Но почему — именно вы?

— Для раввина здесь самая интересная работа. Не сравнить с Западом, где нормальные еврейские общины, где все уже обустроено, где еврейская жизнь обычная, спокойная. Нет, молодой раввин должен быть именно здесь. Где-то на полтора миллиона евреев в Союзе, быть может, приходится 15—20 раввинов. А в Израиле более чем на 3 миллиона — около 5 тысяч раввинов. Здесь мало учителей, которые должны передавать наши традиции следующим поколениям.

— Можно сказать, что вы попали сюда благодаря вашей молодости?

— Нет. Благодаря Богу.

— В еврейской религиозной жизни есть такое понятие — карьера? Для 27 лет ваша должность — счастливый рывок в судьбе?

— Вы знаете, у нас нет патриарха. Нет кардинала, нет священника. Бывает важный приход, бывает менее важный. Но, конечно, такой пост для молодого — случай исключительный. А суть в том, что здесь нет хорошего образования для детей. Из-за чего большинство евреев в возрасте не хотят ехать в Союз вместе с семьей. Ведь раввины все женаты...

— Это обязательное условие для присвоения звания?

— Холостой раввин — это против наших законов. Мы должны продолжать род.

— И раввин в этом — всем евреям пример?

— Конечно. Здесь, в Союзе, семья с тремя детьми уже считается большой. В Израиле 6—7 детей — это нормально. У меня пока трое. У нас есть раввины, у которых и 7, и 8 детей. Жена, разумеется, одна...

— А разводиться раввину позволено?

— Мы имеем право на развод. Если не получается вместе — зачем мучиться. Не портить же жизнь друг другу. Каждый человек может совершать ошибки, верно?

— Другие раввины, постарше, сюда просто не рискнули поехать?

— Думаю, уже в следующем году в Москве будет раввин с Запада, которому побольше лет, чем мне. Вначале ведь и я тяжело привыкал. У нас, скажем, свои законы по части питания. Мы должны есть только кошерную пищу. В США, например, есть заводы пепси, кока-колы, где раввин за всем следит, чтобы было приготовлено по закону, на всем ставит «о кей». А тут и трюфля не купишь. Другая проблема, отчего евреи с Запада боятся Советского Союза, — русский язык, он очень труден для изучения... К тому же, еще год назад все на Западе опасались погромов...

— Там хорошо слышаны про нашу «Память»?

— О, да. Все газеты писали, что «Память» устроит погром 5 мая. Мы тогда уехали на Пасху, и моя жена очень боялась возвращаться сюда к этому сроку. Но — вернулись.

— Вы успели получить весьма солидное образование. Для раввина на Западе это в порядке вещей?

— Да не такое уж солидное. Несколько лет я учился в иешиве в Израиле, где дают религиозное еврейское образование, как у вас в Загорске — православное. В США я продолжал учиться на раввина в Балтиморе, а вечером занимался в университете Джона Хопкинса, где получил степень магистра в области компьютерных наук. Потом преподавал в еврейской школе в Нацерет-Илите, маленьком городе на севере Израиля.

— А языки где и как вам удалось выучить?

— Я родился в Швейцарии, там говорят на многих языках. На немецком я учился в школе. Мои родители — из французских кантонов Швейцарии. Мои бабушка и бабушка разговаривали на идиш. В США я узнал английский. Здесь, надеюсь, смогу, наконец, нормально общаться по-русски.

— Религия всех евреев — мечта об Израиле, о возвращении на историческую родину. Не получится, что ваша резиденция станет неким духовным эмиграционным центром?

— Конечно, наша родина — Израиль и наше религиозное дело — вернуться туда. Мы уверены, что мессия будет строить там третий храм... Это наша вера. Но мы знаем — не все хотят уезжать. Я уже 2 года здесь, и ни разу ко мне не пришел еврей и не спросил совета: уезжать ему или нет. Каждый сам решает этот вопрос. Пока здесь есть евреи, должна быть и живая еврейская религия.

— Эта религиозная жизнь получила шанс на завтрашний день в связи с изменением политической обстановки в стране. Ваш секретарь сказала мне: вы только что вернулись с инаугурации Ельцина в Кремле — в очень хорошем настроении. Растут и крепнут надежды на необратимость перемен?

— Увы, еврейские проблемы появились здесь не с 1917 года. Антисемитизм был силен в России и раньше. Почему так много евреев было в партии большевиков? Это совершенно ненормально, ибо мы убеждены — никаким атеизмом-коммунизмом не заменить еврейскую общину. Но было столько погромов, такая даже официальная ненависть к евреям, что многие из них подумали — можно построить новое общество, общество равных. А процесс строительства разрушил здесь всю народную жизнь. И если бы он затянулся еще лет на 20, ничего на корню бы не осталось. Я надеюсь, политики сумеют прийти к компро-

миссу, и будет демократическая страна, где всякая вера будет свободна...

— При вашей службе у вас, верно, очень мало свободного времени, личного, для себя?

— Слава богу, да. Одна из заповедей по «Мидрашу»: человек должен быть свободен, должен заниматься чужими делами, в этом — его будущая свобода. Я стараюсь заслужить это, и все... День отдыха для еврея — суббота. Я иду утром на работу в синагогу, возвращаюсь домой к 2 часам, и дальше уже — семья, красивые московские парки. Два раза в году я еду в отпуск в Швейцарию или в США.

— Где вы с семьей живете в Москве?

— У нас квартира недалеко от синагоги. Старшие дети ходят в еврейский детский сад. Моя жена рада, что она в Союзе. Она родилась в США, и в Москве, конечно, для нее жизнь гораздо сложнее, чем на родине или в Швейцарии, но она понимает, что должна быть здесь.

— Кроме отсутствия кошерной еды, какие еще вы испытываете чисто советские трудности? Скажем, московский транспорт вас не угнетает? Вы ведь всегда на машине?

— Машина? Да, здесь есть машина еврейской общины. Но когда нет машины, есть очень хорошее московское метро, очень чистое и безопасное. В Нью-Йорке мы с женой боимся ездить в метро... Есть у нас и своя маленькая машина. Москва ведь слишком большой город. Это тоже проблема для еврейской общины. Еврей в субботу не имеет права ездить в машине.

— А метро, трамвай?

— Только пешком. На Западе еврейские общины селятся компактно. Потому что в субботу надо идти в синагогу, и нормально, когда это не более 20 минут на дорогу. А здесь субботний путь для кого-то в синагогу — 5 и более часов. Для организации еврейской религиозной жизни в Москве это пока — уравнение со многими неизвестными.

— Раз вы ходите по московским улицам, вы разговариваете с москвичами. Какие мы со стороны — евреи и неевреи?

— Это одна из причин, почему я сейчас еду в отпуск именно в США: там есть специальная языковая школа, где за 5 недель можно научиться русскому, чтобы не было стыдно говорить... Когда мне несколько раз здесь приходилось брать такси, водители спрашивали: не духовный ли я человек? И когда я отвечал «да», они не хотели никаких денег, везли просто так, и это очень странно и интересно, этого не случилось со мной ни в Западной Европе, ни в США. Здесь добрые, спокойные люди, и я молюсь и надеюсь, что на всех здесь будет хорошая жизнь...

Новосибирск

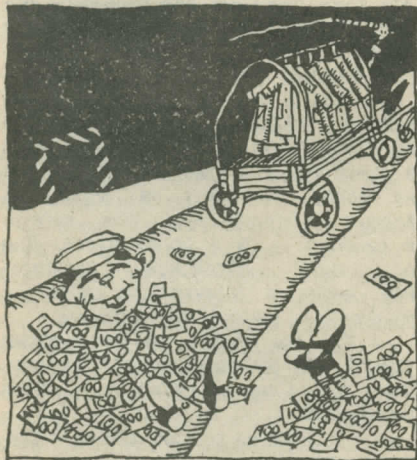
**КАК ЦЫГАНЕ
КИТАЙЦЕВ
ОБМАНУЛИ**

Наверное, в отличие от всех остальных стран, по Китаю не кочуют коварные цыгане, а китайские мамы не учат, как все мамы на свете, своих детей остерегаться и не доверять этому хитрому племени. Иначе невозможно объяснить ту трогательную доверчивость, с которой китайцы к ним отнеслись.

Китайцы, которые приехали в Новосибирск работать по контракту на железной дороге, привезли с родины очень много кожаных пальто. И продали их местным цыганам по 800 рублей за штуку.

Ах, если бы цена была просто сверхвыгодной для цыган! Так ведь они еще и расплатились «допавловскими» сторублевками. Китайцы не почуяли подвоха: цифра 100 на месте, Ленин нарисован... А когда поняли, в чем дело, цыган, как водится, и след простыл.

Юрий ФОМИЧЕНКО

Красноярск

**СПИРТ В
ПРЕЗЕРВАТИВЕ**

Бывший работник одного из оборонных предприятий города воровал у себя на заводе этиловый

спирт. Но применял для этого весьма рискованный способ. Он заливал спирт в презерватив, заглывал его, а ободок изделия держал в зубах. В полном молчании он покидал проходную, а где-нибудь в укромном месте наклонялся и переливал содержимое презерватива в посуду. Так были перенесены многие литры спирта.

Но однажды хитроумного вора постигла неудача. На проходной к нему пристали с вопросом: «А почему у тебя такое странное лицо?» Первое же произнесенное предпринимателем слово стоило ему жизни: отяжеленный спиртом презерватив немедленно погрузился в пищевод и желудок. Спирт вылился. Организм носителя не выдержал 96-градусной «жары».

Борис ЯРОВ

Москва

ДОМА-УБИЙЦЫ

Квартирный вопрос был, есть и будет. Он всегда насущный и актуальный. Люди стоят в многолетних очередях за жильем в центре нашей страны, на ее окраине, за Полярным кругом и там, где жить, казалось бы, невозможно. И восторг, охватывающий очередника при получении ордера, не сравним ни с чем.

Но пусть новоселы не очень радуются, потому что при строительстве дефицитного жилья используются утеплители из карбамидного пенопласта. А это неперспективный материал, от которого давно отказались на Западе. Даже родной Государственный комитет санэпиднадзора запрещает использовать некоторые его марки (но запрещает впускать). Дело в том, что карбамидные утеплители со временем начинают выделять вредные для здоровья вещества.

А священное для каждого советского человека жилище превращается в газовую камеру. В таких домах люди частенько умирают — на первый взгляд, неизвестно от чего.

Может быть, положение и изменится — когда реорганизуется санитарно-эпидемиологическая служба, появится хозрасчетная лаборатория по экспертизе строительных материалов. Но до наступления этого счастливого момента вырастут целые города — даже при наших нескорох темпах строительства. А

людям, у которых нет выбора, остается полжизни ждать квартиру, чтобы намного сократить в ней оставшиеся дни.

Е.А.

Липецкая область

**ИХ ДОМ —
ТЮРЬМА**

Чего уж в нашей стране много — так это тюрем. Но тесно в них, тесно — хотя давно миновал тридцать седьмой.

Самый прочный корпус тюрьмы в Усмани — тот, который построили еще при императрице Екатерине. При советской власти колония строгого режима, как водится, расширилась, на прежней территории построили новые корпуса. Теперь на восьмистах метрах по периметру обитает 800 (а иногда и гораздо больше) эков.

В зоне отведен спецблок для содержания особо опасных преступников. Опасны они тем, что больны открытой формой туберкулеза — и таких больше ста человек.

Обслуживающий тюрьму персонал давно уже ропщет: дескать, пора туберкулезников перевести в другую зону. Или, наоборот, эту колонию объявить спецколонией: специальной для содержания эков-туберкулезников. Им терпеливо объясняют: спецколонией объявить нельзя — не позволяют санитарные нормы, так как «жилье» стоит не в двухстах, как должно быть в «спец», а в 15—20 метрах от колючей проволоки. Перевести больных куда-то тоже нельзя: пять квадратных метров на каждого больного,

согласно инструкции большого тюремного начальства, выдержаны. Так и живут: одни сидят, другие надзирают. Иногда приезжают комиссии, подтверждают: опасность заражения большая. И уезжают.

Михаил ВОЛКОВ

Нижний Новгород

ПРИЯТНОЕ С ПОЛЕЗНЫМ

В день автомобильного факультета студенты Нижегородского политехнического института устроили вместе с преподавателями прогулку на катамаране по Волге.

Было очень весело: кроме дискотеки и трапезы в программе был аукцион, на котором продавали торты, шампанское, поваренную книгу и, наконец... экзаменационные оценки по шести предметам и один зачет по высшей математике. С шутками

и прибаутками оценки и зачет были проданы за считанные минуты и тут же вписаны в ведомости и в благо-разумно прихваченные студентами зачетки.

Пятерок продавать на стали (постеснялись). С молотка пошли только три и четыре балла. Самой дорогой оказалась тройка по философии — 130 рублей. Самым дешевым — тот единственный зачет по высшей математике — 50 рублей.

Олег КАПИТАНОВ

Воронеж

«БЕНЗИН НАШ НАСУЩНЫЙ...»

В Черноземье, как всегда, «сложилось чрезвычайное положение с уборкой урожая»: не хватает нескольких тысяч аккумуляторов для зерноуборочных комбайнов и автомобилей. Запчастей и бензина тоже нет. К тому же стоит засуха.

Но в «битве за урожай» хороши все средства. Богослов Александр Булгаков пригласил всех верующих в Первомайский сад помолиться о спасении урожая.

В назначенный час верующих пришло немного, гораздо больше любопытствующих. Молитва была обращена к небесам с тем, чтобы в грядущую ночь на землю пролился спасительный дождь. После чего к присутствующим обратились с просьбой пожертвовать на... оплату радиопередающей установки.

То ли заплатили мало, то ли молились не от души, но дождь ночью пролился на территории соседней области. В другой раз, может, небеса и внемлют. А вот с бензином, запчастями и аккумуляторами — гораздо сложнее.

Дмитрий ЖАРКОВ

Крым—Вильнюс

НУЖНО ПОМОЧЬ ЛЕНИНУ

Второго ноября прошлого года в телепрограмме «Взгляд» зрителей познакомили с небогатой многодет-

ной семьей, живущей близ Севастополя. Вполне обычная семья: папа, мама, семеро детей. Необычна была лишь фамилия главы дома — Ленин (причем это не партийная кличка, а натуральная, предками переданная фамилия). Владислав Николаевич поделился с журналистами своей давней мечтой: обзавестись собственным делом, открыть придорожную семейную корчму под названием «У Ленина»...

На том бы дело, может, и закончилось, если бы не вильнюсская газета «Содействие». Редакция «внепартийного неконформистского» издания зарезервировала три тысячи рублей на своем счету — наличный

капитал для обустройства будущей корчмы, «Содействие» объявила также сбор недостающих средств. Деньги поступают. И если кто-то из читателей «Столицы» захочет помочь Ленину-второму создать нечто свое на руинах государства Ленина-первого, сообщаем адрес для почтовых переводов:

232000, Вильнюс-центр, а/я 16, «Содействие», Михайлову В.В. Банковские реквизиты (для фирм и организаций):

Р/счет № 609357 в вильнюсском отделении «Летувос Банкас», г.Вильнюс. Получатель: Газета «Содействие» (на платежных поручениях просьба делать пометку: «Благотворительная акция»).

С миру по нитке — Ленину корчма!

К.Р.

Осколки собирала Елена АБЕРИНА
Наш телефон: 928-70-79
Рисовал А.Заяц

Валерий ЛЕБЕДЕВ

НАШ ЧЕЛОВЕК

Желающие уехать в США делятся на две части: меньшая — в гости. Поговорим о большей. Во-первых, потому, что далеко не все могут уехать, во-вторых, не все хотят, в-третьих, потому, что их больше.

Итак, наш человек получил от кого-то из США гостевое приглашение. Поначалу, если он собирается ехать первый раз, его нервирует обращение в ОВИР за выездной визой. Разрешат или нет? Отразится ли это желание на его работе? Эти опасения — рецидивы недавнего прошлого. С нашей стороны — все в порядке. Небольшие очереди. Вежливое обращение. Быстро, в пределах одного-двух месяцев, разрешение с выдачей загранпаспорта на 5 лет (отказов, в стандартном случае, фактически нет).

Окрыленный владелец загранпаспорта бежит в посольство США в Москве (или сначала приезжает в Москву, а потом бежит в посольство) за простой формальностью — за получением выездной визы в Америку. У входа ему сообщают, что таких, как он, — тысячи. Предварительная запись у милиционера с записью номера очереди в паспорт. Приходите месяца через полтора. Если очередь не подошла — еще через 2—3 недельки. Потом к 7 утра, чтобы проникнуть в пристройку при посольстве. В само посольство хозяева нашего брата уже давно не пускают. Стоянием в очередях да ожиданиями нас не удивишь. Но зато, стоя около посольства, будущий гость Америки узнает все больше такого, что уже заранее начинает его пугать, и он входит в пристройку, имеющую вид амбара или загона для скота, как душа грешника в чистилище. Пустят его посольские работники в гости или нет? Любопытно, что после всех ожида-

НА ПОРОГЕ АМЕРИКИ

ний, хлопот, очередей и предстоящих расходов с раскладкой будущих доходов от предполагаемой поездки, должностующей хотя бы окупить расходы (сейчас такая поездка обходится более чем в 10 тысяч рублей), потенциальный гость чувствует себя в этом загоне так, как будто решается вопрос о его жизни и смерти. Молодой холерный чиновник консульского отдела посольства берет в руки мегафон, восходит на помост и громко вещает столпившимся внизу полтора сотням потенциальных «гостей» его страны: «Все мы заполнять анкеты. Отвечать только правду. Не врать! Если кто-то собирается работать в США, или жениться там, или хотел бы приехать насовсем — сообщать. Все будем проверять, у нас компьютер. На помост к окошку входить по одному». Ситуация усугубляется тем, что «беседа» ведется через стекло, с помощью микрофонов и динамиков.

Что же это за правда, которую нужно сообщать? А это наш потенциальный гость уже узнал, стоя в очереди. «Правдой» для чиновников посольства является любое слово, которое легко позволит им отказать во въездной визе. Ну, скажем, вопрос: «Вы хотели бы пожить в Америке?» — «Да». — «Извините, в этом случае вы не можете поехать». — «Нет, нет, вы не поняли. Я бы только хотел временно, в гости, не насовсем». — «Но ведь вам нравится Америка?» Что отвечать? — судорожно мечется «гость». Скажешь «не нравится», тебе резонно ответят: «Зачем вы тогда едете, не надо вам туда ехать». Скажешь «нравится» — ответ готов: «У нас впечатление, что вы хотите остаться в США, и потому вам отказано в визе». Предположим, что этот риф наш «гость» как-то проскочил. Допустим, он сказал, что любит

путешествовать, но не любит жить долго на одном месте и Америка ему просто любопытна как экзотическая страна. Теперь ему нужно доказать, что дома у него все в полном порядке. Но это сделать несколько труднее, ибо у нашего «гостя» американские посольские чиновники кроме заграничного паспорта требуют и обычный, внутренний. А там сразу видно — семейный или нет, прописан ли, был ли судим... Предположим, «гость» — молодой неженатый человек. И предположим, он не очень прислушивался к разговорам в очереди и потому говорит правду, что, скажем, он студент или, паче того, временно не работает. В довершение всего у него еще и приглашение от знакомой в США. Результат беседы с вице-консулом предсказывается однозначно: вы не доказали нам, что не собираетесь остаться в США, и потому виза вам выдана быть не может. Впрочем, ничего не изменится, если молодой человек или молодая девушка едут по приглашению не своего знакомого противоположного пола (что само по себе может зарезать въездную визу), а по приглашению своего отца или матери. Отказ в визе почти гарантирован.

И вот тут мы подходим к одной маленькой деликатной проблеме. Известно, что и во Всеобщей декларации прав человека, и в Хельсинкских соглашениях контакты и встречи с родственниками, возможность ездить друг к другу в гости признается одним из неотъемлемых прав человека. Посольские же работники рассматривают близкое родство как своего рода криминал: по их логике, причин которой я ниже коснусь, чем ближе родственник, к которому едет советский гость, тем больше вероятность, что он у него останется насовсем, и тогда как по-

тенциальный эмигрант он не может быть допущен в гости. Таким образом, правда, которую взывают чиновники посольства, оборачивается для советского гостя большой несправедливостью или неправдой: сын не может поехать в гости к отцу, мать — к дочери, а брат — к сестре. Поднаторевшие гости уже и не стремятся получить приглашение от родственников, а просят об этом своих знакомых. Но и здесь нужно знать меру. Скажешь, что едешь к другу, без которого жить не можешь, не пустят, поскольку заявлено явное желание остаться «при друге» (не можешь без него жить); скажешь, что едешь так, к знакомому, откажут, потому что не предьявил достаточного мотива для поездки — чего вам ехать к знакомому, когда мы вот даже к тете не пустили.

Следующий этап «посольской правды» таков. Чиновники очень хотят узнать правду об уровне вашей жизни здесь, в Союзе. Из нашей же прессы, да и из личного опыта они знают, что такое обыденная жизнь в Москве. Знают, что жить здесь тяжело и плохо — особенно по стандартам Запада. Если «гость» согласится с этим и скажет, что его не устраивает зарплата, жилищные условия, снабжение продуктами и качество товаров (а скорее — просто их отсутствие), то все, его участь решена. Вам отказано в визе, потому что своими ответами вы явно доказали, что не хотите жить на родине и, значит, собираетесь остаться в США.

Я сам был свидетелем многих подобных «бесед» в посольстве. И, надо сказать, некоторые вице-консулы вошли во вкус и явно испытывали в такого рода разговорах что-то похожее на удовольствие. Иначе как понять следующий диалог. К окошку

подходит человек лет 35, приехавший из Минска. Хочет поехать в США к отцу вместе со своим маленьким сыном. Ему с ходу предьявляется обвинение в том, что он собирается остаться в США. Парень, видимо, уже слышал о процедуре, он отбивается чем попало. «Да что вы, — восклицает он, — я очень хорошо живу здесь! Я зампредседателя кооператива, у меня хорошая квартира, я здесь оставляю старшего ребенка, жену, квартиру. Я обязательно вернусь». — «Так. А почему вы хотите ехать с ребенком?» — «Понимаете, он родился после того, как мой отец и его дед уже уехал. Он его не видел, хочу показать внука деду». — «А зачем? Пусть лучше дед приедет сюда и посмотрит». — «Поймите, дед старый, ему 75 лет, больной, он не выдержит поездки. Он, может, скоро умрет, очень просил показать ему внука». — «Ну, если он скоро умрет, то ему все равно. И так далее...

Вообще наш человек, воспитанный в бесконечных просьбах и унижениях, при получении визы (скорее — при отказе в ней) совсем уж теряет лицо — просит, плачет, умоляет, создавая тем самым почву для глумления над собой же. Вся атмосфера консульского отдела по выдаче готовых виз (олять же — скорее по отказе в оных) вынуждает нашего человека сочинять и придумывать что угодно, лишь бы не говорить фатальную правду. Я только один раз был свидетелем того, как человек (его фамилия мне известна), которому чиновник сказал стандартное: «Мне кажется, вы хотите остаться в США» — резко и гордо ответил: «Кто дал вам право делать такие заявления? Попрошу вас выполнять свои функции и не выходить за рамки приличий!» Уж не знаю, понял ли чиновник слова или тон по-

действовал, но визу он быстро дал.

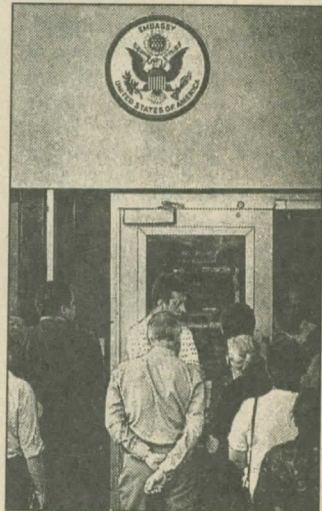
Теперь о причинах подобной деятельности. Известно, что США — страна эмигрантов. В результате там сложилась традиция оказывать всякому приехавшему в страну и желающему в ней остаться нечто вроде общественно-политической поддержки. Во всяком случае, в США нет закона о насильственном выдворении лиц, въехавших по визе, но оставшихся там, минуя имеющуюся иммиграционную процедуру. Вместе с тем эта страна не резиновая, наши эмигранты последних лет тоже в какой-то своей части показали себя в Америке не с лучшей стороны, потому возникла и другая тенденция в общественном сознании граждан США: несколько укоротить поток эмиграции, тем более бесконтрольной. Отсюда появился другой закон, запрещающий работодателям предоставлять работу лицам, не имеющим официального права (вид на жительство) на пребывание в США. Появились и иммиграционные квоты, разрешенные по разным странам и регулирующие право на въезд по мотивам политического убежища, преследований, воссоединения семей, разрешающие въезд разного рода беженцам и т.д.

Но нас здесь интересует проблема гостевых виз. Действительно, какая-то

часть гостей (очень небольшая), приехав в гости, нелегально остается в США. При этом они испытывают самые разнообразные трудности, хотя бы из-за невозможности легальной работы по специальности. А это — путь дальнейших правонарушений.

В других странах Запады проблемы «нежелательных гостей» не существует, поскольку там имеются законы, по которым лицо, не имеющее права на проживание (помимо гостевой визы, срок которой, скажем, истек), просто насильно выдворяется по, так сказать, месту постоянной прописки, т.е. к себе на родину. Мне кажется, что та нелепая ситуация, в которую нашего человека (и так замордованного выше всяких норм) ставят в американском посольстве, есть следствие весьма большого несовершенства внутреннего американского законодательства

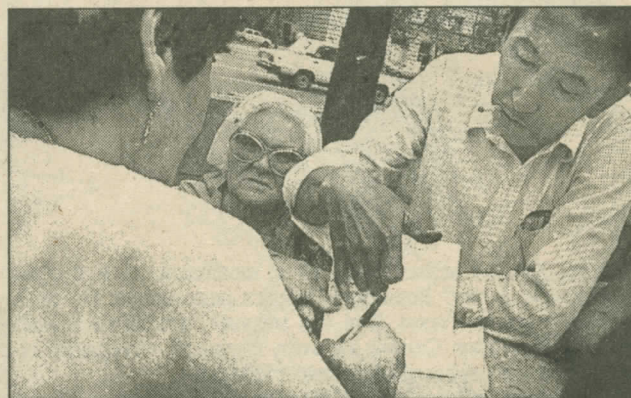
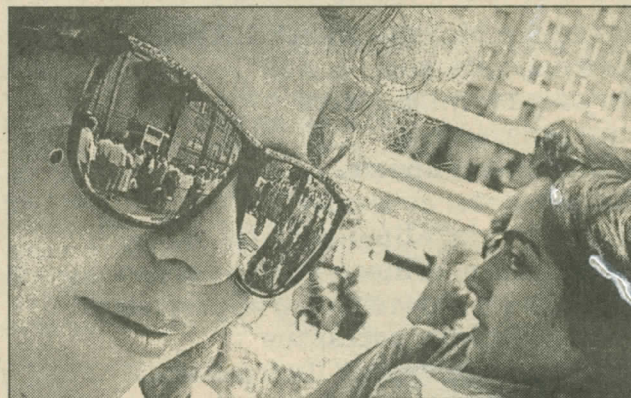
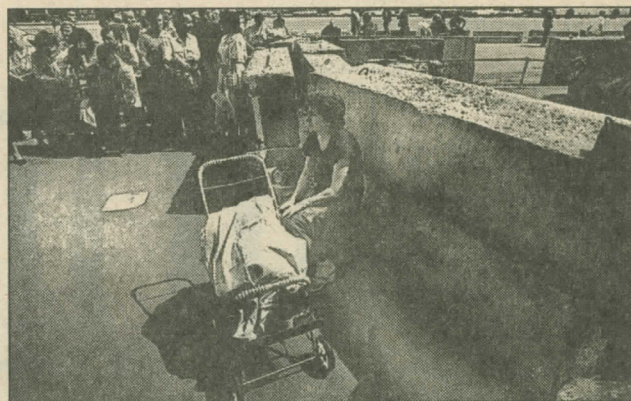
о «незванных гостях». Гораздо разумнее было бы, как это ни покажется странным, забыть о красивой и прекрасной традиции «политического поощрения всякого желающего остаться в США» без всякой его юридической легализации и без права на работу и принять по отношению к ним такие же законы, как, скажем, во Франции. Если положение не изменить, то мы будем иметь дело с типичным нарушением прав человека, притом в достаточно широком масштабе.

Действительно, чиновники посольства, имея установку максимально сократить количество нелегально остающихся в США гостей, будут идти путем, каким они уже идут несколько лет: всячески сокращать гостевой поток, «резать» въездные визы. И сокращать его будут именно по тем признакам, кои им кажутся наиболее «опасными»: отказы получают все близкие

родственники, молодые люди, люди, не доказавшие свое привилегированное положение в Союзе. Причем в принятии решения единственным критерием является мнение чиновника, как ему проситель «покажется», ну а это — только синоним произвола. Дополнительным доказательством этому служат случаи выдачи визы тому же просителю при тех же его исходных данных после 3—4 предшествующих отказов (после отказа за очередным разрешением можно обращаться не ранее чем через месяц).

Наметилась тенденция требовать у гостей все большее количество подтверждающих их слова документов: начали с внутренних паспортов, теперь «гости» несут справки о работе, зарплате, жилплощади. Если так дело дальше пойдет, то скоро посольские чиновники начнут требовать характеристику за подписью треугольника и рекомендации райкома. Чем же тогда посольство США будет отличаться от наших учреждений недавнего прошлого? И чем эта ситуация станет отличаться от столь нам знакомой, когда точно так же нарушалась презумпция невиновности («Вы не доказали нам, что не собираетесь остаться в США») и «наш человек» должен был доказывать свою верноподданность и даже любовь к советской власти.

Фоторепортаж Э. Кудрявицкого

Владимир МАТЛИН

ДОГВУД

Владимир Матлин живет в Америке восемнадцать лет. Регулярно публикуется в русскоязычной (и не только) прессе. Его рассказы печатали «Континент», «Время и мы», «22», «Панорама», «Новое русское слово». Год назад в издательстве «Эрмитаж» вышел сборник рассказов В.Матлина «Эффект Либерсона». Свой новый рассказ он передал нашей редакции

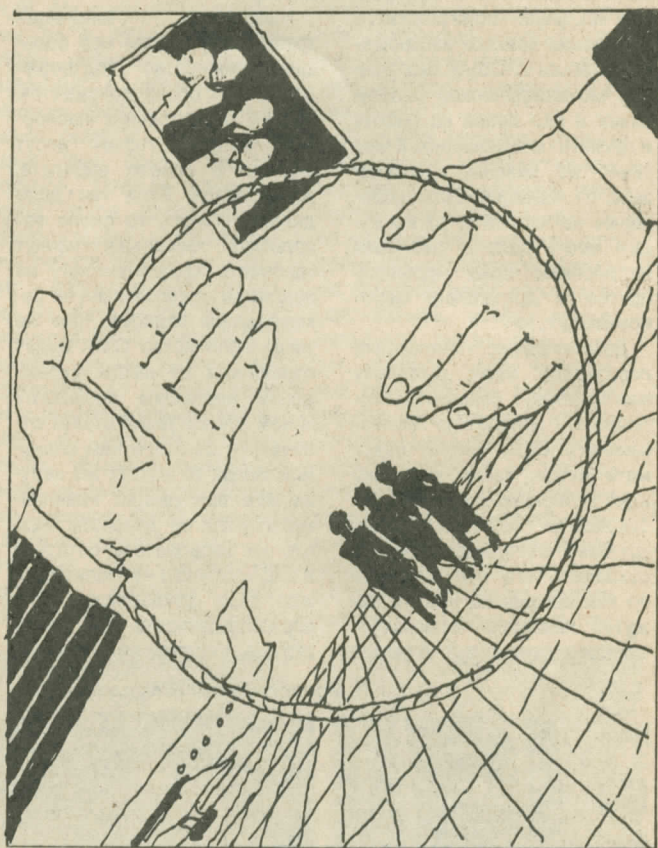
«Этот? Нет, не может быть, он с женщиной, да и вообще — не похож. А тот? Возможно, возраст подходящий. Но одет, как бизнесмен из Техаса. Или вон мелькает в темном плаще? Нет, слишком стар. Скорее уж этот, с сумкой «Американ турист». Хотя где ему взять «Американ турист»?

Юджин стоял сбоку от входа и вглядывался в плотную толпу только что сошедших с самолета пассажиров. Толпа текла мимо него, вливаясь в зал Далласского аэропорта. От напряжения у него болела шея и резало в глазах. Господи, как тут узнаешь? Наверное, это невозможно — узнать человека после стольких лет.

Он снял очки; резь в глазах стала меньше, однако теперь он плохо видел тех, кто проходил подальше. Тогда он протиснулся в середину потока, но там приходилось вертеться в обе стороны, это было еще труднее, он возвратился на прежнее место сбоку и снова надел очки.

«Вот вроде подходит: возраст, рост... Нет, слишком холеный. А вон тот?»

Поток людей, прибывших с этим самолетом, редел, и одновременно уменьшались шансы на встречу. Почему они не пообменялись хотя бы фотографиями? Впрочем, все произошло так быстро...

А когда простучали каблуками три стюардессы в синих костюмах, он с тоской подумал: «Где теперь его искать? По радио объявлять бесполезно: он даже имени своего не узнает в английском произношении...»

В полной растерянности Юджин топтался на месте, заглядывая в глубину длинного пустого коридора. И вдруг ему послышалось слово, от которого он вздрогнул и замер. Не может быть, показалось! И только когда голос за спиной произнес вторично: «Геня, Геня!», он обернулся.

Это был человек в темном плаще, про которого он подумал «Слишком стар». Глядя на Юджина испуганными глазами, он проговорил еле слышно:

— Ты, Геня?

— Волик? — тоже шепотом произнес Юджин.

Они молча стояли друг против друга. Эту встречу каждый из них рисовал в своем воображении сотни раз, но на самом деле все происходило не так, не похоже ни на один из воображаемых случаев. И они стояли в полной растерянности, глядя друг на друга.

Первым заговорил Геня:

— Неужели узнал?

— Ну, вижу: человек кого-то высматривает, я и подошел. А теперь вроде — что-то отдаленно... Ты ведь на пять лет меня старше, а выглядишь, будто сын.

— Уж сын... Не преувеличивай!

Геня шагнул вперед, они обнялись, потом, отстранившись, снова стали рассматривать друг друга, потом снова обнялись и долго стояли обнявшись — Геня выше ростом, Волик коренастее, шире в плечах.

Наконец Геня сказал:

— Ладно, пошли, нас дома ждут. Где твои вещи?

— Это все, — хриплым голосом сказал Волик и закашлялся. Геня подхватил небольшой чемодан с обитыми металлом углами и, обняв Волика за плечи, пошел к выходу.

На эскалаторе он сказал:

— Мама не дождала, а то бы тоже приехала.

Волик покачал головой:

— Вряд ли, она последние годы сильно болела.

В паркинге Геня отыскал машину. Когда селились, Волик спросил:

— Твоя?

— У нас, знаешь, без машины невозможно, — ответил Геня виноватым почему-то голосом. — Поехали, Варя задалась!

Первые три дня они непрерывно говорили.

Это были странные беседы. Казалось, каждый говорил сам для себя, стараясь выговориться, пересказать все то, что выстрадал за эти сорок с лишним лет, — как можно полнее, во всех подробностях. Они слушали друг друга, не перебивая и не задавая вопросов, по очереди рассказывая свои истории, и когда один замолкал, второй возобновлял свой рассказ. Словно две линии, исходящие из одной точки, их истории развивались, все дальше уходя друг от друга, делаясь все менее понятными для другого. Волику казались одинаковыми все эти названия немецких городов, ди-пишных лагерей, имена американских военных. И для Гени, в свою очередь, были незнакомы и неотличимы названия уральских городов, пересыльных тюрем, лагерей. А потом Геня стал сыпать названиями американских городов и учреждений, а Волик — сибирских селений и советских хозяйственных организаций.

Линии их жизни расходились все дальше, но разговор то и дело возвращался к той точке, откуда исходили линии и которую они называли то детством, то Киевом, то просто домом: «А помнишь, дома?..»

Они сидели в креслах в небольшой комнате, которую Геня называл «мой офис». За окном, на фоне ярко-голубого весеннего неба Волик видел переплетения еще голых, но уже оживших после зимы ветвей. Ветер покачивал их, и шум ветра в деревьях был единственным звуком, долетавшим с улиц тихого пригородного поселка.

Между их креслами на журнальном столике лежала пожелтевшая фотография: мужчина, женщина и два мальчика-подростка, один старше и выше ростом, оба в трикотажных рубашках с короткими рукавами, которые до войны в Киеве назывались «бобочки». На обороте фотографии — едва различимая надпись: «1940 г.». Мамин почерк.

На третий день, уже к вечеру, Геня прервал рассказ Волика о правке пилы на лесоповале неожиданным вопросом:

— Скажи откровенно, папу взяли из-за меня?

Наступила тяжелая пауза. Они сидели рядом в креслах и оба смотрели на выцветшую фотографию, их взгляды не встречались. Наконец Волик проговорил:

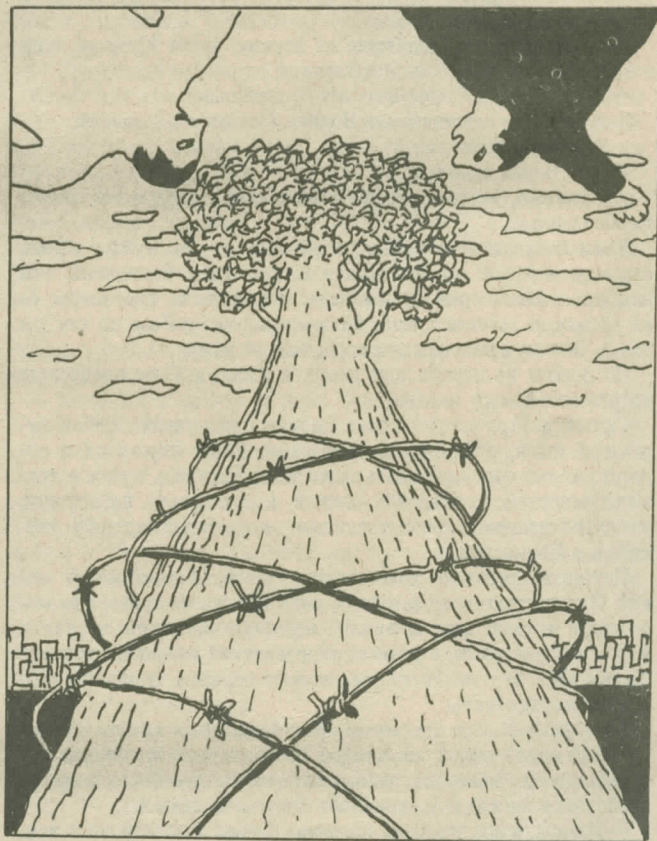
— Я думаю, они бы его и так посадили. Он им глаза мозолил яркой ученый, характер независимый. К тому же из дворян... Нет, не казни себя, его бы все равно посадили. А нас с мамой — как членов семьи...

На четвертый день Юджин появился к завтраку в костюме и галстук и виновато объяснил, что не может больше прогуливать, пора на работу. Он предложил взять с собой Волика, чтобы тот побродил по городу, пока он на работе, но Волик отказался, остался дома на этот день, и на следующий, и потом опять... Ему хотелось посидеть в одиночестве, подумать над тем, что он здесь узнал.

В Генином кабинете он обнаружил несколько полок с книгами на русском языке. Это были авторы, о которых он слышал много лет, но ничего не читал, хотя некоторых из них в самое последнее время уже начали издавать в Союзе.

Волик сидел в кресле и читал. Иногда он прерывался и подолгу смотрел в окно на колышущиеся ветви деревьев на фоне ярко-голубого неба.

В середине дня раздавался стук в дверь и женский голос громко произносил: «Ланч!» Это была Барбара, жена Гени. Как ему объяснили, она не работала, но и нельзя сказать, что сидела дома. С утра она уезжала куда-то на машине — не на той, на которой ездил Геня, а на другой, большой. В сере-

дине дня она возвращалась, чтобы, как догадывался Волик, покормить его. Она подавала ему бутерброд с ветчиной и листьями салата, но сама не ела. Волик хотел бы узнать, почему она не ест, но не мог спросить: он совсем не говорил по-английски, а Барбара знала по-русски только «наздоровье» и «спокойной ночи». Она улыбалась Волику, иногда произносила несколько слов по-английски, на что он смущенно разводил руками. Покормив его, она снова садилась в машину и уезжала, а Волик опять шел в кабинет перебирать русские книги.

Вечером появлялся Геня. Они ужинали вдвоем: согревали суп из банки, варили сосиски или макароны. Иногда ехали в китайский ресторан, где ели креветок в остром соусе и мелко нарезанную курицу с орехами.

В воскресенье Геня разбудил брата рано:

— Одевайся, в церковь поедем. Не против?

Геня за всю жизнь был в церкви раза три-четыре, причем первый раз с отцом, еще в детстве. Он с готовностью согласился.

Службы он не знал, а просто повторял, что делали другие: крестился, кланялся, становился на колени, поднимался, даже подпевал казавшиеся знакомыми мелодии. И от этого совместного с другими людьми действия чувствовал себя легко и радостно, хотя никого из этих людей не знал, похожи они были скорее на американцев, чем на русских, и многие, особенно молодежь, переговаривались по-английски.

После службы они с Геней стояли снаружи, возле ограды. Было тепло, они держали плащи в руках. Над их головами раскинуло ветви дерево с крупными бело-розовыми цветами. Волик поминутно смотрел вверх, не в силах оторваться от этой красоты.

— По-английски это *догвуд* — объяснил Геня, — а как по-русски, не знаю. Дословно получается «собачье дерево», но по-русски такого нет.

Едва ли не все, выходявшие из церкви, знали Юджина, подходили, здоровались. А он представлял:

— Это мой брат. Сорок пять лет не виделись.

Люди ахали и разглядывали Волика. Многие спрашивали:

— Как там сейчас?

На что Волик отвечал:

— Неважно, честно говоря. В магазинах пусто, и все какие-то обзеленные...

Люди сочувственно кивали, говорили, что не нужно терять надежду, что все худшее позади и, Бог даст, постепенно все наладится. Некоторые вспоминали, какой была там жизнь «в их время», и действительно, получалось, что сейчас не так уж плохо. Волику нравились эти приветливые люди.

По дороге из церкви они поели в кафе, и Геня предложил погулять по центру города.

Самый центр, к удивлению Волика, представлял собой огромный газон, обсаженный деревьями. Газон спускался с пологого холма к реке, а вдоль него расположились музеи и правительственные учреждения. Белый дом оказался небольшим, изящным зданием, напоминающим дворянскую усадьбу где-нибудь в Подмосковье.

Цветущие деревья, ярко-зеленая трава, безмятежный покой. Полуодетые люди загорали, сидя и лежа на траве, ели мороженое в тени, дети и вполне взрослые мужчины играли в мяч, а по дорожкам, в разных направлениях неспешно трусили бегуны. Все это никак не вязалось с образом политического центра сверхдержавы.

Геня рассказывал про музеи, расположенные вокруг газона, — когда какой музей построен и какие в нем экспонаты. Но Волик слушал невнимательно, разомлев от весеннего воздуха, напоенного теплом и праздностью. Он только сказал:

— Извини, я все равно не запомню. Лучше я приеду сюда как-нибудь днем и похожу по музеям. Надеюсь, не заблужусь.

Вечером дома они отыскали в словаре слово *догвуд* — по-русски это оказался кизил.

Утром по дороге на работу Юджин высадил брата в центре города, возле Национальной галереи. Они уговорились встретиться на этом же месте вечером, в шесть пятнадцать.

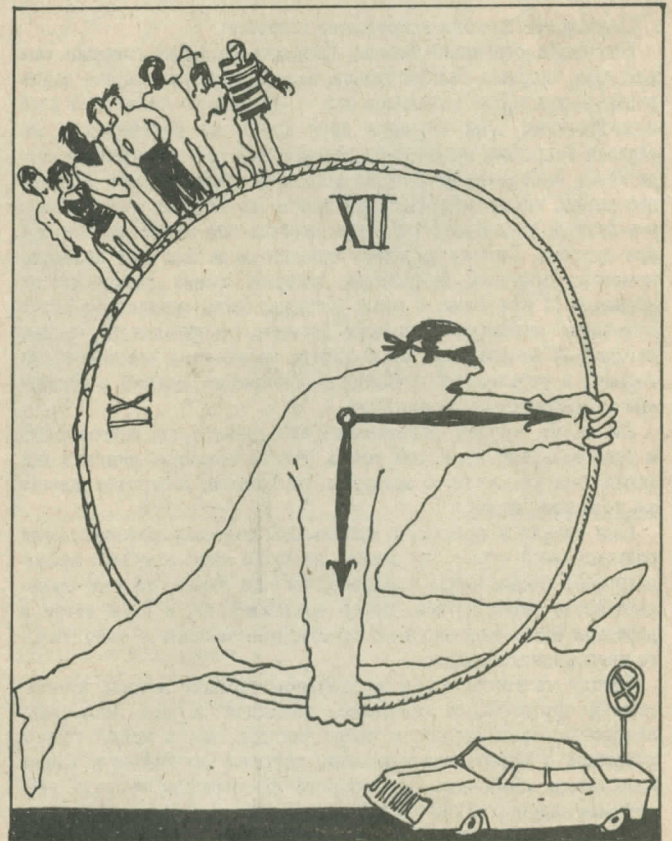
— Ради Бога, не опаздывай, — наставлял Геня. — Я не могу здесь стоять — оштрафуют.

И Волик вошел в музей. Полдня он провел, продвигаясь через анфилады залов от итальянского Возрождения к французскому постимпрессионизму. В середине дня он поел, купив в автофургоне возле музея сосиску в булке и лимонад. Затем вошел в другой музей, там разглядывал мамонта, потом еще в один — там были выставлены самолеты и космические корабли.

Все это время Волик поглядывал на часы, и без четверти шесть, решив, что пора, отправился на условленное место, к входу в Национальную галерею. Но это оказался другой вход. Обойдя здание, он поспешил к противоположному входу, но и это было что-то незнакомое. Наконец он понял, что это вообще другой музей.

Часы показывали шесть ровно. Волик огляделся в полной растерянности. Все эти здания казались ему теперь похожими. Он никак не мог вспомнить, сколько раз пересекал газон и по какую сторону осталась галерея. Наугад он поспешил к соседнему зданию, заглянул внутрь — какие-то паровозы...

Стрелка приближалась к шести пятнадцати. Это было смешно и глупо: взрослый человек потерялся, как ребенок, заблудился, как в семилетнем возрасте на Крещатике, когда мама зашла в кондитерскую. Надо что-то немедленно делать!

У него была с собой бумажка с номерами телефонов, но что проку: с работы Геня уже ушел, а дома одна Барбара.

Преодолевая неловкость, Волик обратился к проходящей женщине с ребенком:

— Националь галерея... где?

Женщина внимательно выслушала, заулыбалась, жестами попросила повторить. Потом подошла пожилая пара, те наперебой стали говорить с ним то ли по-итальянски, то ли по-испански. Подошел военный, тоже стал спрашивать. Вскоре вокруг Волика образовалась небольшая толпа улыбающихся людей, каждый из которых пытался что-то объяснить на каком-то языке. И вдруг позади него отчетливо произнесли по-русски:

— Да это же наш человек! Что случилось?

Рыжеволосый крепыш прямо наслаждался своей находчивостью. Толпа почтительно стихла. Волик быстро заговорил по-русски, все еще не веря удаче.

— Национальная галерея? — переспросил рыжий. — *Нэшнл гэллери* там, на том конце мола. — Он показал пальцем.

Волик бросился почти бегом, незнакомец последовал за ним, расспрашивая на ходу, что произошло. Когда они, с трудом переводя дух, примчались к нужному входу, часы показывали шесть тридцать и Гениной машины нигде не было видно. Они постояли несколько минут; рыжий предложил позвонить Барбаре из уличного телефона.

Оказалось, Геня уже звонил домой в полной панике. Не обнаружив Волика вовремя на условленном месте, он запарковал машину, позвонил жене и сейчас ходит вокруг музеев, ищет пропавшего братика. Он, наверное, скоро опять позвонит Барбаре, если только не решит вернуться на работу и ждать там звонка от Волика.

Рыжий предложил завезти Волика домой.

— Мне это почти по пути, — объяснил он. — Я живу в Фоллс Черч.

В машине он непрерывно говорил. Он задавал множество вопросов и сам на них отвечал, рассказывая о себе, о своей эмиграции, о жизни в Америке.

— Писенсон, моя фамилия Писенсон. Так родителям этого было мало. Знаете, как они меня называли? Угадайте! Абрамом, в честь погибшего на войне дедушки. Представляете себе, жить с таким именем в Ленинграде? «Здравствуйте, я Абрам». Лучше умереть... Я стал называть себя Аркадием, но, честно говоря, не слишком помогало... Все же жил, и неплохо. Последние годы работал администратором на ленинградском «Научпопе» — командировочные, постановочные, премиальные, туда-сюда... Вы к кино не имеете отношения? Лет шесть назад приехал в штаты... да нет, уже почти семь. Ребенок у нас тогда только родился. Как жить? Профессии, считай, нет. Попытался продавать автомобили — не пошло. Открыл химичку — прогорел. Пиццу пек — чуть сам не спекся... Но в конце концов нашел свое дело. Что у нас сейчас «номер один»? Компьютеры, вот что! Стал продавать компьютеры. Сначала, конечно, поучился на курсах, а потом вошел в дело. Сейчас у меня фирма, поставляем компьютеры разным правительственным конторам. Одному министерству сельского хозяйства на восемь миллионов поставили. Мы — *майнорити бизнес*. Знаете, что это такое? Бизнес, принадлежащий представителям меньшинств. Такой бизнес имеет преимущества в делах с правительством, понятно? Нет, еврей не меньшинство, хотя их в стране всего три процента. Но вот женщины — меньшинство, хотя их больше половины населения, и негры — меньшинство. Моей фирмой владеют две негритянки, а я — президент.

Зайти в дом он отказался, подал Волику через окно машины свою карточку и просил звонить.

— Вы только скажите секретарше мое имя — Эйб Пайнсон, — и она соединит. Встретимся, съездим куда-нибудь. Вот

начнется летом жара — на океан поедем. Вы ведь не собираетесь возвращаться в Союз?

Волик неопределенно пожал плечами.

— У вас там семья?

— Сын, вполне взрослый, у самого двое детей.

— Захочет повидаться — сюда придет. Верно?

Бывший Писенсон подмигнул, тряхнул рыжими кудрями и лихо рванул с места.

— У нас вечером гости, — объявил Геня несколькими днями позже, — не исчезай.

Это был завуалированный упрек за тот случай у Национальной галереи, но с тех пор Волик никуда не отлучался, так что предупреждение, по сути, было излишним.

Гостей было немного — всего одна дама. Она приехала точно в назначенное время и запарковала свой большой белый автомобиль прямо перед окнами. Она шумно поздоровалась, расцеловавшись с хозяйками.

— А это мой младший брат, Всеволод. — Геня повел рукой в сторону Волика, который смущенно топтался на пороге гостиной, чувствуя себя неловко в слишком длинном и узком Генином пиджаке. — Познакомься с Ангелиной Леопольдовой.

— А мы знакомы, — неожиданно объявила гостья. — Помните, в воскресенье, возле церкви?

— Помню, — неуверенно сказал Волик, и все засмеялись.

Стол был накрыт на веранде, выходящей в сад. Готовясь ко сну, громко перекликались птицы незнакомыми Волику голосами. Бело-розовое кизиловое дерево в вечернем свете походило на облако.

Барбара подала салат в стеклянных мисочках, а потом суп. Они с Ангелиной оживленно болтали по-английски и смеялись.

— Про общих знакомых, — пояснил Геня.

Волик исподтишка разглядывал гостью. На вид ей можно было дать лет сорок пять или чуть больше; впрочем, они здесь выглядят моложе своих лет. Статная, полная блондинка с крупными чертами лица.

Ангелина заметила, что Волик поглядывает на нее, и повернулась к нему с улыбкой:

— Тогда, у церкви, когда Юджин нас знакомил, вы сказали, что в России очень плохо, люди обозлены. — Волик подивился той легкости, с которой она переходила с английского на русский. — А вот мне иногда попадаются советские газеты, и я только удивляюсь, как правильно все пишут. Смело так — не подумаешь, что советские...

— Конечно, в том-то и дело, что все это гораздо сложнее, — оживился Волик. — Люди видят пустой магазин и говорят: «На кой нам эта перестройка?» А сам тот факт, что они об этом говорят?.. Вот я рассказывал Гене, что меня — можете представить? — в райсовет выбрали. Моим соперником на выборах был районный прокурор, так люди на собрании поднимались и говорили: «Хватит с нас прокуроров, выберем бывшего эзка». Понимаете? Я сейчас не о себе, я в принципе: ээк побеждает прокурора! Поэтому я и говорю: что бы там ни было, у нас появилась реальная возможность одолеть бюрократию, потеснить ее. Это ли не достижение перестройки?

Барбара подала на стол кусок жареного мяса и стала нарезать его на тонкие ломти.

— *Just one small piece*, — попросила Ангелина Леопольдовна и со вздохом добавила: — Не верю, что можно справиться с бюрократией. Знаете, что у нас здесь делается? Вот я вам расскажу. У меня мама живет в Нью-Йорке. Старая женщина, недавно попала в больницу, а потом в реабилитацию. В общем, месяц ее не было дома. Так они лишили ее пенсии. Раз она

живет в больнице, говорят, пенсия ей не полагается. Я говорю: она уже дома. А они: откуда мы знаем? В конце концов прислали к ней социального работника, убедиться, что она дома. Теперь не меньше недели возьмет ввести этот кусок информации в компьютер. Жуткая бюрократия повсюду!

Она говорила не то чтобы с иностранным акцентом, а с какой-то непривычной интонацией, и значение слов иногда было не совсем обычным. Геня рассказал Волику, что она родилась в Югославии и никогда не бывала в России. Мать у нее русская, а отец то ли немец, то ли поляк.

Геня с хлопком выдернул пробку из бутылки и стал разливать красное вино в бокалы.

— Мне самую каплю, я за рулем, — заволновалась гостья.

— Да что будет от бокала вина? Пустяки, — уговаривал Геня.

— Я не боюсь опьянеть, но если полиция остановит случайно — придерутся. Такие формалисты!

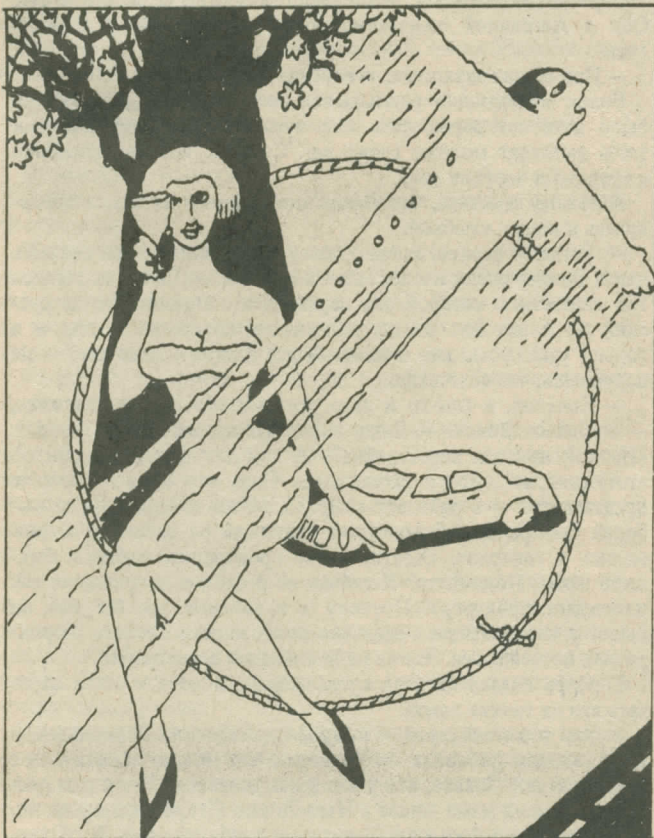
Геня засмеялся:

— Везде свои проблемы... — И подлил брату.

Волик допил, поднялся из-за стола и подошел к краю веранды. Птичьи голоса давно стихли, в саду совсем стемнело, и только кизилевое дерево белело на фоне сосен. Неясное, щемящее чувство охватило его. Шелест деревьев, запах весенней листвы, позвякивание посуды, голоса близких людей... Когда это было последний раз? В детстве, до войны, на даче под Киевом. Далекое и милое, как слово «бобочка»...

Прощаясь с Воликом за руку, Ангелина Леопольдовна сказала:

— Вы так ничего не увидите — целыми днями взаперти. Хотите, Всеволод, я как-нибудь заберу вас отсюда, поедем, посмотрим места?

— С удовольствием, — ответил Волик и смутился. Все засмеялись, включая Барбару, хотя она и не понимала по-русски.

Юджин съехал на обочину, и они вышли из машины. Отсюда открывался вид на необыкновенное здание аэропорта, суженное книзу.

— Как же, узнаю, — сказал Волик, — много раз видел на картинках. Финский архитектор, знаменитый... как его?

— Сааринен. Он, собственно, был американец; всю жизнь здесь прожил, много чего построил.

Они снова сели в машину. Ехали молча, а когда уже замелькали указатели аэропорта, Геня сказал:

— И все-таки я уверен, ты делаешь глупость.

Волик вздохнул:

— Не знаю, не знаю, все непросто... Я тебе много раз пытался объяснить.

Геня выпустил руль и всплеснул руками.

— Да глупости это!.. Извини. Чего ты боишься? Мы с Варей не пообедем. Я же все-таки тебе не кто-нибудь... Если уж на то пошло, сколько ты из-за меня натерпелся...

— Ты ни при чем, не думай об этом.

Геня с трудом отыскал свободное место на паркинге.

Разгрузились и пошли с вещами ко входу в терминал. К чемодану с металлическими углами добавился кофр.

Когда они уже сдали багаж и ждали в зале начала посадки, Геня сказал:

— А чем плох этот вариант с Ангелиной?..

— Господь с тобой, что ты говоришь! — Волик замотал головой. — Жениться, чтобы пристроиться? Это как у нас — ради прописки...

— Но это же не так, зачем ты говоришь зря? Она тебе нравится, я вижу. Мы ее знаем тысячу лет, я с ее покойным мужем когда-то работал, она прекрасный человек, уверяю тебя. В этой ситуации... вы же оба взрослые люди.

— Геня, перестань говорить глупости, — сказал Волик, и в знакомых интонациях Геня различил голос матери.

Простучали каблуками три стюардессы в синих костюмах. Началась посадка на самолет. Они стояли рядом, касаясь друг друга плечами, и смотрели невидящими глазами перед собой.

— Доведется ли еще когда-нибудь?.. — еле слышно проговорил Геня. Волик прокашлялся:

— Не знаю, смогу ли еще раз выбраться. Да и перемениться все может в любой момент. — Он помолчал, потом резко повернулся к брату. — Я с тобой совершенно откровенен. Тут дело не в том, что я обещать вас боюсь. Но кто я здесь? Да, там все отвратительно, а здесь хорошо. Но... как бы это сказать? Вот помнишь то прекрасное дерево? Ты сказал «собачье дерево» по-английски. Вроде бы кизил, а совсем что-то другое, незнакомое, странное, хотя и очень красиво. Понимаешь? Это все не мое, и сам я здесь никто. А там я на месте. Все там отвратительно, но я часть этого, вот в чем дело...

— Ладно, — сказал Геня, — главное, повидались.

Они обнялись и долго стояли обнявшись, поглаживая друг друга по спине. Геня заметил, что посадка закончилась и стюардессы смотрят вопросительно в их сторону.

— Пора, — сказал он и вытер ладонью лицо. — Главное, повидались. А я ведь не верил, что когда-нибудь увидимся...

Волик отстранился и взглянул на него, как показалось, с удивлением:

— А я был всю жизнь уверен, что свидимся. Хоть раз... Ну, спасибо за все и привет Варе.

Он кивнул несколько раз, попятился и как-то сразу исчез в глубине коридора. Сколько Юджин ни всматривался, так больше и не смог его увидеть.

Рис. В. П.

ОБНАЖЕНИЕ МАХОМ

Что можно говорить о конкурсе на лучшие женские ноги и лучший бюст? Еще совсем недавно любой школьный активист, не задумываясь, убедительно осудил бы саму идею проведения таких конкурсов, в корне чуждую нашему передовому социалистическому обществу, в котором женщина — это прежде всего ударник труда, товарищ, мать. И, как всегда, активист был бы прав, потому что советскую женщину десятилетиями можно было видеть с серилом, с упитанным младенцем, с мечом, с корзиной винограда, с ломом, наконец, но не с обнаженными ногами, а уж тем более — грудью. Исключение, в некотором смысле, составляет лишь отечественная Венера — девушка с веслом.

Два-три года назад по столпам соцправственности, на которых безмятежно покоился Моральный кодекс строителя коммунизма, ударил мутный поток всевозможных конкурсов красоты, с удивительной легкостью разметав эти столпы и предав глухому забвению судьбу целомудренно-большевистского Кодекса. За короткое время у нас появилось так много «мисс», что им уже впору объединиться и организовать свой профсоюз, который бы, возможно, заботился об их коммерческих интересах больше, чем различные СП, тихо сбывающие наших красавиц с выгодой для себя многочисленным закордонным фирмам, агентствам и притонам.

К конкурсам, чуждым лучшему в мире строю, мы привыкли быстро, и теперь они уже немногим отличаются от обычных комсомольско-молодежных слетов, на которых загадочный президиум выбирает самых достойных, их всем миром прибирают и провозжат в большую жизнь, где они благополучно пропадают из общественного внимания. Поток писем в редакции от ветеранов, возмущенных непристойными, на их взгляд, зрелищами, иссяк, но это вовсе не означает, что ветераны смирились с обнажением нашей молодежи. Скорее они вдруг почувствовали, что и сами становятся участниками грандиозного шоу. А тут — новое испытание для верных приверженцев коммунистического Кодекса — конкурс на лучшие ноги и, страшно вымолвить, — бюст. Причем газета с романтическим названием «Московский комсомолец», издавна тяготеющая к сексуальной свободе, решила провести этот конкурс не в узком редакционном кругу,

что могло быть предусмотрено уставом трудового коллектива, а на самой широкой публике в Лужниках. Да еще в День советской молодежи, славный как раз тем, что многие поколения в честь этого праздника надевали форму, выстраивались в стройные ряды и дружно становились на очередную вахту.

ИЗ БЕСЕДЫ В ДЕНЬ РЕГИСТРАЦИИ ЖЕЛАЮЩИХ УЧАСТВОВАТЬ В КОНКУРСЕ:

ИРА М., 13 лет. — Почему решила? А что? Мне интересно, вдруг повезет и чего-нибудь выиграю. Нет, дома пока ничего не говорила, и в школе тоже, только подруге. Она меня поддержала. Правда, говорят, что несовершеннолетним могут не разрешить участвовать в «Мисс Бюст», но разве это справедливо, а как же наши права?

ВАЛЕНТИНА С., 62 года. — Я как прочитала объявление о конкурсе, так сразу решила — буду участвовать, ведь ограничений в возрасте нет. Сын вот только ругаться стал, говорит, что совсем, мол, из ума выжила. А мне жалко, что не было таких конкурсов в годы моей молодости — все работа да работа, да какие-то идейные праздники. Я бы тогда точно была бы в числе победителей. Почему вы улыбаетесь, думаете, у меня мало шансов? Но сами посмотрите, я ведь и сейчас имею что показать, если это людям интересно.

У Малой спортивной арены стреляли лишние билетик и провожали завистливыми взорами счастливых, исчезающих в зияющих проемах распахнутых дверей. Такого ажиотажа Лужники не видели давно, а подобного конкурса вообще никогда не видели. Уже звучала бравурная музыка, уже отзвонел третий звонок, и зрители на трибунах доставали полевые бинокли и подзорные трубы, но в фойе спортивной арены все еще можно было услышать споры вокруг главного вопроса дня — обнажатся участницы конкурса или не обнажатся, а если да, то перед всеми или только перед жюри?

Мы в это время находились... в примерной, и нам ответ был более очевиден — участницы первого в новейшей советской истории супероткровенного шоу с волнением при-

хорашивались перед зеркалами, нисколько не стесняясь присутствия журналистов, наоборот — охотно демонстрируя перед камерами свои прелести. Стеснялись, скорее, сами репортеры, задавая невнятные вопросы и стараясь изо всех сил контролировать свой взгляд, который постоянно норовил соскользнуть с лица собеседницы несколько ниже.

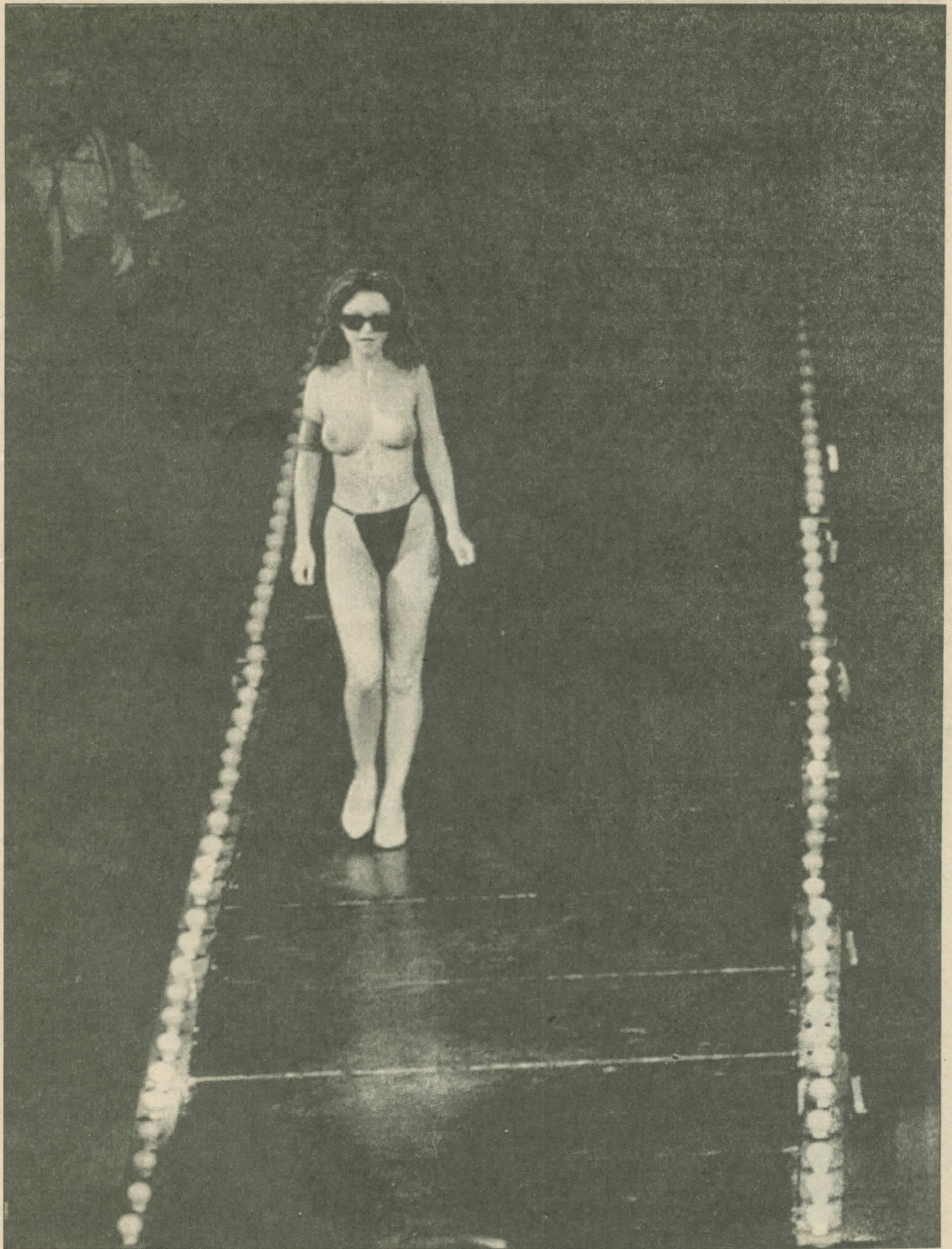
Зал не рухнул, не загудел, не заулюлюкал, когда почти тридцать участниц конкурса «Мисс Бюст» махом обнажились перед жюри и многотысячными трибунами. Зал вдруг неестественно затих, засверкал окулярами биноклей, дружно впал в мгновенное норовилое шоковое состояние. Свершилось!

Не на гляцевых страницах западных журналов или вымученных наших, не на полулегальной видеоленте, попадающей под президентский Указ, взращенный неугомонным Кодексом, а в самом центре нашей целомудренной Родины под жадно шарящими лучами прожекторов, объективами и окулярами биноклей гуляют по узкому подиуму, словно по сверкающему лезвию ножа, обнаженные советские девушки — активистки новой формации. И что-то не слышно в зрительских рядах сальных шуточек, не видно возмущенных лиц, не закатывает лихорадочно рукава новоиспеченная милиция нравов, действие разворачивается прямо как в известной песне — все культурненько, все пристойненько — абсолютная благодать. Сдержанно волнуется богатый партнер, лихорадочно щелкают затворами фоторепортеры, окупая свои платные — и за кругленькую сумму — аккредитации, шумно переживает галерка, пришедшая без биноклей.

ИЗ БЕСЕД ЗА КУЛИСАМИ:

ЖАННА П., мама участницы. — О том, что будет проходить такой конкурс, дочери сказала я. Ей 15 лет, она учится на первом курсе медучилища, отличница, активистка. Сейчас принимает участие только в конкурсе «Мисс Ноги», на остальное мы не тянем.

Дома за нас болеют наши бабушки, а дедушки к конкурсу отнеслись очень плохо, возмущались, ругали. Но мы все же пришли. Сама я работаю научным сотрудником, кандидат химических наук, идею таких конкурсов поддерживаю всей душой.

— А надо ли это вашей девочке, если у нее и без того все хорошо складывается — учеба, успехи...

— Я считаю — надо, чтобы почувствовать, что она не просто студентка, отличница — но представительница прекрасного пола. Нашему поколению этого не хватало, мы были пахотными лошадями, ими и остались. А мне бы хотелось, чтобы моя девочка осознала себя женщиной.

— То есть вы полагаете, что осознать себя женщиной можно через обнажение на сцене?

— Через успех у зрителей, аплодисменты, атмосферу праздника, даже через гримерную, где рядом — много красивых девушек и есть с кем себя сравнить.

Она выходит на сцену как женщина, и ею любуются — как женщиной.

Понимаете? Восхищаются не какими-то там трудовыми и прочими достижениями, а ее внешностью, ее женственностью. Да, мы ведь до 85-го года в своей зашоренной жизни об этом и мечтать не могли.

АНАТОЛИЙ П., муж участницы конкурса, финалистки «Мисс Бюст»: — Мы посоветовались с Катей и решили принять участие. Наши родные нас поддержали, они у нас довольно демократичны.

Я по профессии радиоэлектронщик, жена — студентка института.

— Вас не шокирует то, что ваша супруга обнажается перед таким количеством народа?

— Я не узурпатор, и меня это не шокирует, но испытываю такое ощущение, словно сам выступаю и хожу

по сцене. Думаю, что такие конкурсы нужны, если мы идем к демократическому государству. Пусть каждый сам решает — участвовать или нет, смотреть или не смотреть. А превратится это в пошлость или нет — будет зависеть от нашей культуры.

— Есть ли здесь, на ваш взгляд, участницы с более красивым бюстом, чем у вашей жены?

— Да, я для себя отметил человек пять-шесть, претендующих на звание «Мисс Бюст», и человек десять — на «Мисс Ноги».

— Скажите, осталось в вашей семье теперь еще что-то сокровенное?

— Самое сокровенное — это наша духовная жизнь, которая здесь никак не проявляется. Вообще Катя довольно скромная, и ее участие в этом конкурсе для меня — неожиданность. Не хочу сказать — приятная или нет. Я ее вчера спрашиваю — ты действительно сможешь пройти? Говорит — смогу. Ну давай, я тебя поддерживаю.

Есть какой-то предел, через который мы не переступим. Я уверен, что больше в таком виде она сниматься не будет, а если и решится, то посоветуется со мной.

Конкурс, как положено, закончился победой достойных, вручением главных призов — японского двухкассетного магнитофона за лучшие ноги и видеоманитофона — за бюст.

Валерий ЯКОВ

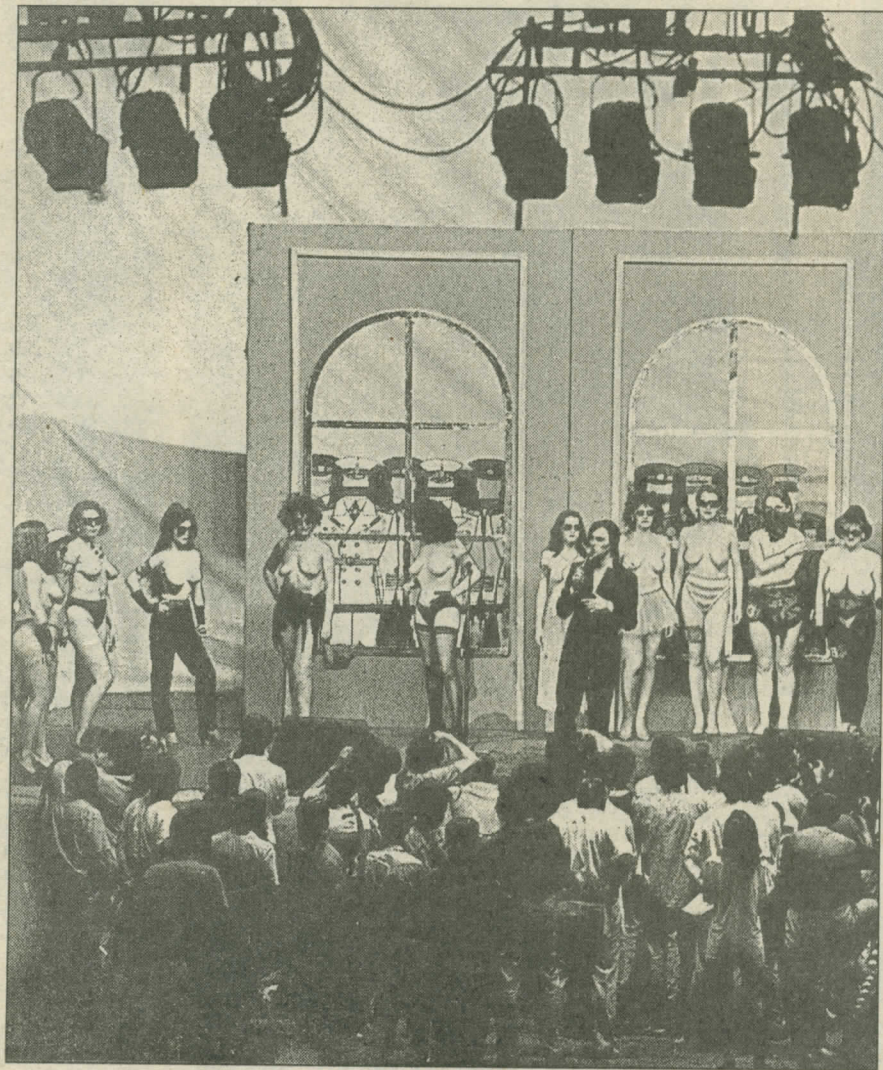

Фото В.Машатина

Михаил ВАЙСКОПФ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ХРИСТОС

© Иерихон. 1990.

(Ленин как мифологический тип)

В Симбирске у Ульяновых имелся домашний райский сад. Смутно цитируя книгу Бытия, сестра Мария благоговейно вздыхает: «В этих ягодных кустах, помню я, мелькала иногда фигура Владимира Ильича». Не обошлось, разумеется, без Евы. «Помню, — негодует Анна Ильинична, — как мы все были возмущены одной гостьей-девочкой, которая пыталась показать нам свою удаль тем, что с разбегу откусила от яблока и промчалась дальше». Откуда бедняжке знать, что хозяева из экономии едят только падалицы?

Крестник Белокрысенки — отрок законопослушный, исправно ходит к исповеди и не пропускает молебнов. Учебник «Элементарной логики» вгоняет его в пот, но Закон Божий он знает на ять. Недаром глубоко верующий человек, строгий директор гимназии Федор Михайлович Керенский хвалит этого, увы, нелюдимого отличника за примерную набожность.

Сведуц Володя и в мирских науках. Не обладая ни малейшими способностями к поэзии, он, если учитель прикажет, готов немедля «переводить Гомера правильным гекзаметром».

В его комнате монастырская опрятность. Крохоборским крысиным почерком — словам тесно, мыслям просторно — гимназист заполняет тетради, задумчиво косясь на стену; на пятнистые ягодицы географических

полушарий — прообраз государственного герба СССР. Названия сочинений: «Лошадь и польза, приносимая ею человеку» (лошадей недолюбливает), «Зима и старость», «Горы, их красота и польза». В выпускном классе предметы углубляются: «В чем выражается истинная любовь к отечеству» (возможно, вспомнит об этом в 1917-м). Классная работа: «Заслуги духовенства в смутное время Русского государства». Молодец Ульянов. Пять с крестом.

Вещая тема смутного времени повторяется на выпускном экзамене. За два дня до смерти брата Володя пишет сочинение «Царь Борис Годунов», о том, можно ли молиться за царя-Ирода. Через три недели с блеском сдает Закон Божий. В числе ответов — «Причащение священнослужителей» и, словно нарочно, «Воскрешение Иисусом Христом Лазаря». Возмужав, Спаситель одолевает в прениях меньшевистских фарисеев и книжников; придет час, их станут обзывать бородатыми талмудистами. Памятуя о прототипе, он наставляет иереев: будьте «мудры, как змии — и кротки (с комитетами: бундом и Питером) — аки голуби». Из оппонентов он изгоняет беса, заставляя их предварительно, согласно авторитетному свидетельству Луначарского, «обнаруживать плохо спрятанные оппортунистические рожки». В глазах приверженцев Ленин олицетворяет животворную стихию революции, сметающую мертвые догмы. Ибо он пришел не нарушить, а исполнить Закон, и впус-тую негодуют социал-демократические мелаеды. После Октября они столь же наивно возмущались ленинскими субботниками, позабыв о сказанном: «Не чело-

век для субботы, а суббота для человека». Им и в голову не приходило, какая звезда воссияла над симбирскими стойлами. Тем паче не ведали они, что в ульяновском Святом семействе издавался когда-то детский рукописный журнал под пророческим заглавием «Субботник». Там-то Володя, между прочим, избрал себе изумительный псевдоним, первую партийную кличку — Кубышкин.

Любовь к возвышенному, Нагоркины проповеди. Как всякого пророка, его влекли к себе заоблачные высоты, их красота и польза. «Этот вид, — пролаял он раз, оторвавшись от писанины и окинув поощрительным взором Татры, — не только не рассеивает внимания, но помогает сосредоточиться».

Отсчет ступеней начинается с Казани, куда Володя с родней перебрался после смерти отца. Казанская сирота поселилась сначала на *Первой горе*, подалась оттуда на *Ново-Комиссаровскую* (да-да!) — в дом *Соловьевой и*, отбыв ссылку в *Кокушкине*, вернулась на исходную *Первую гору*, дом *Орловой*. Четверть века спустя орлиный полет завершается на Воробьевых горах.

А еще Владимир Ильич, блуждая в туманах, дважды взбирался на *Бабью гору*. И напрасно — у подножья его караулила Надежда Константиновна.

Настало, наконец, время потолковать о ней — о Надежде, обвенчавшейся с Избавителем.

Поди догадайся, что эта революционная игуменья, изъяснявшаяся слогом Макара Девушкина и носившая партийную кличку Рыба, не лишена лирического воображения... что под серой горжеткой, в груди, унылой, как восточно-европейская измененность, бьется... что и узилище не разлучило любящие сердца.

«Сношения с Владимиром Ильичем завязались быстро», — со сдержанной, тезисной нежностью отмечает Крупская, имея в виду не то, о чем думает сейчас читатель. Сношения сводились к распространению по епархиям ленинских скрижалей, начертанных молоком, — этот ручеек предвещал социалистические молочные реки. Живительную влагу узник добывал из самодельного хлебного сосуда (порой она оказывалась слишком жирной, а потому непригодной для конспирации; не знаю, поймут ли его заботы нынешние эски): упреждая, стало быть, газетно-колхозное изобилие, свершалось первое советское чудо — претворение хлеба в слово.

Пути телеологизированного прогресса странно перекрещивались. На той странице медицинского трактата, между строк которой Ильич начал набрасывать проект программы РСДРП (повсеместное уничтожение капиталистической эксплуатации как залог грядущей победы пролетариата), говорилось об анатомических аномалиях и атавизмах и предсказывалось появление человека нового типа — с восемью шейными позвонками.

Майскими вечерами, в Шушенском, молодоженов охватывало сладостное, но бесплодное томленье. «После зимних морозов буно пробуждалась весной природа, — доверительно сообщает Крупская, — сильна становилась власть ее. Закат. На громадной весенней луже в поле плавают дикие лебеди. Или — стоишь на опушке леса, бурлит речонка, токуют тетерева. Владимир Ильич идет в лес, просит поддержать Женьку. Держишь ее, Женька дрожит от волнения, и чувствуешь, как тебя захватывает это бурное пробуждение природы». (Во избежание непристойных ассоциаций спешим уточнить: Женька — это собака Владимира Ильича.)

Супругов сближало не вульгарное плотское вожделе — сублимируя свои скудные половые ресурсы, Ле-

нин расходовал их в борьбе с отзовистами и ликвидаторами. Общими были духовные и педагогические интересы. Единственная, донельзя лаконичная, фраза — «Вот-вот» — которую Ильич насилу выговаривал перед кончиной, — и та носила оттенок наставительности.

Короче, добропорядочное, освященное церковью, ульяновское сожителство следует признать вполне целомудренным: не брак, а брачный союз борьбы за освобождение рабочего класса. Эту на диво подобранную чету Бонч-Бруевич назвал «образцом настоящей социалистической семьи» — что, конечно же, верно, если принять во внимание бездетность.

Но разве эрос революции облекался только в узаконенные паспорт формы?

Юная российская демократия была проникнута стихией податливой женственности и тянулась к победителю. Начавшись 8 марта, с бабьих бунтов в очередях, Февральская революция закончилась капитуляцией женского батальона.

Небесный жених пожаловал в Россию на Пасху, и на вокзале его провели в Царскую комнату. До слуха толпы, возглашавшей осанну, доносился перезвон престольных колоколов.

Дальше разворачивается сплошное евангелие, с вариациями и подозрительной перестановкой мотивов. В июле, спасаясь от заключения в Крестах, Ильич, аки Иисус, шествует по водам, пробираясь в Разлив. В газетах недоумевают, как Ленин изловчился прошмыгнуть за границу. Не иначе как на аэроплане или на подводной лодке, предоставленной Вильгельмом.

В октябре появляется у него собственный Петротступник, к тому же о двух головах: *Каменев* и *Зиновьев*, главарь красного *Петрограда*. На этом-то камне он и воздвигает свою церковь, покамест не подыщется более прочный фундамент.

Полубуйтесь теперь сценой распятия, взятой нами из книжки евангелиста Бонч-Бруевича «Три покаяния на В.И.Ленина». Исходя состраданием, обогащенным эротикой, управделами совнаркома лепечет: «Худенькое, обнаженное тело Владимира Ильича, беспомощно распластавшееся на кровати, — он лежал навзничь, чуть прикрывшись, — склоненная немного набок голова, смертельно-бледное, скорбное лицо, капли крупного пота, выступившие на лбу, — все это было так ужасно, так безмерно больно..»

А он, немощный и обнаженный, лежал тихо, спокойно, и из его уст не выходило ни одного звука, хотя всем было ясно, сколь тяжелы и ужасны его страдания».

Описывая чудо воскресения, Бонч-Бруевич многозначительно ссылается на слова эскулапа: «Только отмеченные судьбой могут избежать смерти после такого ранения, — сказал он мне полупшепотом... — Смертельная опасность миновала, как и почему — я не знаю. Здесь все крайне загадочно и непонятно... Ранение безусловно смертельное, таких случаев я не видел и не слышал».

Капкан на рисунках изображали только в профиль, как беса либо Иуду на иконах. Скоро, скоро ее потеснит Иудушка-Троцкий.

После января 1920 г., украшенного ленинским юбилеем, и особенно после января 1924 г. житие вождя совсем уж бесцеремонно стилизуют под Святое писание. Горьковский «Человек с большой буквой» и «самый человечный человек» Маяковского — партийные псевдонимы Сына Человеческого. В поэму о Ленине Маяковский включает скрытые цитаты из Библии, соотносимые христианским сознанием с личностью Иисуса. Обиход-

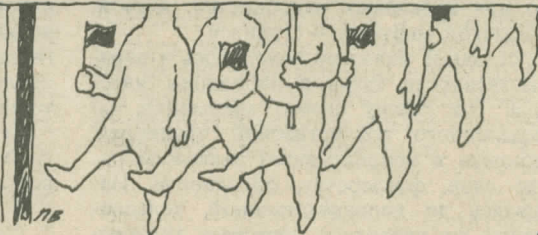
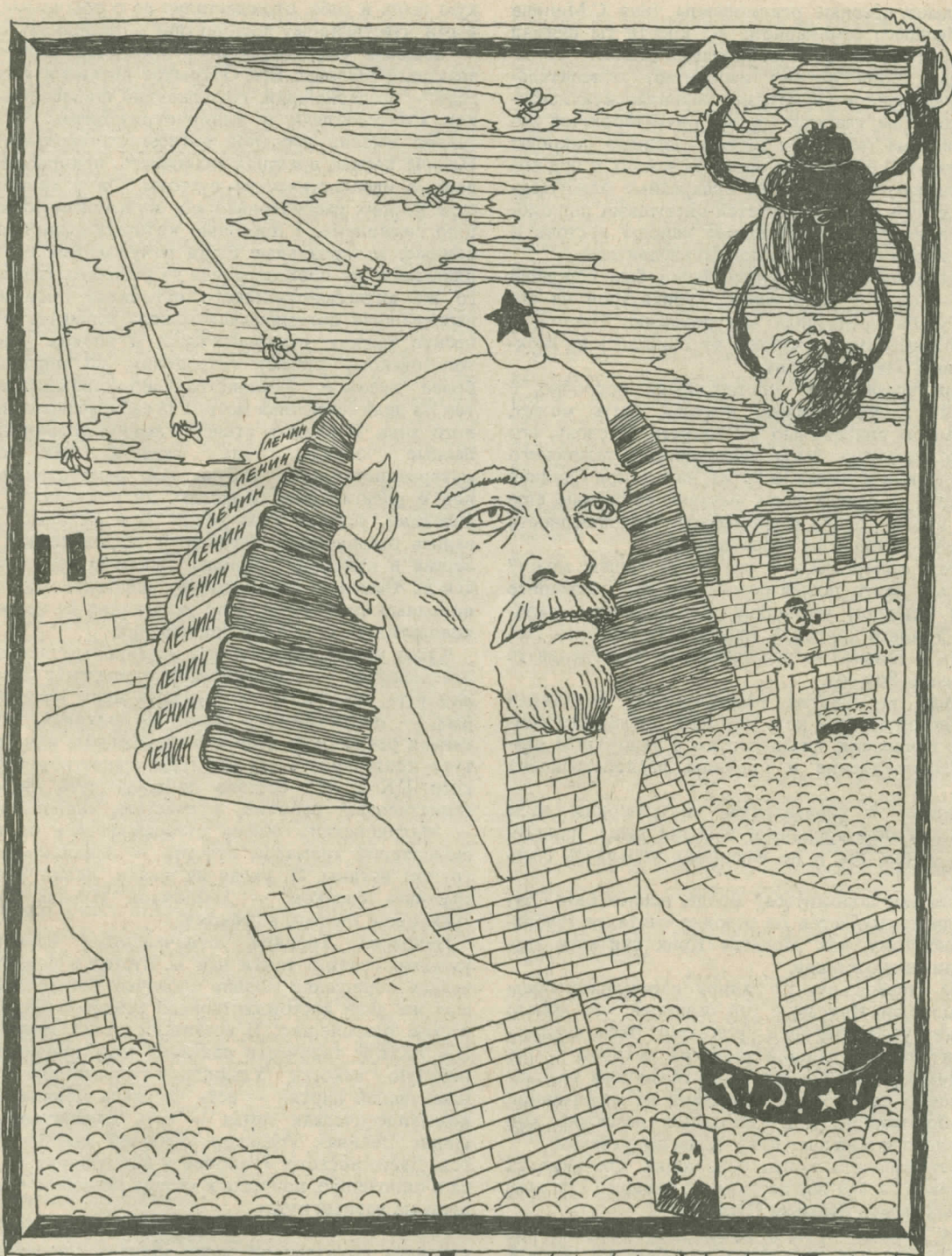

Рис. В. Пасичника

ный тон задают красные псалмопевцы типа С.Минина — правда, бывшего семинариста: «С креста ты снимал пригвожденных рабов, лечил их кровавые раны».

Неутомимый Бонч-Бруевич изобретает ослепительную по величественному идиотизму «африканскую легенду» о Ленине: «Там, где идет он, все одухотворяется новой жизнью: зима становится весной, ледяные покровы (это в Африке-то!) тают, снег орошает землю, и под его ногами вырастают и расцветают прекрасные благоуханные цветы, и путь его обрамляется цветущими широколистными лилиями... И измученные народы востока и дальнего юга ждут пришествия нового избавителя».

Я вовсе не хочу сказать, будто Ленин был пародией на Христа — скорее, бесталанной карикатурой на антихриста. Судьба предварила его рождение Пасхой, а смерть — Рождеством; похороны же пришлось на *воскресение*. Новый Завет наизнанку.

Умирал он чрезвычайно обстоятельно, подробно, с медицинскими злоключениями, искупая, быть может, свою тупоумную чиновничью жестокость. К слову, его владычество зачастую было страшнее сталинского — при нем ставили к стенке за то же, за что при Сталине сажали, — хотя находятся люди, именующие первые, еще неуклюжие пробы топора и юношескую безалаберность исполнителей — ленинским либерализмом.

Какие думы копошились в его догнивавшем мозгу? Все катилось к черту, новый режим выглядел бездарнее царского, в казенном механизме застопорилась какая-то цюрупа. Усилить контроль, наладить отчетность. Почаще сажать, а главное — расстреливать, расстреливать и расстреливать. Вот-вот.

Сколоченная им партия разваливалась, горланили еретики. Вспомнил ли он хоть раз тему последнего гимназического сочинения, писанного им в выпускном классе, — «Происхождение и причины распространения раскола»?

Переругавшись с соратниками, за вечерним чаем предсовнаркома по-стариковски отводил душу, калякая с кухаркой — она так и не научилась управлять государством.

На кого он мог положиться? Вроде, неплох был Сталин, да среди коммунистов он резонно считался грубияном, подобно тому, как Мендель Крик считался грубияном среди биндюжников.

Ленинское «завещание» по жанру напоминает предсмертный монолог Иакова, с той разницей, что вместо благословений у Ильича одни проклятья. Чего, спрашивается, стоит партия, лучший теоретик которой — Бухарин — «никогда не учился»? Иные обвинения изложены совершенно невнятно — убеждает не содержание, а хмурый брюзжащий тон. Сварливый пассажир запломбированного вагона знал цену своим попутчикам.

Его смерть означила конец революции. Он умер 21 января — ровно за 149 лет до того, 21 января 1775 года, в Москве был казнен Емельян Пугачев.

Набив из Ленина чучело, преемники хозяйственно приспособили его для культовых надобностей. Живой, он давно стал им помехой, мертвый — сгодился.

Если вдуматься, создание мавзолея находилось в парадоксальной преемственности связи с набожным материализмом Ильича. По складу своего мышления, во многом predeterminedного отечественной традицией, он питал враждебность к неприкладным знаковым системам — шелухе слов, фразерству, обрядности. Настойчиво докапываясь до непосредственной, телесно-убедительной истины, он ухитрялся *познавать* кантовс-

кую вещь в себе, отождествляя ее с обычными, доступными чувственному восприятию — обонянию, осязанию — вещами. Он, собственно, прозревал натуру сквозь знаковые заслоны. Его Открытое письмо к ученому соседу — бездарнейший, потешающий философов и физиков «Материализм и эмпириокритицизм» — примечательно именно яростной антисемиотичностью: в Махе Ильича бесила праздная знаковость, прикрывающая коварные идеалистические пустоты. Он и капитализм-то, если угодно, рассматривал как жульническую манипуляцию символами, с помощью которых единственно подлинные, *материальные* блага отчуждаются от их материального же производителя — рабочего класса. Из того же антисемиотического источника происходит его выигрышная полемическая манера «срывать все и всяческие маски», психологически и впрямь родственная толстовскому приему остранения, но обретшая куда более весомое, административно-полицейское, развитие. На деле семиотика мстила за себя, возвращаясь с черного хода. В юности атеист Ульянов соблюдал православные обряды, так сказать, из стихийно-материалистических побуждений: демонстрируя почтение к религиозным символам, он подчинялся внешним условиям, уступал силе *вещей* — и эмблемы прикидывались реальностью. Здесь-то и таился подвох. Ибо отвергая в принципе символы, Ленин всегда почитал индексы, телесную номенклатуру действительности, ее однородные фрагменты, ясно указующие на целое. Он руководствовался логикой причащения.

Култ вещей обманул его. Административное правдоискательство — маниакальное стремление все контролировать, самолично прощупывая меру усердия подданных, — оборачивалось такой же фикцией, как объективная реальность, данная в ощущениях, или как диктатура пролетариата (за все годы существования ленинского ЦК в его составе побывал чуть ли не единственный рабочий, к счастью, «парень хороший» — Малиновский). Жизнь отгораживалась от него бессмысленной громадой отчетов — набальзамированным трупом истины. И, уходя из жизни, Ленин застывал ее мертвым слепком — лампочкой Ильича, ленинским трактором, блеском в губке.

Напрасно Троцкий, отличавшийся непостижимым умением ставить точки над *ы*, пустил в спиритуалистическое обращение модное словечко «ленинизм». С первых же дней восторжествовало здоровое материалистическое благочестие. В воззвании от 22 января 1924 г. ЦК РКП(б) творчески развивал тему причащения, затронутую некогда Ульяновым-гимназистом: «Каждый член нашей партии — есть частичка Ленина. Вся наша коммунистическая семья — есть коллективное воплощение Ленина». Редактор «Рабочей мысли» уведомлял тов. Дзержинского: «Рабочие у нас говорят — ударишься в оппозицию, пойдешь к склепу Ленина и — сразу станешь на верный путь».

А кто не мечтал о воскрешении вождя! «Я хочу, — радовала сотрудников музея Ленина пролетарская девочка Манетова, — я хочу, чтобы наша вся семья погибла, а он был чтобы здоров и жив». (Заимствую обе последние цитаты из еженедельника «Читатель» от 21.1.28.)

Да неужто он вправду умер? Он лежал в хрустальном гробу такой ладный, свежий, добротный, что казалось, вот-вот встанет. И он — встал.

В 1925 г. его замогильные блуждания заприметили

иваново-вознесенские мужички: «Ленин жив лежит на Москве-реке, под кремлевской стеной белокаменной. И когда на заводе винтик спортится али, скажем, у нас земля сушится, поднимает он свою голову и идет на завод, винтик клепает, а к полям сухим гонит пыль. Он по проволоке иногда кричит, меж людьми появляется. Тот, кому довелось слышать речи его, тот навеки пойдет путем правильным».

Но удивительное дело: в этих сюжетах, восходящих, казалось бы, к народным легендам об Иисусе, Ленин выступает в роли демонического ночного персонажа. То Бог делает Владимира Ильича спутником волчьего солнышка: «Когда на небе месяц моложавит, серпом висит, Ленин — вьюноша, парень кровь с молоком, а как только полнеть начнет месяц и делается круглым, как краюха хлеба, Ленин стареет, становится дедушкой...»

То он, выбираясь из могилы, ровно упырь, шляется по ночам: «Положили Ленина в амбарышко, марзолей называется, и стражу у дверей приставили. Проходит день, два... неделя, месяц — надоело Ленину лежать под стеклом».

Вот один раз ночью выходит он потихоньку задней дверью от марзолей и прямо в Кремль, в главный дворец, где всякие заседания комиссарские...

Вышел Ленин... радостный, в марзолее лег успокоенный, спит вот уже много дней после своих странствований.

Теперь уже наверно скоро проснется.

Вот радость-то будет».

Легко, вероятно, разглядеть в заgrabной лениниане зародыши будущих анекдотов о Ленине, которые по собственной своей структуре, подчеркнем, ничуть не смешны — безотказный комизм им придает самая личность героя.

Надвигающаяся эпоха нуждалась в ином кумире, лишнем шутовской подоплеку и неуместной раздвоенности. То, что воспринималось как детская болезнь ленинизма в коммунизме — прямота, усердие, бытовая неприязнательность, — было в Ленине шаржированным наследием старой служивой России. За вычетом этих черт его культ оказался простой репетицией сталинского, отвечающего религиозному мироощущению 30-х годов с их преклонением перед зримой вещественностью стали, зарплаты и государственной мощи. Ни в жаровом, ни в этнографическом отношении сталинская агиография не привнесла ничего нового: до всяких там Джамбулов и Сулейманов Стальских фольклор о Ленине по манию начальства перемещался на восток; наряду с русской былинной «Ильич-богатырь» и «Покойнишным воем по Ленину» расползаются узбекская (Владимир Ильич в чертогах аллаха), киргизская, бурятская, чукотская («Большой Ильич ушел в большую туманную тундру, но оттуда он говорит своим людям»), азербайджанская ленинианы.

Посмертные странствования завершились инкарнацией. Того, кто умер в Горках, заменил уроженец Гори: Сталин стал «Лениным сегодня». На месте багрового государства воздвигалось нынешнее — Позолоченная Орда.

Судьбы Ульянова и Джугашвили соотносятся по принципу дополнительности, и мистиков заинтригуют, возможно, некоторые, на мой взгляд, курьезные совпадения. Роковое письмо к Троцкому (извещающее о победе над Сталиным в вопросе о монополии внешней торговли) Ленин продиктовал Крупской 21 декабря, в день рождения Сосо. На следующий день разъяренный

Сталин по телефону наорал на Крупскую. Той же ночью у Ленина отнялась правая рука и нога. Под утро он начал составлять «Завещание», которое еще предстояло дополнить следующими словами: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть... Я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места».

5 марта — дата будущей смерти И.В. — В.И. предъявил Сталину ультиматум, требуя извиниться перед Крупской и угрожая разрывом отношений; одновременно он продиктовал письмо к Троцкому с просьбой выступить против Сталина «по грузинскому делу». Через три дня Ленина разбил паралич. Это случилось 9 марта 1923 г. В тот же именно день спустя 30 лет труп Сталина уложили в мавзолей, бок о бок с ленинским.

Ни в чем с такой символической силой не выразилось двуединство Ульянова и Джугашвили, как в тождественности обстоятельств, сопутствовавших их смертям. Оба отказываются от лекарств, прогоняют врачей; оба окружены врагами и умирают в полной изоляции (Ленина сторожит Сталин, Сталина — Берия). Диагнозы разные (у Ильича — сухотка), но и того и другого калечит правосторонний паралич; в обоих случаях непосредственная причина гибели — поражение мозга. Наконец, после обеих смертей ЦК публикует идентичные по смыслу заявления — гарантии коллективного руководства. Кончина Сталина оказалась плагиатом, и едва выяснилось, что в мавзолее достаточно одного покойника, последнего ленинского двойника вытряхнули из святыхлицца.

Если сущность советского режима — смерть, прах и ложь, то я не знаю более точного символа коммунизма, чем напомаженный мертвец в самой сердцевине рабьёмещанского царства. И когда я думаю об этом, мои воспоминания об СССР сжимаются в омерзительный образ: отрубленная голова над трибуной Дворца съездов и штандарты всех вампирьих тонов — от венозного до сукровицы. Что там еще? Кубышка мавзолея, стена, поделенная на камеры с навозными шариками — урнами вождей, да поодаль собаки играют комсомольскую свадьбу.

Ленин не был пророком, и дар прозрения посетил его лишь однажды.

«В Лондоне, — рассказывает Горький, — выдался свободный вечер, пошли небольшой компанией в «мюзик-холл» — демократический театрик». Здесь, в демократическом соседстве вышибал и сутенеров, Владимир Ильич «смеялся, глядя на клоунов, эксцентриков, равнодушно смотрел на все остальное и особенно внимательно на рубку леса рабочими Британской Колумбии. Маленькая сцена изображала лесной лагерь, перед нею, на земле, двое здоровых молодцов перерубали в течение минуты ствол дерева объемом около метра».

— Ну, это, конечно, для публики, на самом деле они не могут работать с такой быстротой, — сказал Ильич... (Он заговорил об анархии производства при капиталистическом строе, о громадном проценте сырья, которое расходуется бесплодно, и кончил сожалением, что до сей поры никто не догадался написать книгу на эту тему. Для меня было что-то неясное в этой мысли, но спросить Владимира Ильича я не успел...)»

Это было видение лесоповала.

Алексей Павлович Балашов в 1924 — 1926 годах был секретарем Сталина. Судьба Балашова необычна. Уроженец рязанского села Ижевская, родины Циолковского, ровесник века. Окончил Комвуз им.Свердлова и стал секретарем Самаркандского обкома в 22 года. Там его заметил Каганович, заведовавший в ЦК кадрами, и забрал к себе личным секретарем. Через год Балашов занимает место известного Бажанова. Но отправившись в двадцать шестом году на учебу в Институт Красной профессуры, в высшие сферы Балашов не вернулся. Работал инженером. Зато дружбу с двумя вождями тех времен — Молотовым и Кагановичем — сохранял всю жизнь. Еще в начале 80-х сживали втроем за преферансом. Дети Алексея Павловича (а у него 13 душ) до сих пор заходят к Кагановичам в гости. С послевоенных лет Балашов беспартийный — исключили его при аресте, а когда 13 месяцев спустя, после писем к Молотову и Кагановичу, выпустили, он в райком за партбилетом не пошел — сами пусть вернут с извинениями. Так никто и не извинился. Сейчас Балашов тяжело болен. Лечится в районной поликлинике, и 4-е управление ему, в отличие от беспартийного Лазаря Моисеевича, не светит.

ИСТОРИИ ОТ БАЛАШОВА

Когда я был техническим секретарем Политбюро, на его заседания секретари не допускались. Только на «сталинский обруч». Этот «обруч» был создан против Троцкого, собирав его Сталин за день до Политбюро, приходили все члены ЦК и ПБ, кроме Троцкого, Сокольников, Пятакова. По секрету от них, можно сказать, ленинцы собирались. Эти двадцать человек могли думать по-разному. А вопросы решались острые. И нужно было, чтобы никто на агитацию Троцкого не поддавался. В начале таких встреч контролировалось выполнение решений прошлого Политбюро. Затем обсуждалась повестка дня следующего. Потом обсуждались разногласия, которые могли возникнуть внутри самой «двадцатки».

А когда начинались обсуждения, которые не подлежали чужому уху, мы уходили. Редкость, когда случайно могли начаться какие-нибудь

скандальные вопросы при нас. И нам было сказано, от кого хранить секреты. Даже секретари Троцкого, которые с нами работали в повседневном контакте, ничего не знали.

Я часто оставался после заседания, перечитывал обсуждение вопросов, которые меня особенно интересовали: разведка, сельское хозяйство, китайский вопрос. Даже делал выписки. Но все больше и больше понимал, что это — разжеванная каша, которая мне готовой попадает в рот. А хотелось самому разбираться. Ощущал, что часто не могу понять сути их споров. И захотел учиться дальше.

КАК Я УШЕЛ УЧИТЬСЯ

— Первый раз заявление об уходе на учебу я подал в 25-м году. Сталину я лично не подал заявление, а послал его жене в Кремль, самокатчиком. Там было написано:

«Уважаемая Надежда Сергеевна! Убедительно прошу Вас передать товарищу Сталину прилагаемое заявление, когда у него будет хорошее настроение».

Почему я так должен был сделать? На одном большом совещании у Сталина он сказал Феликсу Эдмундовичу о своем помощнике Каннере, что тот хочет учиться. Шутя. А Дзержинский: «Ну что ж, у меня свободная камера есть». Тоже в шутку. После этого Каннер долго еще о заявлении не напоминал.

Сталин меня принял. Но не в своем кабинете, а у Товстухи, начальника секретариата. Были все секретари, и он меня спрашивает: «Скажете, кто Вас обижает?» Говорю: «Никто». Сталин тогда: «Ну что ж, Вы сначала подумайте, кого предложить на освобождающееся место. К тому же Мехлис уходит на учебу — он на 10 лет старше. Подождите год». Меня отпустили в конце 26-го. По-

том и Каннер ушел учиться, и еще несколько.

Мой предшественник Бажанов нигде не пишет, как он ушел в конце 24-го года. Я был человек, который хотел «учиться и учиться». Ну а большинству — карьеру делать. Бажанов из них. Но сделать карьеру было не просто. Надо быть вежливым, скромным, грамотным политически. Он чувствовал, что отношение окружения Сталина к нему все хуже: позволил себе сожительство с женой одного очень тогда известного комсомольского лидера, воображал много, считал себя более интеллигентным, чем все. Я вот себя скромно держал. Правда, если надо выступить — я выступал. Я ведь и против Бухарина выступал — при Бухарине, и против Покровского — при Покровском. Тогда еще не ставилось так — против «линии», значит, заблуждаешься, троцкист.

ТОВАРИЩ СТАЛИН

— Я был одним из тех, кто готовил первую биографию Сталина для печати. Старались мы побольше написать о его первом периоде жиз-

ни, детстве и юности. Но он нам все вычеркнул, оставил только сухие факты. Потом помню еще писательницу, Смирнову, которая тоже, по поручению Косарева, пыталась разукрасить биографию. Там он чуть не с рождения такой-растакой, самый ученый. Сталин вызвал к себе автора и Косарева и дал им приказ ликвидировать произведение. Потому что мы не меньшевики какие-нибудь, у которых вожди рождаются, у нас народ делает вождей.

А однажды дежурю я по секретариату. В 8 утра звонок Сталина: «Что нового в печати и литературе?» (дежурный должен был ночью их посмотреть). Я по своей наивности сообщаю: «На Украине колхозу присвоено Ваше имя». Он говорит: «Немедленно дайте телеграмму — отменить». Еще, продолжаю, прислали журнал «Работница» — на обложке Ваш портрет (дело было под Восьмое марта). — «Немедля дать указание оторвать первую страницу и поместить там женщину». Так что он боролся первое время отчаянно против своего возвеличивания.

Потом? Ну что ж, пустил он это дело на самотек...

Еще был случай. Мы с Мехлисом после выступления Сталина всегда правили расшифрованную стенограмму, а потом уже отдавали ему. А тут однажды он приходит, недоволен: смотрите, как у меня были знаки препинания, как у вас. Совсем другое предложение получилось. Ну, говорим, больше не будем. А он отвечает: «Дело не в том, что вы больше не будете. Вы, гимназисты и реалисты, на нас, длиннополых семинаристов, смотрели сверху, считая, что мы учимся только обманывать верующих. Вы имели пять, потому что хотели быть в высшем учебном заведении, а я пятерку имел по русскому и литературе, потому что я хотел быть более полезным рабочему классу и крестьянам России».

1923 год. Секретариат Политбюро.
В нижнем ряду 2-й справа — А.Балашов.

КАК Я В КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЮ НЕ СОГЛАСЕН БЫЛ

— Началось создание колхозов. В моей родной деревне люди жили неплохо: три товарищества было в деревне, промысловый кооператив. И тут мне из деревни сообщают: у нас все объединяют в одно — колхоз. Скотину забирают в общие стойла, она там голодает. Я был тогда инструктором МК. Пошел к Молотову: я сегодня еду к себе домой распускать колхоз. Он говорит, ты глупостей не делай, я тебе запрещаю. Хотя я не был его подчиненным, пришел по старой дружбе. Но — поехал. Прибыл поздно вечером и объявил — собирайте собрание, буду рассказывать, как колхозы делать по-ленински. А тут еще и комиссия из райкома с третьим секретарем во главе. Ночь мы там, в деревенском клубе, всей деревней заседали. К утру скотину по дворам обратно повели. Ну а комиссия райкома на меня накинулась: в Москву напишем, как ты линию партии искажаешь, здесь все отменим, и тебя — под суд. Ну а в Рязани сходим с перрона, вместе ехали, а там мальчишка бегаёт, кричит: «Статья Сталина «Головокружение от успехов!» Третьего секретаря потом сняли. И наша деревня олять зажила по-человечески. Но только в 31-м году объявили сплошную коллективизацию. И тут уж ничего не поделаешь.

О РЕПРЕССИЯХ

— Когда Сталин одобрял те докладные записки, которые ему приносили из НКВД, он считал, что контрреволюция не искоренена, что все равно она существует. Вот пришел, предположим, Ежов к руководству НКВД. И первым делом подал списки, кого там почистить, в НКВД, начиная с Ягоды. Потом — кого почистить по военной линии. И третье — кого почистить вообще. Три списка. И с припиской — подлежат высшей мере наказания. Передал этот материал Кагановичу на просмотр, тот с ним согласился. Дал Молотову — тоже согласен. А Сталин только подписал.

Если, конечно, меня спросят, скажу: виноват человек — накажи. Но нельзя было применять как репре-

ссии высшую меру наказания. Я противник смертной казни. Хотя в бога не верю, но считаю, что, если не ты человеку жизнь дал, не тебе ее и отнимать. Жизнь — это единственная настоящая ценность у человека.

После смерти Ленина решался вопрос о том, чтобы отменить смертную казнь. А Дзержинский настаивал на том, чтобы ее сохранить и особое совещание организовать при НКВД. Горячий был человек, эмоциональный. Звоню я ему однажды, чтобы узнать, как он будет голосовать по какому-то вопросу. Он взял трубку и бросил. Я опять звоню. Он — не мешайте мне работать. Ну а у меня голосование Политбюро. Говорит, я не член Политбюро. Объясняю: «Одного из членов Политбюро нет, вам следует, как кандидату в члены, проголосовать». — «Я лучше вас знаю, где члены Политбюро. Не мешайте, у меня особое совещание заседает».

Ежова я знал. Он был назначен на НКВД с партийной работы. Его только назначили на НКВД, когда я просил, чтобы меня освободили от работы в их ведомстве, куда я попал случайно. «Суддотранс», где я заведовал кадрами, передали в НКВД, как практически и весь транспорт в те годы. А я отрицательно относился к их людям. После того как они несколько лет в органах поработают, лицо у них становится другое, иногда было противно смотреть. Некоторые из товарищей, с которыми я учился в Комвузе, оказались потом в НКВД на руководящей работе. Всех я их знал, они меня тоже, но я держался от них на расстоянии, общался только по служебным делам.

Я Ежову сказал, что отношусь отрицательно ко всему, что делают эти товарищи в органах. Они теперь возмнили, что они самые честные, самые ценные, самые, самые, самые... Он говорит, мол, да, разложение страшное в аппарате НКВД; нам, работникам партийного аппарата, работать очень сложно в старом окружении, я, как председатель комиссии по проверке деятельности Ягоды, вижу многое.

Ежов одобрил мой уход. Назначили меня на новое место — в Академию легкой промышленности имени Кагановича, замом ректора. А од-

новременно я подал заявление самому Кагановичу, как секретарю ЦК, чтобы меня куда-нибудь направили. Он наложил резолюцию — на строительство Дворца Советов. Ну я туда и пошел.

Арестовывали тогда. Я, чувствуя, что все это пахнет горячим, даже не шел жить в квартиру, которую мне давали у метро «Аэропорт», в доме с колоннами. А всех почти товарищей, которые там жили, потом арестовали. Вся беда в чем? Один не оговаривал другого, а другой оговаривал. Вот так у меня 3 брата «туда» попали. Всех я их вытащил! — писал Молотову и Кагановичу.

ТОВАРИЩ КАГАНОВИЧ

— Каганович — большой человек. Это он создал систему продвижения, подготовки партийных кадров. Организовал учет и контроль. Был очень самостоятельным — всегда сам вопросы ставил и докладывал, не ждал, кто как выступит.

С юности он стремился освоить как следует русскую грамоту, русскую литературу. Он же заканчивал «хедер». Остальное — самообразование, самовоспитание. В тяжелой промышленности столько выдвинул отличных специалистов!

Недавно показывал ему фотографию, где мы с ним в поездке по Уралу с активом тамошней тяжелой промышленности, 1923 год. Он посмотрел, вздохнул и говорит: «Да, какие люди погибли...» А как он мог противостоять? Время такое было, что многие друг друга пытались оговорить. Конечно, без согласия наркома (а он после Орджоникидзе снова стал Наркомтяжпромом) не арестовывали. Но как он мог остановить?

А еще я ему часто говорил: «Ну как ты, Лазарь Моисеевич, Хрущева выдвинул, такого балабола, несерьезного человека?» Он мне в конце концов ответил: «Да что ты с Хрущевым, вон сколько тысяч я хороших людей выдвинул!»

Я их всех люблю — Молотова, Сталина, Кагановича. Ошибались все. Что поделаешь...

Записал Игорь КИНДАТС

НЕ СОТВОРИ КУМИРА

Нина Тумаркина, профессор русской и советской истории, работает в русском исследовательском центре Гарвард-

ского университета (США). Ее научные работы связаны с проблемами политических культов советского периода.

Наш корреспондент встретилась с Тумаркиной во время ее недавнего приезда в Москву.

— На ваш взгляд, чем опасен культ политика и системы?

— Любой культ имеет две стороны. Всем людям необходимы мифы, им нужно во что-то верить. Не случайно слепая вера — основа религии. В том, что в христианстве существует культ Христа, нет ничего негативного. Но всякий культ становится опасным, если реальность подменяется иллюзорными понятиями. Например, в России в XIX веке возникла тенденция некритично, я бы сказала «чересчур», воспринимать многие идеи Запада. Часть российской интеллигенции взяла на вооружение идеи марксизма и обожествила их. Постепенно от культа идей перешли к культу личностей — самих носителей этих идей. В своей книге «Ленин жив» я анализирую процесс организованного увековечивания памяти человека еще при его жизни. Лозунг «Ленин и теперь живее всех живых!» был опасен тем, что идеи партии, которые отождествлялись с этим человеком, становились выше интересов и жизни людей.

— С культурами политических вождей и партий у себя в стране мы более или менее разобрались. Мне известно, что сейчас вы пишете книгу «Россия вспоминает свою войну», в которой исследуете «миф» Великой Отечественной войны. Для нас это звучит кощунственно, ведь для русских все, что связано с войной, свято.

— После войны народ вполне естественно хотел хотя бы немного о ней забыть. Это было на руку Сталину — он боялся инициативных, уверенных в себе людей, прошедших огонь и воду и краем глаза увидевших западный мир. К тому же он помнил «последствие» предыдущей Отечественной войны — декабристское восстание.

1967 год. Выставка конкурсных проектов памятника В. И. Ленину в Кремле.

Начало отсчета культа войны приходится на правление Брежнев. Можно назвать даже точную дату — 8 мая 1967 года. В этот день из Ленинграда на броневике был доставлен Вечный огонь с Марсова поля и Брежнев собственноручно зажег факел на могиле Неизвестного солдата. При этом он произнес речь о преемственности подвига солдат революции и Великой Отечественной войны. Зажжение факела — это культовый обряд, такой же, как возведение Мавзолея на Красной площади.

В каждом культе, религии разработана своя версия сотворения мира. Например, после Великой революции Франция начала жить по новому календарю. В СССР мифы о Ленине, партии и Великой Отечественной войне постепенно завязывались в один узел, образуя советскую историю.

— Зачем понадобилось Брежневу насаждать культ войны?

— Во-первых, ему надо было возвысить свою роль в войне, не случайно очень скоро появляется книга «Малая земля». Во-вторых, ленинский миф навяз в зубах, необходим был какой-то новый источник легитимизации партии и системы. К тому же каждый культ должен иметь живых свидетелей, способных поддерживать и пропагандировать его, а ленинская гвардия практически вся уже ушла в небытие.

— Как культ войны сказывается на изучении истории, на жизни и создании общества?

— Сам девиз памяти о войне — слова Ольги Берггольц: «Никто не забыт, ничто не забыто» — не отражает действительности. Так много было забыто! Советско-германский пакт о ненападении, чистка армии в 1937 — 39 гг., унесшая 50 тысяч офицеров армии и флота, сталинские репрессии, уничтожение польских офицеров в Катыни, судьба советских военнопленных, попавших из нацистских концлагерей в сталинские ямы за измену Родине, и многое, многое другое.

Долго говорили, что советский народ спас весь мир, приняв и замалчивая при этом роль других народов. Сюжет этого мифа задним числом строился на легенде мессианства. Дескать, сплошная коллективизация и быстрая индустриализация под эгидой пятилетних планов подготовили нашу страну к войне, и, несмотря на мощную и внезапную атаку фашистов, гибель мил-

лионов людей за правое дело, поднялся народ, сплоченный коммунистической партией, возглавляемой Сталиным, и прогнал врага с нашей территории и из Восточной Европы. Этот миф партаппарат, правительство постоянно выставляли как свидетельство того, что страна с ее социалистической системой и идеологией занимает уникальное передовое место в мировой истории. Это помогало поддерживать внутри народа уважение к вооруженным силам даже в период аморальной войны в Афганистане, оправдывать многие ошибки во внешней политике. К тому же данный культ создавал образ советского народа-победителя, служившего противовесом нарастающему напряжению на национальных окраинах.

Трагедия целого поколения использовалась советскими идеологами для воспитания людей в духе коммунистической морали и милитаризма. Спекулируя на подвиге людей, партия укрепляла свой авторитет. Приписывая себе военные победы, она забрала и трудовые. Закономерно, что вслед за «Малой землей» появились «Возрождение» и «Целина».

Добавлю, что культ войны возводил стены между поколениями, нарушая нормальные человеческие отношения. Так возник класс «ветеранов по профессии», чья обязанностью было излагать младшим поколениям официальную версию событий.

— Жив ли культ войны до сих пор в стране?

— Он по-прежнему поддерживается в армии. Недавно я была в Доме Советской Армии, где выступал Язов и другие военные деятели. Они в один голос отстаивали прежние позиции и призывали быть готовыми к возможной новой войне.

Однако в целом в обществе, как точно подметил историк Михаил Гелфтер, понимание войны сегодня трансформируется от героического фарса в ту трагедию, которой она была на самом деле. Ветры гласности и перестройки разрушили комбинацию из жалости к самим себе и преувеличенного самовосхваления, которое на протяжении столь долгого времени характеризовало официальную версию войны. Отношение к войне изменилось, теперь всплывают не только ее парадные, но и неприглядные стороны. На мой взгляд, возрождение настоящей памяти о войне свидетельствует о ду-

ховном выздоровлении общества.

— Однако сейчас у нас, похоже, намечился новый культ — демократии. Хотя настоящей демократии мы еще и не нюхали...

— Это действительно наблюдается, как пять лет назад был замечен культ перестройки. Конечно, было бы лучше, если бы люди имели четкое понимание о демократии, но коли этого нет, то пусть на какое-то время оно останется на уровне культа. Главное, чтобы это давало людям надежду и силу для строительства новой страны. Но не дай Бог, чтобы на нем не начали новую спекуляцию, как это произошло с культом Ленина и войны.

Мифы демократии и перестройки — это нормальное явление. Хотя порой мы слишком много внимания обращаем на их внешнюю сторону. Недавно я говорила с коренным ленинградцем, который голосовал против переименования города. Он считает, что возвращение старого названия Ленинграду не изменит сути происходящих процессов, а лишь породит новую альтернативную мифологию.

— Не грозит ли нам очередной культ чьей-то личности?

— Русские люди вообще культовые по своей природе, воспитанию. Скажем, православие — это в основном культ святых. Было неизбежно, что после смерти Высоцкого и Сахарова возникли их культы, в самом высоком, чистом смысле этого слова.

Всякое революционное преобразование, а демократию в Советском Союзе можно считать таковой, порождает предмет поклонения. Так было и в Америке. Не могу представить нашу историю без почитания Вашингтона, Линкольна и Кеннеди. Конечно, если культ Ельцина породит диктатора, это будет ужасно. Но трудно вообразить подобное. Потому что Борис Ельцин не новый «отец народов», а реальный политик.

**Вопросы задавала
Елена ДИКУН.**

Александр МИНКИН

Правый полузащитник

Береги честь смолоду

Узнав, что Мих. Роцин написал обо мне заметку «ГАМЛЕТ — ЗАНАВЕС — ПОЛОНИЙ» («Столица», № 28), я обрадовался. Прочел — огорчился. Объясню по порядку.

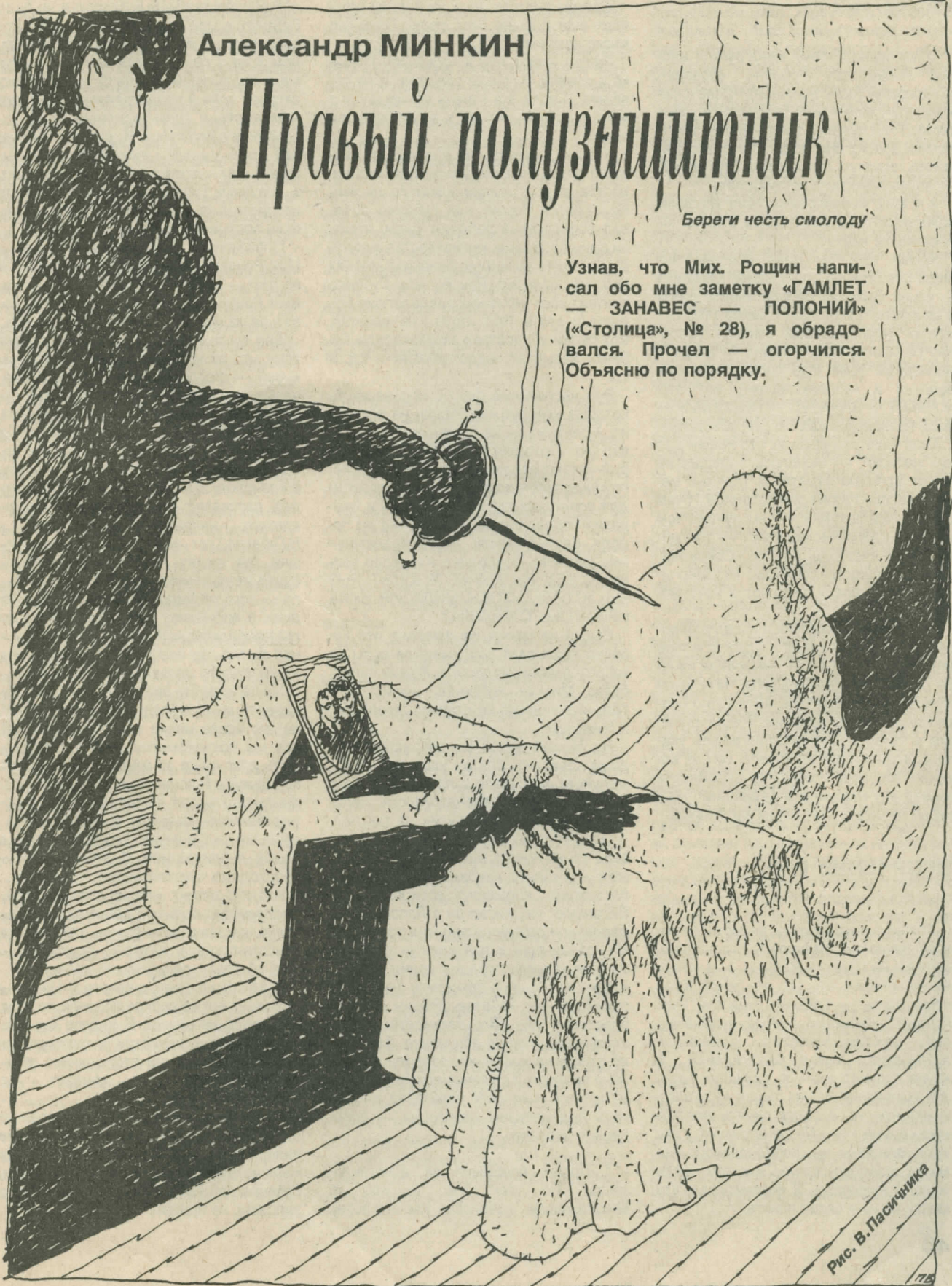

Рис. В. Пасичника

РАДОСТЬ I

В последнее время меня ругали многие: «Советская Россия», «Правда», «Гласность» (полозковская), «Советская культура», еще какие-то газеты и даже журнал «На боевом посту» (орган Внутренних войск). Это приятно. Но, к сожалению, заметки откровенно глуповатые — пользы от такой критики нету.

А у Мих. Рощина репутация хорошая: известный писатель, тонкий стилист — плохому не научит.

Кроме того, он меня обессмертил. Ведь Мих. Роцин — классик. Классика — вечна. Выходит, он взял меня с собой в вечность. Представьте: через 1000 лет кто-то русскоязычный откроет собрание сочинений Мих. Рощина — а там, в последнем томе (где письма, записки, заметки и «коллективное»), вот это: «ГАМЛЕТ — ЗАНАВЕС — ПОЛОНИЙ» — эссе, написанное как бы для «Столицы».

Если читатели решили, что Роцин для них написал, — ошиблись. Классик не пишет бранные заметки в тленные места. Классик творит для потомков. И чем отдаленней потомки — тем лучше. Чем древнее классический текст — тем доверчивей читатель-потомок. Современники досадно придирчивы, недоверчивы, лезут в драку, укоряют в неточностях.

Что Роцин — классик и писал для потомков, подтверждает и дата в конце его эссе: 05 — 16.06.91. Чин-чином: начало работы — конец работы. Читателям «Столицы», согласитесь, абсолютно безразлично — во вторник Роцин писал или в четверг. Это для биографов указано, для составителей собр. соч. И, конечно, это эссе. Роцин из скромности назвал его «письмом в редакцию», но у писем не бывает красивых заголовков.

ОГОРЧЕНИЕ I

Только я начал читать, радость (по поводу вечности) сменилась огорчением. Если бы не подпись Рощина — в жизни бы не поверил, что это его текст. Куда исчез стиль — главная гордость Мих. Рощина? «Пишу по поводу напечатанной... опустим качество... означенная публикация... малое рассуждение... в конце подумал...» — не слишком удачные выражения. Роцин пишет: «Даже могу сказать, что в силах понять: потребности армии, как у Петра Великого, у нас тоже помогали до определенного момента развитию страны, и в том числе науки и культуры». Я перечитываю эту фразу, но не в силах понять.

Содержание роцинского письма огорчает еще больше, чем стиль. Слишком много натяжек.

Роцин пишет, что я «обвиняю» Губенко в измене. Я горько сожалею, а не обвиняю. И если эта горечь не читается в моей статье — значит, я ее плохо написал.

Рощину кажется, что я ничего не сказал о делах Губенко, лишь «обвинил министра в подписании каких-то писем». Не заметил Роцин, как Губенко объявил воскресенье рабочим днем, чтобы ни один сотрудник министерства культуры не пошел на митинг демократических сил. Не заметил Роцин, что Губенко считает всех уехавших предателями Родины (и это в 1991 году!); не заметил, что пытки и расстрел Мейерхольда Губенко называет «недооценкой» и т.д. и т.п.

Все неприятные факты, опровергнуть которые невозможно, Роцин не замечает. А заметив — не понимает. Я цитировал (по «Правде») слова Губенко, который «резко осудил факты политического вандализма по отношению к дорогим для советских людей символам» и «выразил справедливое недоумение по поводу безучастности правоохранительных органов». После чего я и задал вопрос: С КЕМ ВЫ, МИНИСТР КУЛЬТУРЫ? ВЫ ХОТИТЕ, ЧТОБЫ МИЛИЦИЯ БИЛА ИЛИ ЧТОБЫ СТРЕЛЯЛА?

Роцин не понял. Не заметил, что Губенко призывает вооруженные силы на защиту дорогих истуканов. Роцин пишет, будто Минкин «обвиняет министра в том, что министр не ответил лично ему, А.Минкину».

Ну, Миша*, какой вы непонятливый; даже совестно. Или вы нарочно? И, пожалуйста, не будьте в претензии, что я говорю о вашей непонятливости. Непонятливый лучше, чем жулик, не так ли?

Один только раз Мих. Роцин позволил себе точно понять мой текст. Роцин пишет: «Н.Губенко инкриминируется даже поощрение кровавого воскресенья в Вильнюсе: «подписал он с Язовым, Бондаревым и другими идейными товарищами «обращение к президенту» с требованием навести порядок всеми средствами». Как быть? похвалить нельзя, а осуждать не хочется. Роцин делает блестящий ход: «Это, разумеется, самое злое и нештучное обвинение. Впрочем, об этом уже довольно говорили и писали, я не буду». Ход классический. Карьера многих советских писателей сложилась под девизом «промолчи — попадешь в первачи».

* Прошу прощения за фамильярность, но так уж у нас с Мих.Рощиным повелось (см. его эссе).

Рощина все время возмущают не дела Губенко, а мой тон. И хотя в начале Роцин говорит: «Не будем о сверх-развязном тоне и разудалости автора», но тут же, в следующем абзаце (!): «этот нюанс, оттенок тона и предвставляет мне уже переходящим грань приличий и пахнущий оскорбительно». И далее: «именно сей стиль у меня и вызывает гнев». Выходит, мои «оттенки тона» плохо пахнут, а поступки Губенко благоухают. Какое избирательное обоняние. Точно по русской поговорке «свое не пахнет».

Оправдать высказывания Губенко Мих. Роцин не пытается. Обвинить меня во лжи — не может. Сочувствую и понимаю: Рощину ничего не остается, как гнаться на нюансы тона и читать мораль.

Две трети своего эссе Роцин уделяет тому, что он называет «главным обвинением», — фотокарточке супругов Горбачевых, коя стоит на столе министра Губенко. На мой взгляд, это не обвинение, а любопытный и весьма характерный штрих. Но — почитаем Рощина. Он пишет о моем визите к министру: «Начнем с кое-каких этических моментов, о которых рассказал сам журналист: как он пришел, например, в кабинет к Н.Губенко, тот его хорошо принял (Роцин так пишет, что можно подумать, будто меня чем-то угощали. Чего не было — того не было. — А.М.), долго говорили, а журналист тем временем шарил глазами вокруг...» И далее: «подсмотренная фотка... ну все рассмотрено до тонкости, просто нельзя в дом пускать!»

Миша, давайте серьезно. Хотя вы и называете меня молодым (что мне приятно), но через месяц исполнится 45 лет, как мы познакомились. Не будем держать друг друга за мальчиков. Я на вас не сержусь. Я понимаю, как за долгие годы писательства вы привыкли к художественному вымыслу и уклонению от реальности. Понимаю, как трудно вам в жанре публицистики. И, тем не менее, необходимо чувство меры.

Что это значит: «шарил глазами... подсмотренная... нельзя в дом пускать»? Вы, Миша, не замечаете разве, что рисуете сексота-стукача, который прокрался в дом, обшарил, подсмотрел, донес?

Я, Миша, не шпик, в квартиру Николая Николаевича не прокрадывался, по ящикам стола не шарил. Я, видите ли, пришел в офис к министру, и фотография четы Горбачевых на столе прямо перед мной стояла, а я — виноват — не зажурился.

И друзьями мы с Губенко никогда не были, никогда не откровенничали, не пили, не ели. Это был визит журналиста к министру. И держать сей визит в тайне Губенко не просил. Так что никого я не заложил, не продал.

Фото Горбачевых стоит открыто, Губенко его ни от кого не прячет и криминалом (в отличие от вас, Миша) не считает. Но характерно: многие читатели моей статьи о Губенко, не сомневаясь в остальных фактах, говорили мне: «Признайся, что ты выдумал эту фотку!» — «Да зачем мне выдумывать?» — «Врешь! Не может быть, чтоб у Губенко...» Эта реакция чрезвычайно интересна. Советские интеллигенты смирились с портретами вождей на стенах кабинетов, но испытывать интимное чувство к начальству и теперь считают предосудительным.

Вы, Миша, пишете: «Среди тысяч великих наград (великих так много не бывает. — А.М.) есть одна, которую нельзя ни дать, ни отнять, ни скомпрометировать (так — А.М.) случайным действием или словом. Она выше орденов, постов, чинов и званий. Эта награда — доброе имя. Она заслуживается долго и упорно, и держится крепко — не на лацкане, не на бумаге, не на лбу, не на спине (а какие награды на лбу и на спине? разве что каторжное клеймо? — А.М.), чаще всего просто изустно».

Это рассуждение — несмотря на несколько избыточную высокопарность — правда. Особенно насчет «заслуживается долго и упорно». Но что касается «держится крепко» — тут, увы, ошибка. В том-то и трагедия многих, что честь теряется в один миг.

Один опрометчивый (всего лишь опрометчивый) поступок, и — честь потеряна. Это справедливо и для юной девушки, и для взрослого порядочного человека. Отмыться почти невозможно, даже если замарал себя «случайным действием».

Однако высказывания и поступки Губенко слишком хорошо укладываются в систему и случайными никак не выглядят. Я готов был бы допустить, что поляков он обхамил неумышленно, если бы в тех же тонах Губенко не говорил о прибалтах.

Вы, Миша, находите для защиты Губенко всего один, очень чувственный, но, увы, не слишком убедительный аргумент. Вы пишете: «Я, человек, много лет знающий Н.Губенко, находящийся с ним в дружеских отношениях...» И далее: «стать на защиту товарища», и далее «я выступаю в защиту доброго имени Николая Губенко, художника, артиста, режиссера, человека и моего товарища». И так — трижды о друзьях-товарищах. Очевидно, других аргументов нет. Но и этот, не обижайтесь, слабават.

Вы писали, что я «обоср...» Губенко. Разве я? Увы, он сам себя обмарал. И делает это регулярно. А что это не случайно — доказывает последний факт:

Губенко вступил в общественный совет «Гласности» — газеты, которую брезгают читать даже многие коммунисты.

Разве Губенко не знает биографию, репутацию и идеи Полозкова? Стать членом полозковского органа — это ведь не в бреду делается и не по пьянке. Это поступок серьезный, обдуманный. И вам, Миша, как другу министра, я решаю поставить в пример дамочку из американской пьески. Эта дама раз в году встречается с любовником; и вот они оба уже разделись, когда она вдруг узнала, за кого голосовал любимый. Она судорожно натягивает колготки и орет: — Неужели ты думаешь, что я лягу в постель с таким мерзавцем, который голосовал за Голдуотера?!!

ОГОРЧЕНИЕ II

Искреннее уважение к писателю Михаилу Роцину заставило меня усомниться: неужели все так просто, как кажется?

Перечитал я «ГАМЛЕТ — ЗАНАВЕС — ПОЛОНИЙ» и — огорчился еще больше.

Зачем Роцин вообще это написал? И что именно он написал? И кому?

Меня за статью о Губенко уже отругали несколько партийных (КПСС) газет. Причем совершенно в тех же выражениях, что и Роцин, и с теми же передергиваниями.

Дата — 05—16.06.91., — поставленная классиком под эссе, дает информацию не только для будущих биографов. Пригодится и нам. Моя статья вышла в марте. Роцин отвечает в июне. Чего разгневанного Роцин ждал два месяца?

И почему писал 12 дней? За 12 дней можно, кажется, написать лучше. Разгневанные пишут ярко и быстро. 12 дней — это не писать, это — вымучивать. (Так, вероятно, бывает, когда заказ неприятный, а отказаться нельзя.) Бедный текст не спасают «красивые места» про драгоценный сундук с гнильем (наша Родина), доставшийся «в наследство Горбачеву».

Про «фотку» все партийные защитники министра написали одно и то же: прокрадлся, подсмотрел, собрал компромат. Зачем Роцин приятно партийному хору? Для меня? Мог бы позвонить или написать частное письмо. Для читателей? Но они уже читали в пяти газетах. Дня Губенко? Возможно. Но вряд ли министру будет приятно читать, что его «обоср...», хоть и пишет это друг и товарищ и, разумеется, из лучших побуждений. Защита друга — вещь хорошая, похвальная, но ведь его уже защитили, — выходит, лишний раз треплешь его имя, бередишь раны.

Должен же быть какой-то смысл в поступке Роцина. Ради чего он вдруг оказался в такой сомнительной компании: «Правда» + «Гласность» + «Сов. культура» + «На боевом посту» + Мих. Роцин? Устал от одиночества?

Не сомневаюсь в искренности, но, к сожалению, гнев Роцина выглядит не натурально. Вялый гнев, с датами начала и конца гнева.

Роцин выступает «в защиту доброго имени Николая Губенко, художника, артиста, режиссера». А 1 июня в «Сов. культуре» другой защитник уже писал: «За что все это? Какого ребенка зарезал замечательный русский актер и режиссер Николай Губенко?»

Обоим защитникам скажу: успокойтесь, не трогал я ни художника, ни артиста, ни режиссера Николая Губенко. Я писал о политической физиономии министра.

Но есть небольшое, однако существенное различие в этих защитах: «какого ребенка зарезал замечательный русский...» Вот, Миша, в каком хоре вы поете. Не стыдно? Мы же не дети — понимаем: левого атакует правый, художника — бездарь, русского — ... Помните, Миша, вошедшую в историю советской литературы угрозу Мандельштаму: «Мы ему покажем, как бить русских писателей!»

Далее в «Сов.культуре» следует: «Если перевести на нормальный литературный язык — страшная вина Губенко заключается в том, что в нынешней политической ситуации позиция Горбачева ему ближе позиции Ельцина или Попова (которую отстаивает Минкин). В результате такого разделения Губенко вошел в горбачевскую «команду» министром культуры, а Минкин — в поповскую — журнальным обозревателем».

Автор «Сов.культуры» сильно заблуждается, если считает, что свои подлости он сочиняет на «нормальном литературном языке». Кроме того, ни в ельцинскую, ни в поповскую команды я никогда не входил, ни единого слова в их пользу не написал, а наоборот бывало, и не раз. Так что мое вхождение в чьи-то команды — ложь, рассказанная на тех, кто всю информацию черпает в «Советской культуре». Бог с ними.

Но вот что пишет Роцин — признанный специалист в литературном языке. «Его статья (моя о Губенко. — А.М.) плывет в потоке всей сегодняшней «ругачки» Горбачева, и Губенко лишь повод, дело не в нем, а в тех, кто на злополучной фотке. И тут вполне уместно, мне кажется, задать вопрос: с кем вы, А.Минкин? И кто? Зачем же при такой отгадке прозвать столь яростной шпайгой сначала занавес, как в «Гамлете», а потом уж Полония?»

Рощин, бесспорно, мастер. Какое очаровательное словцо нашел «ругачка». Деликатный вы, Миша, очень. Но, уверяю вас, критика Горбачева за Вильнюс, за преступления ОМОНа в Прибалтике и Закавказье, за многое другое — это не «ругачка», а нечто более серьезное.

Почитайте, Миша (если, конечно, еще не читали), откровенно подлую заметку в «Сов.культуре», опубликованную за неделю до того, как вы начали гневаться. Вы удивитесь, как много там совпадений с вашим запоздалым письмом. А главное — и «Сов.культура», и вы, Миша, настойчиво повторяете, что Губенко лишь повод, лишь ширма для атаки на Горбачева. Вы ведь не удержались на красивой ассоциации «ГАМЛЕТ — ЗАНАВЕС — ПОЛОНИЙ» и в конце своего эссе еще раз нажали: «Понимаю, что хочет сказать АМинкин: мол, Президента, Президент!»

Нет, Миша, вы не понимаете. Вы пытаетесь в душах читать, но я не ваш персонаж. Дело в том, что когда я критикую президента — я критикую президента. Без всяких уловок и ширм. Вам трудно в это поверить, но это потому, что вы слишком привыкли к иному стилю.

Критика — это моя работа. И храбрости никакой не требуется, поскольку это почти совершенно безопасно.

Вы, Миша, так сильно меня подозреваете в замаскированной атаке на Горбачева (даже не подозреваете, а уверены), что невольно рождается мысль, будто вы судите по себе. И тогда ваше эссе перестает быть загадкой. Оно не мне и не читателям «Столицы». Оно — Горбачеву с изъятиями преданности. Под видом защиты министра.

Получается, что вы, Миша, использовали наш журнал как книгу в прихожей его высокопревосходительства, где мелкие чины, не входящие в свиту, расписываются в лучших чувствах к начальству.

Надеюсь, что это не так. Надеюсь, Рощин все оплошности совершил неумышленно. Это с непривычки. Рощину в новинку писать письма в защиту. Зато начал он свою защитную деятельность не с каких-то эзков, а сразу с министра и президента.

Но если все же моя догадка верна — тогда грустно.

Ваши пьесы почти забыты. Мои статьи забудут завтра (но вы хотя бы останетесь в библиотеках — твердый переплет).

Журналист не рассчитывает на вечность. Вам, верившим, будто пишете нетленки, гораздо труднее смириться с тем, что поезд ушел.

Вы ищете виноватых. Вы пишете: «Идет такая ревизия 60-х, обвинение

шестидесятников в конформизме тогда и в конформизме теперь. Кто не сидел, кто не уехал, кто не попал в психушку или еще куда, тот тоже почти предатель. Готов повториться и снова защищать свое поколение, себя, своих товарищей от глупых и несправедливых обвинений. Все приличные люди в тяжелейших условиях «зажима» по возможности честно делали свое дело».

Это правда. Но что значит «по возможности честно»? Салтыков-Щедрин называл такую честность «применительно к подлости». Зачем вы, в то время успешно издаваемый прозаик и один из самых репертуарных драматургов, пишете про тяжелейшие условия «зажима»? Ведь не случайно же берете «зажим» в кавычки. Вам еще повезло. Вы сумели написать и опубликовать хорошие книги. Вас любили, читали, ходили в театр «на Рощина».

«Честность по возможности» — вещь беспредельно растяжимая. Ведь каждый свои возможности понимает по-своему. Да, сегодня шестидесятникам не нравятся те, которые сидели в лагерях или в психушках. Не нравятся именно потому, что их честность отличается от «по возможности».

Но зачем крайности? Лагерь слишком страшен, чтобы соваться туда, и уж тем более — попрекать кого-то, что не сунулся. Но были и более безопасные

формы протеста. Скажем, выход из Союза писателей — организации, вытворявшей дикие штуки, о которых вы знаете больше, чем я. Вот если бы никто не вышел из СП — тогда хорошо, душевный комфорт, все одинаковые «по возможности». Но даже один демонстративно покинувший СП СССР невольно оскорблял остальных, чья честность по возможности не дотягивалась до поступка...

Не стоит защищать шестидесятников. Никто их не трогает — прекрасно живут, стоят у рулей.

Можно гадать — временно или навсегда ушел поезд «по возможности честных». Но кто виноват, что так много талантливых людей попали в эпоху, когда им оставалось или лгать, или прикидываться, будто не видишь «фотку» режима. Не надо оправдываться — никто вас не винит. Но и вы будьте мужественнее — не ищите врагов и вредителей.

Я надеюсь, рано или поздно Николай Губенко поймет, что с ним произошло, и перестанет быть министром. Если художник — перестанет. Он, вероятно, никогда не простит мне моих действительно излишне грубых и оскорбительных статей. Но ваш хор, исполняющий «одобрямс!», он не поблагодарит.

В конце эссе приводится из «Золотого теленка» длинная цитата про сумасшедший дом, где Кай Юлий Старохамский все время кричит: «И ты, Брут, проданся

Минкин.

Читал статью Вашу о Н.Губенко в журнале № 13 «Столица».

Выпес из этой статьи следующее

1. Министр культуры у нас один, в Миякиных-Шмышкиных хоть пруд пруди.

2. Н.Губенко занимает по праву свой высокий пост, а Вы всего лишь рядовой корреспондент журнала. Замечу Вам, что Н.Губенко еще и превосходный артист и режиссер столичного склада, а Вас когда попрут из журнала (а когданибудь попрут) то не известно где и кем будите работать. До этого случая Вы как то пролезли к министру, а теперь этот номер не пройдет.

3. Это надо же дойти до такой провинциальности, до такого дурного поведения, до такого хамства, что подсматривать, что стоит на столе министра.

4. Учитесь жить хорошо, не будте копожурщиком, не лежите сапоги временным начальникам Моссовета, вспомните Антона Павловича Чехова «Придет новый помещик, владелец вишневого сада»...

Лосиков Николай Александрович
6.06.91. Киев.

Публикуя письмо читателя, мы с восхищением отмечаем, насколько полно голос народа совпадает иногда с речью изысканных писателей. Разница только в уровне грамотности.

большевикам!» Роцин цитирует: «Кай Юлий Старохамский пошел в сумасшедший дом по высоким идейным соображениям. В Советской России, говорил он, дралируясь в одеяло, сумасшедший дом — это единственное место, где может жить нормальный человек. Все остальное — сверхбедлам. Нет, с большевиками я жить не могу. Уж лучше поживу здесь, рядом с обыкновенными сумасшедшими. Эти, по крайней мере, не строят социализма... Здесь, наконец, у меня есть личная свобода. Свобода совести. Свобода слова».

Роцину кажется, что эта цитата — издевательство надо мной. Но зачем же так плоско читать классиков? Зачем так легко забывать тех, кто действительно шел в сумасшедший дом из высоких идейных соображений, вместо того чтобы по возможности строить социализм?

Эссе Роцина кончается словами «надеюсь быть опубликованным». Надежда

сбылась. Из уважения к вашей репутации — опубликовали. Меня вы не обидели, Губенко не защитили, но я огорчен. Немножко совестно за вас. Но поскольку репутация ваша — вам и решать: портить ли ее и ради чего.

РАДОСТЬ II

На прощание я хочу сказать спасибо Михаилу Роцину. Точнее — его подсознанию. Я очень горжусь той оценкой, которую — пусть бессознательно, но зато абсолютно искренне — дал мне уважаемый писатель.

И название роцинского эссе «ГАМЛЕТ — ЗАНАВЕС — ПОЛОНИЙ», и центральный пассаж, расшифровывающий это название («С кем вы, А.Минкин? И кто? Зачем же при такой отваге пронзать столь яростной шпагой сначала занавес,

как в «Гамлете», а потом уж Полония?»), — все свидетельствует об одном: Роцин чисто риторически спрашивает «кто вы, Минкин?». На самом деле ответ уже дан. Подсознательно Роцин считает меня Гамлетом — то есть героем. Губенко — тряпкой. А Горбачева — увы, Полонием — лицемерным министром.

Хотя следует заметить, Гамлет надеялся, что за тряпкой стоит Клавдий, преступный король-узурпатор. Но подсознание Роцина не мне учить.

В этом замечательном роцинском пассаже есть и ответ на вопрос «с кем вы, Минкин?». Ответ прост: ни с кем. Гамлет — один. Партия есть у коварного Клавдия, партия есть у грубияна Лазерта. У Гамлета нет партии. Потому-то он и сумасшедший.

Написано 11.07.91.

(МЕЖДУ ЗАВТРАКОМ И УЖИНОМ)

РЕПЛИКА

АВТОБУС БЕЗ КОНДУКТОРА

Как ни считай, а живьем Московский кинофестиваль смотрели всего лишь тысячи москвичей. Остальные миллионы россиян наблюдали сей праздник духа из окна автобуса № 17.

Российское ТВ ежевечерне давало каждому зрителю возможность прокатиться 17-м маршрутом. И надо сказать, автобус у нас все еще дешевый.

Дешевый — это хорошо. Плохо, что водители автобуса вели себя, как таксисты. Ехали не туда, куда нам хочется, а туда, куда им надо.

Мы хотели в кино. Узнавать о новых фильмах, о знаменитых режиссерах, звездах экрана.

Не тут-то было. Наши проблемы не волнуют таксиста, даже если он за рулем автобуса с миллионами пассажиров. Пассажирам надо ехать, а таксисту надо заработать.

Вместо кино нас везут на биржу. Точнее — на банкет за счет биржи. И с дикцией, затрудненной икрой и сем-

гой, под звоны бокалов с коньяком и шампанским знакомят с хозяином биржи, накрывшим стол. И объясняют, что такое биржа. И с блеском в глазах сообщают, что одно брокерское место стоит 4.500.000. Согласен, биржа — интересно. Согласен, биржевик — симпатяга и широкая душа (миллион бухнул фестивалю на бедность). Но я в автобус садился, чтобы в кино.

Очередной вечер. 17-й автобус на Старой площади у парадного подъезда ЦК КПСС. Один из ведущих (Б.Берман) страстно и долго обличает коммунистов. Слушаю, зеваю, думаю: как же он от смелой политической речи к кино перейдет? А никак. Отбомбился храбрый Берман по Полозкову и без всякого перехода стал бранить французов.

Нехорошие французы устроили бал в кинотеатре «Мир». Наш 17-й автобус туда, а там ни шампанского, ни семги. Точнее, все это есть, но за деньги. Это облом.

Поднесли микрофон артисту Моргунову: как, мол, вам на балу? Сердитый Моргунов не скрыл: бал плохой, даже минеральной воды нету. Где-то в дальнем углу кадра звучала музыка и ловкие фигурки плясали и веселились. Но Моргунов — мужчина пожилой и весьма солидный — не вальсировать пришел. Большинство советских пришло поесть и выпить, откровенно рассчитывая на халю. Не предполагали, что придется платить. Сидят лодные, трезвые. Сердятся.

Сердитый Берман показал комнату: там стол накрыт, там икра, но... Сюда, сказал наш таксист обиженно, пускали только по приглашению французского посла.

В другой раз долго рассказывали, как кто-то из киночников вышел из партии: лучше темы для международного — раз в два года — фестиваля не найдешь.

А еще ресторатор сообщил, что в 1989-м гостей фестиваля кормили на 12 рублей в день, а теперь — на 70.

А еще ведущие пожаловались, что их не взяли на прогулочный пароход, куда других почему-то взяли.

Ведущие автобуса № 17 каждый вечер всему свету сообщали о своих претензиях, обидах, удачах.

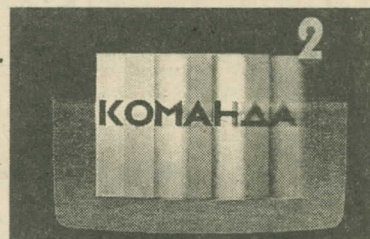
А еще... А еще... И все почему-то не про кино. Другой ведущий (Петр Шепотинник) косноязычно мучился, совершенно не зная, что сказать, и вдруг наткнулся на огромную толпу девушек. Полиция девушек сдерживала, а они теснились к двери, ожидая выхода знаменитого индийского актера.

Девушки ждали индуса, а вышел — Шепотинник. И стал девушек спрашивать: а кого вы ждете, а какие фильмы с ним видели?

И всем нам стало ясно, какой Шепотинник духовный и какие девушки — дурочки.

Но девушки (пусть со вкусом у них и не ахти) честно и наивно рвались к миру кино. Автобус № 17 проехал мимо.

Александр ТРЕПЛЕВ

Дневник И.

И КРЕСТЬЯНКИ ЛЮБИТЬ УМЕЮТ

«Небеса
обетованные»

«Мосфильм»,
реж. Э. Рязанов

При первых кадрах этого фильма зрителей потрясает вздох ужаса. К счастью, это не относится к сюжету, содержанию и тем более к характеру изображаемого. Просто режиссер старательно состарил и изуродовал своих традиционных (и традиционно любимых

двух американских фильмов разного достоинства. Начавшись, как фильм «Чертополох» (с Мерил Стрип и Джеком Николсоном в роли отбросов американского общества эпохи Великой депрессии), «Небеса обетованные» переплетаются с неприязательной фантастической комедией из жизни обитателей дома для престарелых — «Кокон». Если у первого из них можно поучиться отваге в изображении дна жизни (а чем перестройка наших дней отличается от Великой депрессии? — разве что перспективой), то у второго можно позаимствовать ход с

Фото В. Кречета

публикой) актеров, а они, в свою очередь, столь самоотверженно позволили ему это сделать, что выглядит это почти самоцелью. Через некоторое время, однако, понимаешь, что цель иная. Выражается она афоризмом типа «И крестьянки...» (см. заголовок) или «Человек — это звучит гордо». Впрочем, некоторая заезженность этих фраз ничуть не умаляет их общеприятного пафоса. Дело в другом. Разыгранный на фоне городской свалки, сдобренный перестроечными шутками и далеко идущими аллюзиями, сюжет фильма из жизни советских бомжей до странности напоминает причудливый коктейль из

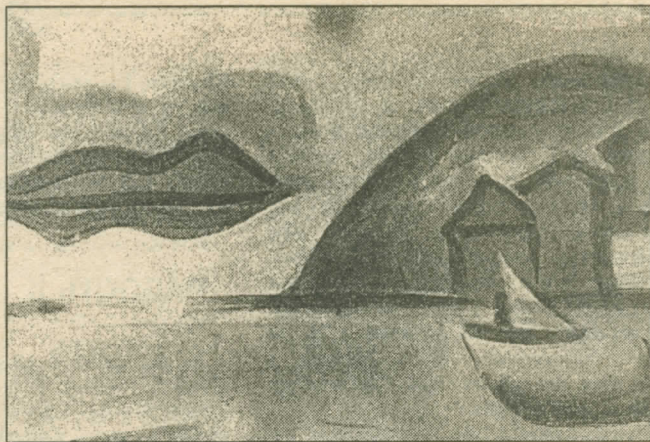
инопланетянами, которые прилетают и забирают старичков в лучшую жизнь на летающей тарелке. Что Эльдар Рязанов и делает, впрочем, явно будучи уверенным в оригинальности и того, и другого. Как говорят американцы, великие умы мыслят одинаково...

Елена ВЕСЕЛАЯ

ТОЛЬКО ХУДОЖНИК

Выставка работ Жака
Ихмальяна
Государственный музей
искусства народов
Востока

В культуре происходит невиданная запашка целинных и залежных

земель, художники всходят на этих землях центнерами с гектара, разглядывание одного отдельно взятого колоса представляется роскошью почти непозволительной. Тем паче, что Жак Ихмальян (1922—1978) пока не отнесен к классикам. Однако разглядеть стоит: когда подробности революционной биографии уроженца Стамбула, прошедшего последние 17 лет жизни в Москве, перестают быть веточками лавра, вплетаемыми в венок официального признания, остается только художник — с полыхающими мазками его картин, со строками его верлибров. Клоуны с исковерканными весельем лицами, анатолийские крестьяне в одеждах и позах, исполненных строгой чистоты, женщины красоты неопишущей и немислимой вне личного взгляда художника... Рисунок «возникает» из провалов и сшибок цветовых пятен — цветы в натюрмортах кажутся хрупкими и осязаемыми, а одинаковые у всех героев миндалевидные глаза льют неизбывный свет. Картины Ихмальяна не поддаются пересказу и не нуждаются в нем: сюжеты их просты и действуют на пространстве памяти одного-двух поколений, не буравя пласты архетипов и не забрасывая зондов в постиндустриальную вечность. В этом смысле помимо чисто живописных соответствий очевидна генетическая связь Ихмальяна со старшими гениями модернизма — Шагалом и Модильяни,

Пикассо и Матиссом: скоро новый синкретизм поглотит имена и манеры, и «штучные» художники будут выглядеть и цениться как ископаемые. Ихмальян — среди последних «только художников».

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

МОЖЕТ БЫТЬ, ТАК ЛУЧШЕ?

Украинская духовная
хоровая музыка

Пластинка ВТПО
«Мелодия»

В наше время, когда Библия продается в коммерческих магазинах рядом с презервативами и жевательной резинкой, когда православие пытаются сделать новой государственной политикой, почти все, связанное с религией, у нормального человека вызывает подозрение. Тем удивительнее и приятнее, если во тьме нового конъюнктурного мракобесия появляется нечто действительно духовное и достойное. В данном случае речь идет о пластинке с записями блестящих образцов украинской духовной музыки: произведениями Н. Леонтовича, К. Стеценко, А. Кошица. 1000-летие христианства на Руси подарило нам великолепную серию пластинок преимущественно русской православной музыки. Недавно вышли записи грузинских духовных

песнопений и литовской духовной музыки. Отечественная духовная культура вообще и музыка в частности только начинают нам сейчас открываться. И отнюдь не миллионными тиражами «Библии для детей» или омерзительными «Рождественскими встречами» в «Олимпийском» можно приобщить народ к этому богатству. Может быть, негромкий и, на первый взгляд, незаметный путь воспитания — лучше и в итоге результативнее? Диск, записанный украинской капеллой «Думка», — один из шагов по этому пути. Пластинка вышла в свет через два года после того, как была записана. Ходит

Фото Д. Преображенского

печальной веселостью шут, нервный, угловатый и надломленно-гибкий); если вы в силах радоваться смешным трюкам а-ля Леонид Гайдай и не искать в них высокого смысла — приходите в Учебный театр ГИТИСа на спектакль «Двенадцатая ночь» по одноименной комедии Шекспира.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

означенным режиссером было создано крупномасштабное полотно под названием «Битва трех королей». Во время съемок появлялись сообщения о многочисленных трудностях, с которыми сталкивался Бен Барка, работая в Союзе нерушимом. Это естественно — не может быть иностранца, которому здесь работалось бы легко. Естественна также помощь, за которой обратился Бен Барка к итальянцам и испанцам: появилась возможность пригласить в картину «звезд» и, в общем, сносно поставить многочисленные батальные сцены. Однако советская безалаберность в сочетании с западными «звездами», арабским колоритом, широким экраном и драматургической скороговоркой породила совершенно удивительный кинопродукт — исторический суперколосс, каковые были очень модны в Европе и Америке начала 60-х. Вот тогда бы и снять эту ленту! Как было бы хорошо! И Клаудиа Кардинале была бы гораздо моложе, и Фернандо Рей импозантнее! Правда, тогда совсем не было Веры Сотниковой, но это, думаю, можно было бы как-нибудь пережить.

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

ВПЕРЕД, В ПРОШЛОЕ!

«Битва трех королей»

СССР — Марокко — Италия — Испания, реж. С. Бен Барка и У. Назаров

Марокканскому режиссеру Сухейлю Бен Барке повезло больше, чем остальным его коллегам по мировому кинопроцессу. В се полнометражные фильмы мастера демонстрировались на экранах нашей необъятной Родины. Вселоглощающая любовь к даровитому марокканцу выразилась ныне в предоставлении ему материально-технической базы «Узбекфильма». На означенной базе

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей Гаврилов

ТВ обмануло!

«Хищник-2»

США, реж. С. Хопкинс

Не так давно родное ТВ им. тов. Кравченко объявило, что Арнольд Шварценеггер сдержал обещание, данное в конце фильма «Хищник» («Я вернусь»), и вот, наконец, на экранах мира появилась лента «Хищник-2». Теперь видеоманы в нашей стране могут наглядно убедиться, что ТВ их обмануло. В «Хищнике-2» Шварценеггер, увы, не снимался. Его место занял Дэнни Гловер («Дорогие сердцу места», «Смертельное оружие»). Действие картины отнесено в 1997 год, поэтому Гловер может не полагаться на свои мускулы, а вытащить из багажника автомашины нечто, напоминающее ядерную базу, и идти защищать человечество. Как и первый фильм, продолжение посмотреть, может быть, интересно, но к искусству это, конечно, не имеет ни малейшего отношения.

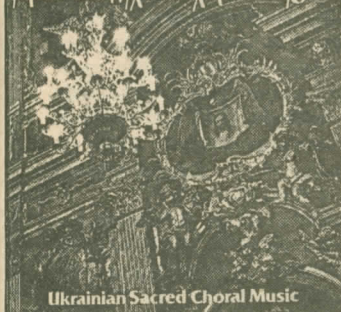
«Кошмарики» — лучше

«Зубастики-2»

США, реж. М. Гаррис

Зубастики — это небольшие, размером с теннисный мяч, мхнатые пришельцы с жуткими зубами. Чем-то они напоминают «кошмариков», которыми торгуют в Измайлове. «Зубастики» — это еще не лишенная остроумия лента пятилетней давности режиссера С. Херека. «Зубастики-2» — это полный кошмар. Не интересно, не смешно, не остроумно. Жалкое зрелище.

Українська духовна хорова музика

Ukrainian Sacred Choral Music

легенда, что однажды какую-то пластинку Сталина сделали за ночь. Если оперативность у нас достигается только так, то мы, конечно, лучше подождем. Хотя в цивилизованном мире во время фестивалей можно купить компакт-диск, записанный накануне...

А.Г.

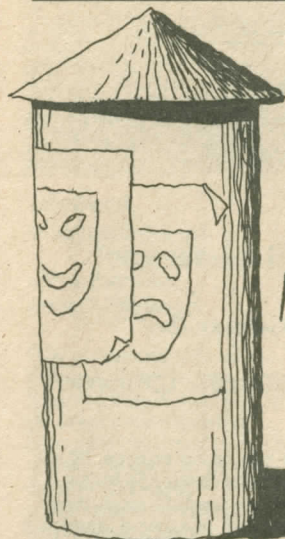
ЕСЛИ...

«Двенадцатая ночь»

Учебный театр ГИТИСа, реж. Е. Каменькович

Если вам нравятся песни Сергея Никитина, его неприятные мотивы, негромкая манера исполнения самодельных текстов; если вам по душе юношеский задор студенчества и не смущает ученичество; если открытия нового актерского имени вам достаточно, чтобы не считать потерянным вечер (Карен Бадалов — замечательный своей

Дневник И.

Александр СОКОЛЯНСКИЙ

ДОВЛЕЕТ ДНЕВИ...

*Заметки
профессионального
зрителя*

В БЕСПОРЯДКЕ

Заметки как жанр — уклонение от обязанностей обозревателя. Всегда заманчиво искать точку «кругового зрения», с которой открывается целостная панорама, живые связи и реальные пропорции. «Заметки» же — история неудачных восхождений к этой великолепной точке, рассказ о расщелинах и подступах к тупикам, о вынужденно острых и изменчивых углах зрения. Претендовать на доверие читателей здесь смешно. Читателям-то как раз хочется устойчивости и определенности. Сводки, рейтинги, таблицы о рангах в еще большей цене, чем обозрения: интересно знать, кто за кем стоит и кто первый. Нужны твердые ориентиры. Нужен порядок. Слова «порядок нужен» иронически закавычивались недолго.

Я побаиваюсь хаоса, но еще больше боюсь порядков, вырастающих из хаоса. Моя позиция, как сказано в подзаголовке, есть позиция профессионального зрителя.

«Жизнь искусства» и «судьба искусства» оказались в этом сезоне вещами принципиально разными. Люди театра со свойственной им эмоциональностью надсаживались в гражданской, экономической, реорганизационной работе — делали заявления, писали статьи, вели интриги. Но само искусство от выборов этого уровня уклонилось и предпочитало обживать беспорядок — вот важная черта сезона.

НЕСАМОЦЕННОЕ ВРЕМЯ

Ни одной сколько-нибудь любопытной премьеры «про нашу жизнь»: это говорит само за себя.

Ни бытовых историй, ни притч, ни (какое счастье!) публицистических драм. Рукопашествовать с реальностью театру более не вмоготу, да и рассказывать нечего. В предыдущие сезоны варьировались более или менее жгучие сопряжения нынешних проблем с чужими временами (если угодно, антисталинская драматургия стала «эзоповым языком» второй половины 80-х: мы говорим «Сталин», подразумеваем — «партия»), сама по себе перестроечно-кризисная действительность оказалась совершенно неинтересна для театрального осмысления, безвдохновенна.

Кино было куда внимательней к конъюнктуре: хороший фильм А. Сокурова «Пример интонации» уточнил разницу между видами искусства «Школа для эмигрантов»

куство, поскольку отношения между «натуральным» и «специально сделанным» в кадре всегда более гибки, нежели на сцене. Театр не может работать с реальностью, не запрограммировав предварительно угол ее преломления. А несамоценное время — что с ним делать?

Тени современников промелькнули в трех постановках, заслуживающих упоминания. В ленкомовской «Школе для эмигрантов», где набивший оскомину быт оказывался прелюдией к пузыристой экзотике: смешливой, нарочито неправдоподобной и несколько претенциозной. В «Археологии», добросовестно-неудачном мхатовском (который им. Чехова) спектакле по пьесе А. Шипенко: режиссер так увлекся странными героями, так усердно их

Фото Г. Несмачного

«вживлял» в реальность, что совершенно забыл о словах, из которых герои сделаны, так что уайльдковский привкус текста выветрился совершенно. Наконец, в мрачноватых и монотонных драматургических прелюдах Е.Козловского в Театростудии на Спартаковской: постановке сознательно резкой, взвинченно ернической, очень агрессивной и не очень наблюдательной. Режиссер С.Врагова умно обыграла пьесу, шестидесятически пафосную и восьмидесятически сардоничную: в стиль попала, ничего не скажешь. Другое дело, что сам стиль затруднительно воспринимать всерьез. Личная одаренность автора роли не играет и не обсуждается, поскольку он жертва поссорившихся и не умеющих договориться времен.

ОТТЕПЕЛЬ И ПЕРЕОТТЕПЕЛЬ

(Лирическое отступление)

Спор 60-х и 80-х, приятно оживляющий газетную культурологию, как правило, кружится вокруг вечных ценностей, миссии художника и морального договора между искусством и обществом. Все аргументы в нем приведены, все возможные отсылки к Пушкину и Достоевскому, Набокову и Солженицыну, Вик.Ерофееву и И.Роднянской сделаны — не оговорена лишь зависимость выводов от самооценки спорящих.

Последнее слово в этом споре всегда остается за «шестидесятниками» не потому, что на их стороне истина, а просто потому, что «шестидесятники» весьма озабочены проблемой — за кем останется последнее слово.

Спор сейчас идет не о бытии вечного и истинного, но о том, допустимо ли трепетное и теплое прикосновение к вечному. Чем заполнять разрыв между «я» и «оно» — умной игрой, аналитикой, иронией или же чем-нибудь более непосредственным и общедоступным?

Для «шестидесятника» тут нет вопросов. Он обожает дисконтные связи высокого и низкого, моментального и монументального. В сущности, только в ситуации дискомфорта он и чувствует себя уверенно: на этом строилась театральная поэтика Таганки и «Современника». Подобрать примеры из сегодняшней жухлой театральной

практики несложно — но подбирать слишком скучно. Дотянемся — через четверть века — до первоцветов.

Вот один поэт начала 60-х осматривает Колизей (рифмуя, естественно, с «ротозей»). Для полноты ощущений ему не хватает архитектуры и культурной памяти: эмоциональную подлинность обеспечивает появление маленькой тени:

... на камнях

Проститутка присела на корточки.

Это не оригинальничанье, не эпатаж и тем более не сексуальная озабоченность. Когда другой поэт отправится в ночной клуб, он опять будет смотреть «не туда», опять будет искать дискомфорта:

А в глазах тоска такая, как у птиц,
Этот танец называется — стриптиз...

В Колизее сосредоточить внимание на оправляющейся проститутке, в стрип-баре — на вселенской тоске и отовсюду извлечь некий урок жизненной правды — это, если угодно, особый способ существования в культуре, нервный, «кухонный», но по-своему трогательный и честный. Я говорю совершенно серьезно: в любом художественном поступке, маркированном шестидесятыми годами, в самом способе конструирования художественных символов мы обнаруживаем извращенное желание немедля и по любому поводу соединить «неприглядную правду» жизни с ее «высоким смыслом». Так изживался комплекс собственной культурной неполноценности. Так прирастали к миру, рекомендуясь «покойником на пиру»: какая-никакая, а исключительность.

«Восьмидесятник» в Колизее любит тем, что выше головы, на стриптизе — тем, что ниже пояса. Уже поэтому договориться с ним о вечных ценностях совершенно невозможно. Для него залог жизни в культуре — комфортная позиция и чувство дистанции.

Впрочем, «десятники» выясняют свои отношения над головами «рабочников», потому и нечего делать на сцене сегодня согражданам и сверстникам зрителей.

ЖЕРТВА КАЧЕСТВА

Искусство театра вынуждено примириться с собственной незадачливостью: на какое-то время оно ушло

«Коварство и любовь».
Фото Г.Ровинского

от ответа на «последние вопросы» и правильно сделало. Несамостоятельное время позволяет вести разговор с небожителями только в присутствии посредника.

Гастроли Петера Штайна и Джорджо Стрелера наглядно показали, чем именно пришлось поступиться: гармонической соразмерностью и шириной театрального бытия — «большим стилем». Что в московской театральной жизни было соизмеримо с этими великими спектаклями — пусть не по качеству художественного существования, но хотя бы по направлению движения, по характеру почерка?

Ни-че-го. Эта роскошная и спокойная свобода, это понимание прекрасного как величавого, ощущение — при всей остроте личных переживаний — неуязвимости жизни в искусстве — недостижимы.

«Большим кораблям» сегодня заказаны «большие плаванья». Посыпательства на крупный и стройный спектакль в московской театральной жизни заканчиваются одним и тем же: чувством скуки и опустошенности. Неудивительно, что критика так обрадовалась, когда Тимур Чхеидзе, собрав последние силы ленинградского БДТ, доброкачественно и серьезно поставил «Коварство и любовь». Критика права во всем, кроме собственных надежд: контекст для этого чудесного спектакля нужно искать не в настоящем или наступающем времени,

а в завершеном (хотя и близком) прошедшем. Думается, что он встанет в один ряд с «Борисом Годуновым» Ю.Любимова и «Мизантропом» А.Эфроса, «Лириком» Р.Стуруа и «Квадратом» Э.Някросюса: это не приветственный, а прощальный поклон «большому стилю».

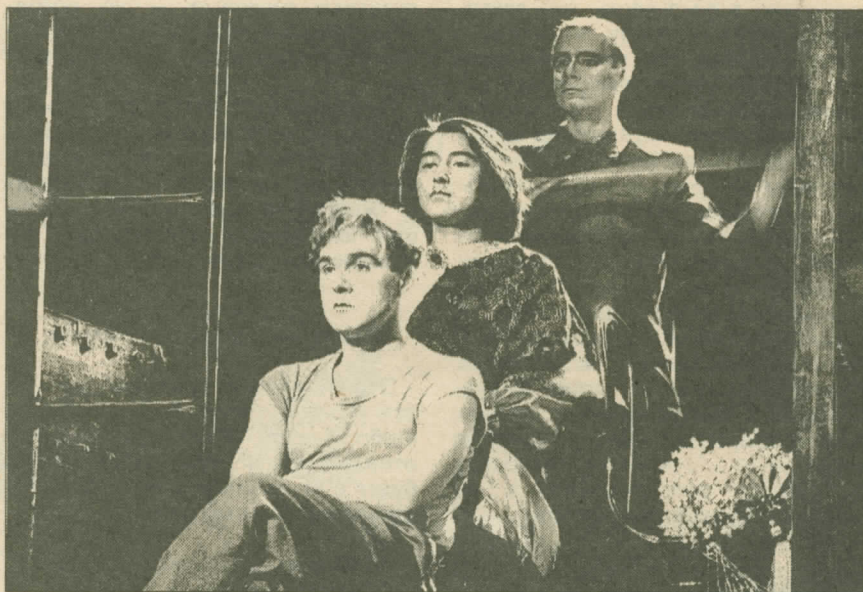
Московское искусство — зона опережающей деградации. Здесь отмежевание от актуального отозвалось отказом от непреходящего.

На традиционной сцене (подчеркиваю: именно на традиционной!) не было ни одного мало-мальски заметного спектакля по первородной классике: мы живем без Чехова, без Гоголя, без Кальдерона, без Шекспира...

Измельчилось само понятие культурной традиции: выбирается материал по плечу. Для начала самый близкий — «серебряный век», точнее — его «прихожая». На полноценный диалог с Блоком или Анненкиным театр чувствует себя не способным (правильно чувствует) — в ход идут тяжеловесные исторические драмы Мережковского («Павел» в ЦАТСа) и маргариновый символизм Леонида Андреева («Анфиса» в «Современнике»).

Столь же заманчив культурный образ Римской империи: только не из первых и даже не из вторых (Шекспир, Расин) рук. Требуется адаптированный текст, лучше всего современный, помеченный XX веком, зарубежный. После «Ромула Великого» — диоренматовской сатиры в «Ленком» — появляются двое «Калигул» А.Камю (в Ермоловском центре — добротный, в Театре им. Моссовета — замечательный благодаря игре О.Меньшикова), за ними — «Мартовские иды» приятного во всех отношениях Т.Уайлдера в Театре им.Вахтангова.

(Любопытно заметить, что в то же самое время живущий параллельно всему — и даже мифу о себе — Борис Юхананов волхвовал и чудачествовал над Римом как таковым. Он выпустил «Октавию» Сенеки — умопомрачительное и невнятное представление, знакомое мне по видеозаписи. На мой вкус, оно слишком эксцентрично. На мой взгляд, оно слишком эгоцентрично. Но мелькающий в просветах художественной ткани Рим Сенеки брался здесь в корне, с глубоким равнодушием к маршрутам посредников. А вслед за «Октавией» Юхананов начал неприглядно емкую работу над «Вишневым садом»...)

«М.Баттерфляй». Фото В.Кречета

Лучшие премьеры на большой сцене были наблюдениями над чужой красивой жизнью. В этом смысле прошедший сезон с еще большей очевидностью оказался временем эстетических побед мнимого над реальным.

СЛАДКИЙ МОРОК

Тоска по поддельной и уже поэтому лучшей жизни вывела в лидеры театрального процесса режиссеров, ранее не очень учитывавшихся, —

Романа Виктюка и Михаила Левитина. В этом сезоне они праздновали свои триумфы, блаженно дурача и дразня публику, оголодавшую по Зрелищу. «М.Баттерфляй» в Фора-театре и «Парижская жизнь» в «Эрмитаже» — спектакли-провокации, спектакли-обманки: тем и пленительны.

Виктюк так затейливо драпирует обе интриги в пьесе Д.Хуана — и шпионскую, и гомосексуальную, — что, в конце концов, элементарные эстетические рефлексы начинают

«Парижская жизнь». Фото А.Иванишина

«Археология». Фото И. Александрова

бунтовать. Представьте себе, что в детективном романе преступление остается не только неразгаданным, но и не совершенным! Немудрено, что зритель прежде всего мучается вопросом внешнехудожественным: КАК Рене Галлимар трахался с китайским оперным певицей Сонг Лингом?

В спектакле «М.Баттерфляй» действие убедительно и элегантно сводится к позе, предмет — к игре цветов и объемов. И именно этим оказывается затронут нерв нашей собственной развоплощенной реальности: радость пустоты, самоулажнение марионетки с оборванными нитями.

Мир Виктюка более утончен, мир Левитина — более радикален в проявлениях. Невсамделишность здесь заявлена уже на уровне фактуры: усердно, с радостью, с удовольствием от игры обживаются изначальное недоброкачественные пространства, ситуации, предметы. И это не пародия, а с предельным усердием исполненная эпиталама неподлинности.

Общие черты: оба спектакля идут очень долго и требуют от актеров огромных усилий. Театральные возможности именно в таких контактах — со стилизованным Востоком и с опереточным Парижем — используются максимально. Чего стоило при нынешних технологических неурядицах выстроить во

весь зал... Эйфелеву башню! В ее прочнейшей поддельности как бы заложена возможность путешествия по времени: от XX века, когда она — символ парижской грации, к XIX, когда та же башня «давила на мозг своею пошлостью» Мопассану.

Глупее парижан на сцене «Эрми-тажа» выглядеть может лишь человек, требующий от оффенбаховской оперетты историко-культурной достоверности. Спектакль Левитина ловко и удачно сочетает веселье и утомительность, несерьезность правил игры и основательность вложенных в нее усилий, доверие к материалу и полное безразличие к предмету. Арии в этом спектакле поются на своеобразном антиэсперанто: русским неизвестны слова, французам неведомы звуки этого языка. Париж (Paris) находится во Франции (France), а «Пыриш» — это где? Собственно говоря, это — Земля Обетованная. При условии, что вы в нее не верите.

...ЗЛОБА ЕГО

Еще недавно, неосторожно посетовав в хорошей компании на некие «довлеющие обстоятельства», приходилось выслушивать тут же учтиво-снисходительное разъяснение: «довлеть» отнюдь не означает «давить». «Довлеет днени злоба его» — это просто: сегодняшнему дню присущи его собственные заботы.

За несколько лет язык поддался, равенство «довлеть — давить» стало почти речевой нормой, зафиксировав очередной психологический сдвиг. «Довлеющее» сегодня нас гнетет. Злобы дня невыносимы. И, соответственно, некие естественные, присущие человеку нормы и установки стали восприниматься как тяжкие обязанности.

Из театрального процесса вытеснилось все, имеющее отношение к подлинным целям творчества. Надоело уже сетовать, что Анатолий Васильев не выпускает новых спектаклей: посудите сами, возможно ли это? Он пытается сохранить дом, «Школу драматического искусства», метод работы, связи с учениками — ему не до показательных выступлений.

В этом сезоне резко обозначилось противостояние разноколичественных театральных целей, долго- и краткосрочных рабочих программ. Все, кто хочет работать надолго, оказались в добровольном отлучении от зрителя, в царствен-

ном изгнаничестве, в резервации — на малой сцене, где довлеющее давит с меньшей силой.

Малая сцена оказалась пространством классического театра: здесь позволено взять в серьезную работу великий текст, принять в расчет традиционные, даже классицистские художественные нормативы. Здесь место действия мыслится как «место человека во Вселенной». Здесь время необратимо и непрерывно в своем течении. Здесь человек платит за выбор. И именно поэтому, помимо свободы действий, он обладает целью действия.

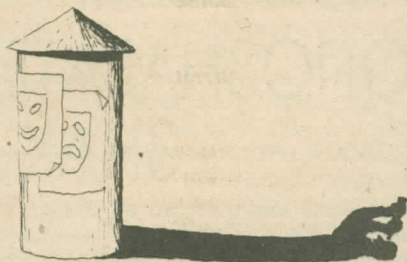
Как неожиданно, как прекрасно обнаружилось здесь родство задач, которые еще имеет смысл перед собою ставить! Как удивительно сблизились, не сроднясь, творческие манеры режиссеров разных школ и поколений! Какая певучая строфа вписана спектаклями малых сцен — поверх пустякового сезона — прямо в историю русского театра: «Калигула» с Олегом Меньшиковым в Театре им. Моссовета «Маскарад» в 5-й студии МХАТ «Ревизор» в Мастерской Владимира Клименко

«Играем «Преступление» Камы Гинкаса на Малой сцене ТЮЗа.

Здесь играют классику. Здесь формируется образ жизни другого искусства, здесь начинается будущее, и у меня не хватает дыхания, чтобы продолжить без точки:

«Лес» в Мастерской Михаила Мокеева «Три сестры» в Театре-студии на Красной Пресне «Кругом Возможно Бог» группы «Чет-Нечет» «Горе от ума», сыгранное студентами А.Праудина (Свердловск) на Малой сцене ЦДТ...

Но — остановимся. Сегодняшнему дню присущи его собственные заботы. Лишь выдержав паузу, додумав кое-какие мысли, взглянув со стороны на собственный текст, можно начинать разговор об этом — завтрашнем театре.

Венедикт Ерофеев умер. За год мы уже почти привыкли к этой мысли. Так он даже стал нам понятнее, окончательно устроившись на полочке классиков где-то недалеко от Гоголя. Он умер, не дожив и до пятидесяти двух лет. Но осталось множество людей, знавших его в разное время от рождения до смерти: его родственники, его женщины и друзья. Они должны вспомнить, каким был тот самый Венечка, о котором слагали легенды, слова которого были как пароль для посвященных; вспомнить, покуда былое не обросло вымыслом, покуда все живо и свежо, чтобы потом не спросили нас: а где были вы, жившие рядом с Пушкиным и Гоголем, куда смотрели?..

Сегодня мы публикуем фрагменты эссе А.Зорина, а также некоторых воспоминаний о Венедикте Ерофееве. Полностью эти и другие посвященные ему материалы, а также его собственные неопубликованные произведения читайте в девятом номере журнала «Театр».

ВЕНИЧКА

Андрей ЗОРИН

ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Великая книга — это не только текст, набранный на бумаге. Это еще и, если не прежде всего, отпечатки мусливших ее пальцев, энергия читавших глаз, отзвуки

споривших голосов, остывшая лава человеческих слез и смеха. Поэтому, в сущности, не может быть более искусственного подхода к классическому писателю, чем пытаться взглянуть на него свежим взглядом, заведомо отбрасывая, как, скажем, Л.Толстой в статье о Шекспире, весь предшествующий опыт восприятия. Но чтобы избавить других читателей от почтительного или агрессивного недоумения, опыт этот должен был выражен и сформулирован.

Облик эпохи, по-видимому, лишь в незначительной степени влияет на появление художественных дарований, но он может существенным, если не решающим,

образом определить способ их реализации. Социальное давление прежде всего перекрывает систему культурного кровообращения. В результате художественная жизнь приобретает очаговый характер, распадается на мелкие, не связанные друг с другом участки. При этом, по понятным законам человеческой оптики, находящееся рядом с тобой выглядит непропорционально громадным, а удаленное — исчезающе малым. Обратной стороной этой групповой заикленности становится фатальная неуверенность, ибо только общественное одобрение, негодование, безразличие могут служить почвой, из которой произрастает любое суждение. Вне их оно как бы висит в воздухе, становясь, независимо от своей обоснованности, слишком легким и произвольным делом. Всякое творческое усилие вызывает здесь непомерный резонанс в ближайшей среде, а затем поглощается вакуумом. Едва ли стоит объяснять, что я описываю ситуацию 70-х годов. Именно «Москве—Петушкам» было суждено прорвать эту блокаду, стать точкой отсчета для нового этапа художественного или, по крайней мере, литературного процесса. Более того, по слабому намеку, по едва заметной цитате из поэмы в незнакомом человеке можно было узнать своего.

Я не раз слышал, а в последние годы и читал, что значило для людей начала 60-х годов появление «Одного дня Ивана Денисовича». Огромный пласт бытия, тяжело ворочавшийся в подсознании, о котором у общества не было ни слов, ни сил не только говорить, но и думать, был неожиданно возведен, как любил выражаться Гегель, «в перл создания» и обнародован. Целое поколение, а то и два сумели благодаря этой маленькой повести осознать себя и свое место в жизни. На следующем этапе другой книге Солженицына — «Архипелаг ГУЛАГ» — суждено было выполнить куда более грандиозную историческую задачу. Но «поколениеобразующая» роль перешла на этот раз к поэме Вен. Ерофеева.

Существенно, что «Один день...» смог стать тем, чем он стал, благодаря публикации. Напротив того, «Москва—Петушки» поражали своей стопроцентной сознательной непубликуемостью, проявившейся не только в содержании, к чему все уже более или менее привыкли, но и в поэтике. Это была абсолютно неофициальная литература, создававшаяся о друзьях и для друзей. Посторонний читатель может не понять или, вернее, не может понять тех или иных намеков, но он неизбежно чувствует их присутствие. Это игровое претворение бытового в художественное весьма характерно для домашних экзерсисов, внезапно превратившихся под Веничкиным пером в высокое искусство. И дело здесь не только в открытом еще Тыняновым законе «превращения бытовых форм в литературные».

«Домашняя, интимная, кружковая семантика» (Ю. Тынянов) «Москвы—Петушков» провидчески указывала на глубинное перемещение центра тяжести душевной (не хочется говорить духовной) жизни поколения с общественного на частное, при котором сферой реализации и раскрытия личности становится не социум, но приятельская компания. Именно здесь формируются критерии ценности человека, происходит его самоутверждение и самооценка. Наступала эра кухонь, подвалов и бойлерных, и Ерофеев своим литературным даром резко поднял статус этого способа общения, существования и выживания. Сколько раз, читая в тесном кругу друг другу поэму вслух, мы ощущали, что эта проза придает особое измерение нашим совместным усилиям не пропасть в окружающей действительности.

Измерение это, однако, возникало благодаря еще одному с первых мгновений поражающему свойству поэмы — ее укорененности в мировой культуре. Историко-культурный бум 70-х годов — явление хорошо известное. В нем отразилось и насильственное прекращение современности — вокруг, казалось, ничего не происходит, и внезапно пришедшее к обществу осознание убогости своего образовательного багажа, и стремление опереться на традицию, нащупать в уходящей почве истории, среди рушащихся святынь ценности безусловные и выдержавшие испытание временем. Эрудиция Ерофеева была для русского писателя, выросшего в послевоенную эпоху, феноменальной. Сравниться с ним в этом отношении мог бы разве что такой же самоучка Иосиф Бродский. Стерн и Гете, Кант и Ницше, Вагнер и Дворжак ощущались им как живые собеседники, столь же естественные, как Вадим Тихонов, пара Митричей или женщина трудной судьбы. Самая форма повествования отсылала к стерновско-карамзинско-радищевской традиции, жанр — к «Мертвым душам», характер гротеска — к Щедрину и Свифту. Домашняя словесность легко и без всякой натуги входила в мировую литературу, соответственно увеличивая уровень интеллектуальных притязаний своих читателей. И при этом автор «Москвы—Петушков» был начисто лишен столь распространенного в те годы культуropоклонства. Веничка говорил с великими как равный с равными, свободно и весело: «А потом (...), когда они узнали, отчего умер Пушкин, я дал им почитать «Соловьиный сад», поэму Александра Блока. Там в центре поэмы, если, конечно, отбросить все эти благоуханные плеча и неозоренные туманы, и розовые башни в дымных ризах, там в центре поэмы лирический персонаж, уволенный с работы за пьянку, б...ки и прогулы. (Потрясающе точный пересказ! — А.З.) Я сказал им: Очень своевременная книга, — сказал, — вы прочтете ее с большой пользой для себя».

Впрочем, последняя часть приведенной цитаты обращает нас к совершенно иной проблеме. Как бы мы ни ценили поэтику кружкового намека или культурной аллюзии, окружающая нас языковая субстанция полна реалиями совсем иного рода. И если проанализировать состав воздуха, которым мы дышим, то неизбежно окажется, что более всего в нем идеологических клише, принадлежащих словарю политической власти, и вульгарных ругательств, представляющих собой ответ покорившегося этой власти народа. Писатель, конечно, может сделать вид, что ничего этого не замечает. Другой вопрос, что он после этого сумеет сказать.

Традиция работы с официозной формульной системой восходит еще к Зоценко и Платонову. О «Новоязе» убедительно писал Оруэлл, уже в последние годы его структуре и истории посвящены специальные социолингвистические работы. Зона его распространения отнюдь не сводится к области, обнимаемой идеологией. Благодаря своей сверхупотребимости он проникает во все сферы жизни, отчуждаясь от своего первоначального смысла. Подобно мату, своему извечному спутнику и антагонисту, фразеология власти десемантизируется, приобретая способность выражать совершенно любые чувства и значения. «Низы не хотели меня видеть, а верхи не могли без смеха обо мне говорить. «Верхи не могли, а низы не хотели». Что это предвещает, знатоки истинной философии истории? Совершенно верно: в ближайший же аванс меня будут физдить по законам добра и красоты, а ближайший аванс — послезавтра,

а значит, послезавтра меня измудохают». Так слова, призванные служить лжи, расколдовываются, приручаются и делаются пригодными для человеческого употребления.

Уже совсем скоро подрастет поколение, не зубрившее Ленина ни в школе, ни в вузе, и ему потребуется филологический комментарий, чтобы понять какой-нибудь восхитительный Веничкин пассаж вроде «Чтобы по ней (общественной лестнице. — А.З.) подняться, надо быть жидовской мордой без страха и упрека, пидором, выкованным из чистой стали с головы до пят. А я — не такой». Но свято место пусто не бывает. Средства массовой информации успешно работают, и можно не сомневаться, что вместо учебника по истории партии уши наши займут предметом не менее назидательным: церковным катехизисом, коммерческой рекламой или еще чем-нибудь, о чем мы сегодня даже не подозреваем. Так что, боюсь, нужда в технике речевой гигиены скоро не отпадет, а на этот случай Веничка, пришедший нам на помощь в одну из самых трудных минут истории, навсегда останется незаменимым пособием.

Любопытно, что среди хрестоматийных текстов основоположника первого в мире социалистического государства Ерофеев с особенным вкусом цитирует статью «Памяти Герцена». Можно задуматься, в какой именно мере это связано с нараставшим в конце 60-х годов интересом к декабризму, в котором формировавшаяся в ту пору оппозиционная интеллигенция видела аналог собственной социальной отчужденности и от власти, и от массы. Дивный «Петербургский романс» Галича, написанный в те же годы, сопоставлял полки, стоявшие на Сенатской, с горсткой диссидентов, вышедших на Красную площадь протестовать против оккупации Чехословакии. По-видимому, ленинская характеристика декабристов не прошла бесследно для этой фазы нашей общественной мысли.

Ни происхождением, ни судьбой, ни творчеством Ерофеев не был «страшно далеко от народа». В «Москве—Петушках» угадан и воплощен тот процесс национальной люмпенизации, который решительно стирал перегородки между общественными группами. Местом встречи интеллигенции и народа становятся здесь мат и алкоголь. Мне уже доводилось писать (см. «Новый мир», 1989, N 5) о возможном воздействии на поэму идей Бахтина о карнализации. Как известно, Бахтин был не только исследователем карнавальской культуры, но и ее решительным апологетом. В Рабле он видел величайшего выразителя народного смеха, а в Гоголе, быть может, единственного достойного продолжателя раблезианской традиции. Поэтому его радовала «чисто карнавальная характеристика быстрой езды и русского человека» в конце первого тома «Мертвых душ». Поглощение Чичикова национальной стихией и одновременное снижение птицы-тройки до брички Павла Ивановича отвечали основам бахтинского ощущения литературы. Исход книги Ерофеева при всем желании не позволял увидеть ничего подобного. Страшная смерть Венички в последней фразе отнюдь не чревата последующим воскрешением. Стихия народного смеха в конце концов обманывает и исторгает героя.

Собственно говоря, такой исход был предначертан с самого начала. Еще в первых главах возникает идиллия общежития в Орехово-Зуево, явно пародирующая Телемское аббатство Рабле: «Мы жили душа в душу, и ссор не было никаких. Если кто-нибудь хотел пить

портвейн, он вставал и говорил: «Ребята, я хочу пить портвейн». А все говорили: «Хорошо. Пей портвейн. Мы тоже будем с тобой пить портвейн». Если ночью кого-нибудь тянуло на пиво, всех тоже тянуло на пиво». Однако эта восхитительная гармония рушится из-за полной неспособности героя публично справлять свои естественные надобности. Его обиженные соседи по комнате («Получается так — мы мелкие козявки и подлецы, а ты Каин и Манфред») заставляют его справиться малую нужду, а потом предвещают: «С такими позорными взглядами ты вечно будешь одиноким и несчастным». Так оно и выходит. Карнальному единству героя и народа, по Бахтину, состояться не суждено.

Насчет «Каина и Манфреда» сказано, конечно, слишком круто. В «тихом и боязливом» Веничке с его неприятием гордости и самодовольства очень мало байронического. Но бескомпромиссный индивидуализм оказывается ему в высшей степени свойственен. Весь текст поэмы разворачивается как череда неудачных попыток героя вписаться хоть в какой-нибудь социум. Его выкидывают, не дав опохмелиться, из вокзального ресторана, его отвергает общежитие в Орехово-Зуево, он терпит крах как бригадир в Лобне, его, уснувшего и пьяного, оставляют случайные попутчики в электричке, следующей в Петушки, он покидает своих соратников по победоносной революции в Петушкинском районе, проводя ее бесплодностью. Не удается Веничке и достигнуть вождьей цели своих странствий. И Петушки, рай любви, где никогда не отцветает жасмин, и «дымные и вшивые хоромы» «за Петушками, где сливается небо и земля и волчица воет на звезды», рай семьи и уюта, оказываются для него недоступны. В конце концов сама жизнь выталкивает Веничку из себя, ибо он воистину слишком хорош для этого мира.

Герой поэмы как бы проскальзывает сквозь пространство бытия, не сливаясь с ним, бессильный зацепиться и удержаться хоть на каком-нибудь плацдарме. В воспоминаниях о Ерофееве самых разных людей постоянно звучит та же нота: его отдаленность от происходящего, неучастие в жизни, приобретающее черты болезненно-мнительной стыдливости, сочетание небедного обаяния собеседника и собутыльника с отрешенностью и созерцательностью. И здесь мягчайший Веничка с железной неуступчивостью и экстремизмом выразил столь свойственный времени пафос неучастия и достигавшее масштабов социального невроза стремление сохранить себя ценой отказа от каких бы то ни было попыток что-то изменить и исправить. Умноженное на неизбежно сопровождающее талант одиночество, стремление это могло вызывать губительные последствия.

Говоря о том наполнении, которое получили в поэме извечные для русской литературы вопросы: интеллигенция и власть, интеллигенция и народ, личность и среда и пр., важно помнить, что все они решаются здесь в сфере языка, а позиция автора реализуется в технике работы со словом. «Москва—Петушки» — одна из самых последовательно антиидеологических книг во всей нашей словесности, и претензии любых идеологических конструкций на значимость, на право занимать ум и душу писателю отвратительны и скучны: «Помню, еще очень давно, когда при мне заводили речь или спор о каком-нибудь вздоре, я говорил: «Э! И хочется вам толковать об этом вздоре!» А мне удивлялись и говорили: «Какой же это вздор? Если и это вздор, то что же тогда не вздор?» А я говорил: «О, не знаю, не знаю! Но есть».

1982 г.

1982 г.

1989 г.

1988 г. Первый официальный вечер В. Ерофеева

Веничка, действительно, «ни разу не видел Кремля». И хотя ему суждено было погибнуть близ кремлевской стены, в этой способности «тысячу раз, напившись или с похмелья, (...) с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало» проходить мимо центра страны и символа державы было заключено огромное освобождающее значение.

Демократизм и элитарность, грубость и утонченность, фарс и трагедия, капуста и мистериальное действие встретились на страницах поэмы, чтобы в ценящую парадоксы эпоху оттенить главный парадокс: всеми фибрами души не терпевший учителя Веничка так стал пророком. И когда нас позовут на любой суд, мы будем свидетельствовать о времени, в котором жили, держа руку на «Москве—Петушках».

Владимир МУРАВЬЕВ:

«Мы жили весело»

Мы жили с ним вместе в общежитии университета на Стромынке — больше полутора лет наши койки стояли рядом. Как раз там написана добрая половина «Записок психопата» — его первой прозы. Нам было весело и интересно вместе, но пиетета никакого не было. Он записывал что-то из того, что я говорил, я записывал то, что говорил он. Было общее взаимное влияние. Но у меня не было его привычки постоянно вести записные книжки. А Веничка потом к ним возвращался многократно и писал по этим материалам. Жили весело. Ставили оперу «Апрельские тезисы» — придумывали ее все вместе. Был у нас такой человек — Леня Михайлов, он говорил: «Я гожусь только на роль броневика». И изображал броневик, у него была даже ариетта.

Что касается вылета Ерофеева из университета, то здесь мне приходится разрушить легенду о гонениях — его вышибли за постоянный отказ сдавать что-нибудь, посещать что-нибудь и так далее. Веничка самым насмешливым образом говорил, что, мол, его исключили. Время от времени ему импонировала роль страдальца. Его никто не исключал, с ним бились Бог знает как, хотели его оставить, он первую сессию сдал с полным блеском, и вообще было понятно, что он прирожденный филолог. (И действительно, он филолог, но в другом смысле — не ученый.) Была даже такая история: его встретил Роман Николаевич Тамарин (не тем будь помянут) — был такой профессор — на лестнице в МГУ: «Ну, Ерофеев, вы когда собираетесь сдавать сессию?» — на что Веничка, проходя, ткнул его в брюхо пальцем и сказал: «Ах, граждане, да неужели вы требуете крем-брюле?» — и пошел вверх. Надо сказать, что даже после этого его не исключили. Но ситуация была совершенно безвыходной, потому что он уже совсем перестал сдавать экзамены, вообще ходить... Первую сессию он сдал на пятерки без всякого для себя напряжения. И вторую сдал, уже с некоторым скрипом, но его тогдашняя пассива выгоняла его на экзамены (он ей этого не простил). На зимней сессии второго курса его вышибли.

Ольга СЕДАКОВА:

«Гадких утят любил. От лебедей — тошнило».

Веня любил всех нелюбимых героев истории, литературы и политики. Все «черные полковники», Моше Даяны, какие-то африканские диктаторы-людоеды (Бокасса, что ли, его звали?) — были его любимцами. В Библии ему был особенно мил Царь Саул. Давиду он многое прощал за случай с Вирсавией. Апостола Петра с любовью вспоминал в эпизоде отречения у костра. Ему нравилось все антигероическое, все антиподвиги, и расстроенное фортепьяно — больше нерасстроенного. На его фортепьяно, не поддающемся ремонту, где ни один звук не похож был на себя — и хорошо еще, если он был один: из отдельно взятой клавиши извлекался обычно целый мерзкий аккорд, — на этом фортепьяно игравали, к великому удовольствию хозяина, видные пианисты и композиторы. Всех гадких утят он любил — и не потому, что провидел в них будущих лебедей: от лебедей его как раз тошнило. Так, прекрасно зная русскую поэзию, всем ее лебедем он предпочитал Игоря Северянина — за откровенный моветон.

Во всем совершенном и стремящемся к совершенству он подозревал бесчеловечность. Человеческое значило для него несовершенное, и к несовершенному он требовал относиться «с первой любовью и последней нежностью», чем несовершеннее — тем сильнее так относиться. Самой большой нежности заслуживал, по его мнению (цитирую), «тот, кто при всех описался».

Не могу сказать, что мне до конца был понятен этот крайний гуманизм. «Да, — говорил по этому поводу Веня, неожиданно переходя на высокий стиль, — снисхождение не постучится в твое сердце».

Еще непонятнее мне была другая сторона этого гуманизма: ненависть и к героям, и к подвигам. Чемпионом этой ненависти стала у него несчастная Зоя Космодемьянская: за свое поклонение этой Прекрасной Даме он дорого заплатил (говорят, что он был отчислен из Владимирского пединститута за издевательский венок сонетов, посвященный Зое). Зоя была средоточием мирового зла, рядом с ней располагались А.Маресьев, Павлик Морозов, затем герои труда (Стаханов и т.п.). Даже Буревестник с его «Человек — это звучит гордо» и подобными афоризмами не возбуждал такого гнева: в Буревестнике Веня находил что-то комичное, Буревестник был низок и двоедушен, а это уже примиряло с ним. Но безупречная Зоя, мученица Зоя! При мысли о Зое Веничку покидало даже чувство юмора.

Галина ЕРОФЕЕВА:

«И природа чешет в затылке...»

Я Ерофеева буквально на помойке нашла. Жила у меня тогда в Камергерском подруга, Нина Козлова (у меня там были две хорошие комнаты на четвертом этаже, а на третьем Прокофьев жил). Нинка тогда ждала Ерофеева из экспедиции в Среднюю Азию, оставила ему мой адрес и расписала: «Прекрасная хозяйка прекрасного дома». Она сама его пихнула в эту экспедицию, продала свои туфли, чтобы купить туда билет на поезд. Он был тогда без документов, скитался — нигде не жил, вернее, жил повсюду. Когда-то, в 16 лет, он получил паспорт, но что такое паспорт для Ерофеева — так, бу-

мажка. Он теперь оказался в очень трудной ситуации, и все пытались ему помочь, отправляли в экспедиции, надеясь, что, может быть, в какой-то из них удастся выписать паспорт. В этот раз он был в паразитологической экспедиции лаборантом по борьбе с «окрыленным кровососущим гнусом», то есть с комарами. Он говорил: надо было выставить руку, чтобы садились комары, и считать, сколько их.

В общем, что такое в 1974 году в СССР человек без документов? И не просто без документов, он никогда не состоял на военном учете, у него никогда не было прописки...

Короче говоря, он приехал ко мне с Игорем Авдиевым и со Свиридовым, к тому моменту уже месяц промотавшись по Москве. И Нинка сказала: «Пусть писатель поживет». Я тогда знала, кто такой Ерофеев, хотя «Петушки» еще не читала. Но я дружила с Айхенвальдом, и однажды на мой вопрос: «Что нового в литературе?» — он сказал (учтите, что это московский интеллигент, не пил, не курил, матом не ругался): «Есть такое гениальное произведение «Москва — Петушки», но ты этого не поймешь». Я стала, как дура, спрашивать, в чем там дело, а моя знакомая отвечает: «Да просто пьяница едет в электричке». Я потом то же отвечала, когда пришлось Вене оформлять военный билет. Врачи в психоневрологическом диспансере, как узнала, что он автор «Петушкова», все выпрашивала: ну что там? Ну, хоть в одной главе? — Да ничего особенного, едет пьяница в электричке.

Конечно, мнение Айхенвальда для меня очень много значило.

У нас была коридорная система, и, когда он появился, я осталась у двери, а он шел по коридору. И пока он прошел, мне стало ясно, какая у меня будет фамилия. Глаза голубые, волосы темные. Он, конечно, ниже Авдьяшки, но если учесть, что в Игоре метр девяносто семь, а в Вене было метр восемьдесят семь (он обычно говорил: метр восемьдесят восемь)... Он был не просто высоким, а гибким, стройным. Любчикова на 50-летие написала ему поздравление в дантовском стиле, где назвала его «Лавром». В нем было совпадение всего, что по теории вероятности почти невозможно в одном человеке. Сама природа сейчас чешет в затылке: как же это она так... Он был в семье младший, шестой, но пятый ребенок умер. Все другие — обычные люди, а он... Я не видела его родителей, но думаю, что на отца он был немного похож. У отца, мне сестры говорили, тоже был замечательный голос (он не пил, хотя его отец пил). Отец тоже был высокого роста и хорош собой, но Веня был гармоничен. Ну, может быть, немного нос был курносый — это мамочкин нос.

Лидия ЛЮБЧИКОВА:

«Красив, беден и счастлив в любви...»

Знакомство мое с Беном (я всегда звала Ерофеева Бенедиктом, считая наше «Венедикт» — испорченным) началось в 64-м или в 65-м году, значит, больше 25 лет назад. Он работал в одной шарашке с Вадимом Тихоновым, бывшим моим мужем. Я была хозяйкой в маленькой семиметровой комнатке на Пятницкой. Очень удобное место: близко метро, близко центр, кругом магазины. Ерофееву тут — как транзитному — очень хорошо. Впервые он пришел к нам со своей женой — Валей Зимаковой. Оба высокие, крепкие, очень

гривлекательные. У Вали — роскошные длинные волосы гривой. Но оба какие-то неприкаянные, неустроенные, в поношенной бедной одежде.

С Тихоновым отношения у Бена были сложные и простые в то же время. Ссорились они редко, да и то Бенедикт ему все спускал: «Ох, Вадимчик!» Их соединяли и совместные проказы, например, они во Владимире вместе поджигали райком. Взаимное подтрунивание, иногда до ожесточения, и тут же любовное распитие и умиленные взоры друг на друга. А я обеспечивала закуску, по безденежью чаще всего яичницу, которую Бенедикт очень бережно, кусочком хлеба всю подбирал со сковородки. Есть он всегда хотел ужасно, но выражал это застенчиво, ед не жадно и действовал кусочком хлеба как-то чрезвычайно деликатно. Мы с Тихоновым тоже побывали у них в гостях, в деревне Мышлино, где жила Валя «с тещей и козой», а потом и с «пухлым младенцем». Изба была какая-то темная, мрачная, холодная. Новую избу Валя нечаянно сожгла. А в этой, старой, и печка русская была уже нехороша, приходилось топить еще и другой печкой. Труба от нее тянулась через избу в окно. Уюта не было никакого. И лада в семье тоже было мало, потому что теща не очень любила Веню, как водится у тещ. Про нее «владимирцы» сочинили, что она была ведьмой, как, впрочем, и Валя. Бен рассказывал: «Смотрю, стоит теща, а козы нет, потом тут же стоит коза, а тещи нет». Как разговор о Мышлино, так и такие забавы. В те поры мне казалось, что Бен любил Валю. А Валя любила его. Он непременно что-то вез в Мышлино, когда ездил туда, и, заходя к нам, обычно показывал, что везет: ему нравилось изображать хозяйственность и что я его хвалю, хотя в его клади превалировала выпивка. Валя была очень хороша во время беременности: кожа нежная, чистая, лицо как будто нарисовано акварелью, глаза большие — прелесть. Она была очень счастлива тогда. Ребенка мы увидели уже годовалого или старше, когда приехали опять в Мышлино, на этот раз ватагой «владимирцев», встречать Новый год. Ребенок был действительно «пухлый» и «кроткий», по-моему, ни разу не заплакал, хотя жил в очень трудных условиях. В этой старой избе воздух от пола на полметра никогда не нагревался, и мальчик жил при минусовой температуре, вечно простуженный («Весь в соплях», — сказал Бен).

«Владимирцы» — это действительно владимирцы: Боря Сорокин, Игорь Авдиев, Андрей Петяев, Вадим Тихонов, Валера Маслов и его девушка Валя, Владик Цедринский, потом Андрей Архипов и другие возникали и пропадали. Бен во Владимире учился в пединституте и жил на квартире у матери Тихонова. Отсюда все эти ребята, их девушки, их знакомые. Валя Зимакова тоже из пединститута, она преподавала потом немецкий и, по-моему, еще что придется. В пединституте Ерофеев был, по рассказам, очень заметен. Очень красив, очень беден, очень счастлив в любви. Это ему и друзьям его, вроде Тихонова, помогало и жить, и пить. Они подкатывались к очередной жертве и, пользуясь своей красотой, с нахальством занимали трешку «до понедельника», не уточняя — которого. Бен пил уже тогда «гомерически». Он рассказывал, что у него бывали дуэли с самыми знаменитыми выпивохами и он перебивал всех, причем знаменитости валялись под столом, а он, чистый, как стеклышко, в домашних тапочках на босу ногу (бедность!), снисходительно принимал восторги дев. Но и вылетел из «педа» за все подвиги, хотя учился там лучше всех, получал именную стипендию.

ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЙ СУПРЕМАТИСТ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ДВОРНИКОВ И СТОРОЖЕЙ

На тупой, но закономерный вопрос: «Когда вы решили стать художником?» — он отвечает: «Я ничего не решал. Я им был всегда без видимых причин и усилий».

Сергей Шутов — одна из сакральных фигур московского андерграунда 80-х. Однако говорить о его известности можно, только учитывая условность этого понятия и границы самого андерграунда. Правда, уверять, что о нем никто ничего не знает, тоже означало бы вводить в заблуждение почтеннейшую публику. Ведь почти все видели «Ассу» хотя бы по телевизору, если не видели, то хотя бы слышали о ней, а если не о ней, то хотя бы о той скандально-привлекательной почке, которой была отмечена премьера фильма. Не меньше шума, чем «Асса», наделал в свое время и аукцион «Сотбис», открывший жителям страны всяческих советов глаза на стоимость работ некоторых ныне живущих художников, считавшихся до этого доморощенными. А Шутов — полноправный участник этих ярких событий.

— С режиссером Сергеем Соловьевым я познакомился на моей однодневной выставке в Курчатовском институте. Потом мы с Тимуром Новиковым долго морочили ему голову, пока не заморочили окончательно, и получилась «Асса». Но что бы там ни говорили, Соловьев — художник с мировым именем.

— А как вы стали художником с мировым именем?

— Сам я для этого не прилагал никаких усилий. Этим занимаются эксперты — люди, в каком-то смысле диктующие свою политику галерейщикам. Эксперты «Сотбис», зная конъюнктуру художественного рынка, отбирали работы тех художников, кто каким-то образом был связан с русским авангардом, — не важно, продолжал его или плелся в хвосте. Думаю, что человек пятьдесят в нашей стране сейчас могут быть расценены западными экспертами в качестве художников мирового уровня.

— Здесь вы входите в какую-нибудь экспертную иерархию?

— Сейчас пытаются даже выпускать справочники о существующих художниках «40 советских художников», «100 советских художников». И в том и в другом есть мое имя. Ко-

нечно, в них фиксируется определенный круг, но часть включенных в него художников, наверное, можно заменить другими.

— Вас можно заменить?

— В коммерческом плане, безусловно, можно. А в плане идеологическом сейчас каждый художник являет собой направление, никакой генеральной линии нет. Поэтому, пожалуй, никого заменить нельзя.

— Неужели пришло время личности в искусстве?

— Да, ситуация сейчас более выгодна для отдельной личности, а не для группы. В связи с этим даже произошли изменения в традиционной ориентации андерграунда, поскольку художники были поставлены перед вопросом: что такое коммерческий успех? Раньше-то все знали, что хорошо быть некоммерческим художником.

— А вы какой?

— Не знаю. Если работы хорошо продаются, по логике вещей они должны считаться коммерческими. В таком случае самый некоммерческий по сути художник у нас — Илья Кабаков — является самым коммерческим. Некоторое время в мастерских переживались и пережевывались подобные парадоксы. Теперь наступил следующий этап, когда разные художники уживаются друг с другом, будучи коммерчески и даже идеологически полярными.

— Ситуация, прямо противоположная 60-м годам?

— Да. Сегодня выбрать себе группу «по интересам» не просто трудно — невозможно. Главное отличие нашего поколения от шестидесятников в том, что они всегда и везде оставались социально озабоченными людьми, привязанными к своему врагу. Они не могут жить без советской власти, которую ненавидят. И в Нью-Йорке, и в Париже по-прежнему продолжают бороться с ней. А для нашего поколения важна очень простая мысль: нет одинакового пути для всех — ни плохого, ни хорошего. Свобода важнее борьбы за свободу.

Но нам, конечно, во многом легче, потому что сейчас проще реализовать свои идеи, реализовывать себя как художника.

— Разве эта свобода от социума не связана с тем, что 80-е годы преимущественно были десятилетием визуальных искусств?

— Конечно. Невербальное творчество потенциально содержит большие возможности самовыражения личности.

— Художникам принято задавать такой вопрос: с кем вы чувствуете генетическую связь?

— С «Лед Зеппелин». Они высоко профессиональны и при этом удивительно демократичны.

— А искусствоведы куда помещают вас в своих кунсткамерах?

— Чаще всего меня называют психоделическим супрематистом.

— Ваша недавняя выставка в Москве имела успех?

— Это была моя первая персональная не однодневная выставка в Союзе. Не знаю, как ее оценить. Наверное, она прошла нормально. Кажется, Третьяковка и Русский музей собирались что-то купить с нее.

— И что дальше?

— Ждать нечего: мастерской не будет, денег здесь тоже не будет. Великие музыканты не могут прокормить в этой стране свои оркестры, чего же ждать альтернативному художнику, который пишет картины, не пользующиеся таким безусловным успехом, как классическая музыка.

— Вы можете представить себе, что наступит время, когда снова придется дворничать?

— Я готов к этому. Я знаю, что мести двор — не самое худшее времяпрепровождение, а профессия художника — это рискованное занятие. Я занимаюсь тем, что мне интересно, и так случилось, что последние годы мне для этого не надо было изыскивать способ заработать. Потому что живопись, по крайней мере на Западе, стала предметом, в который вкладывают деньги.

— Входит в разряд вещи?

— Совершенно верно.

— Вас это не коробит, не мучают мысли о высоком предназначении искусства?

— Ну нельзя же в конце XX века делать вид, что не существует огромного количества вещей, которые не меньше, чем картины, могут доставить удовольствие: телевизоры, кинокамеры, автомобили, компьютеры. Это ведь не просто железки. Это настоящие вещи. Вот вы не задали мне вопрос, есть ли у меня цель.

— Я просто боюсь задавать такие вопросы.

— Напрасно. Очень важно знать: зачем все это. Я уверен, что мы существуем с какими-то позитивными задачами. Художественный опыт, как всякий другой, копится, чтобы в определенный момент количество произведенных усилий перешло в новое качество. Я делаю свое количество ради этого будущего качества, когда мы все сможем перейти на совершенно иной уровень существования.

— Вы говорите, как инопланетянин.

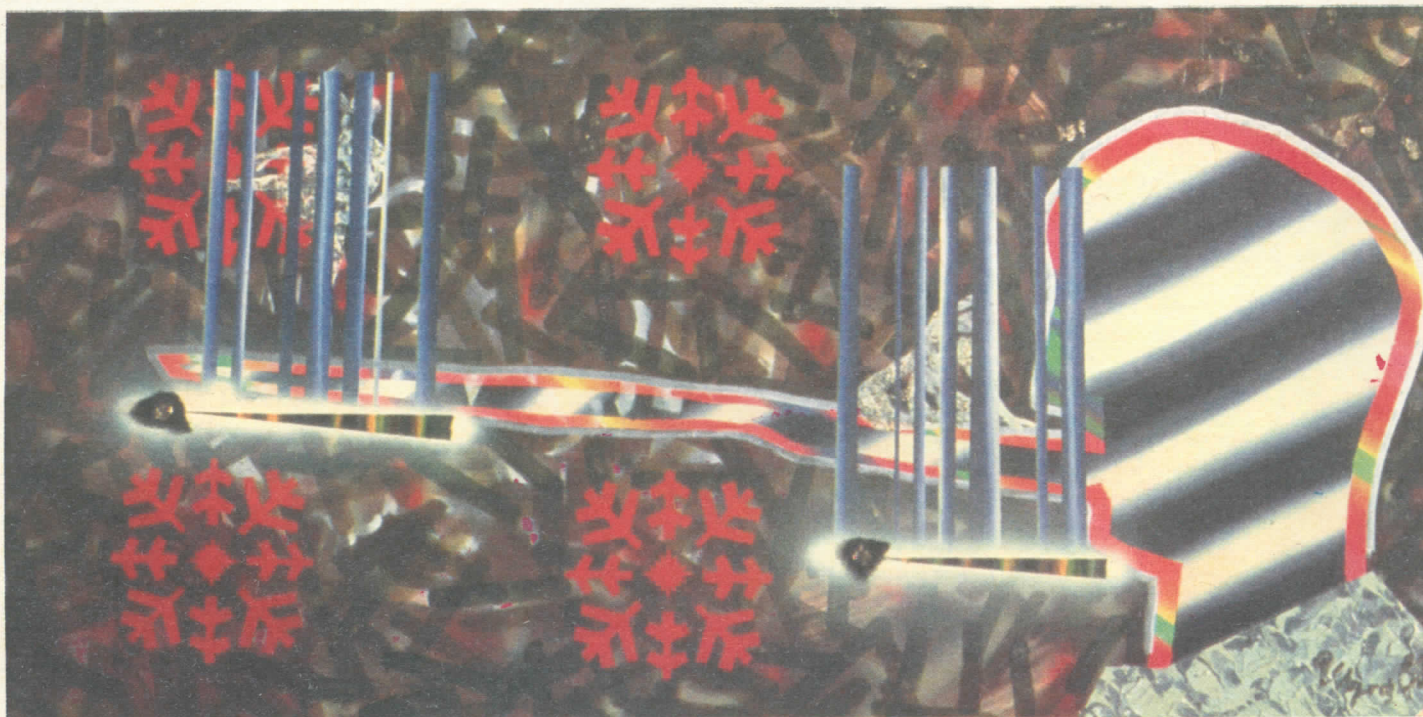
— Мы все инопланетяне. Кто же по собственной воле согласился бы здесь жить? Но раз нас забросили в этот отстойник — надо выполнять свое предназначение...

Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Сергей ШУТОВ. «Семья УФОНатов».

Сергей ШУТОВ. «Ночью длинных языков».

21-3-198

индекс 73746

Сергей ШУТОВ. «Жизель».